

Лара Лоске
Женщина-вампир

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СССЛII

Salamandra P.V.V.

Анри
Люсне

ЖЕНЩИНА -ВАМПИР

Salamandra P.V.V.

Люсне А.

Женщина-вампир. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2019. — 174 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CCCLII. Вампирская серия).

Фантастическо-приключенческий роман «Женщина-вампир» загадочного Анри Люсне — одно из произведений, опередивших «Дракулу» Б. Стокера. Действие романа начинается в первой половине XIX в. в Индии, где потомки французского генерала готовят восстание против британского владычества. Нити заговора сплетаются все туже... и приводят молодого француза Рожера Болле в объятия прекрасной женщины-вампира. Оставляя за собой трупы, соблазнительная хищница преследует свою жертву и в Париже.

1819-2019

ВАМПИРСКАЯ СЕРИЯ

К

**200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ПУБЛИКАЦИИ
«ВАМПИРА» Д. ПОЛИДОРИ**

ЖЕНЩИНА -ВАМПИР

ПРОЛОГ

1799 г.

В эту ночь тысячи мужских сердец бились сильнее обыкновенного.

Дело происходило в центре Индостана. Десятки тысяч людей, разделенных на два враждебных лагеря, готовились к кровопролитному сражению.

Результатом этого столкновения огня, железа и смерти должна была явиться или независимость Индии, или ее окончательное порабощение Англией.

Расположенные на длинной цепи высоких холмов, индусы медленно разводили бивуачные огни.

В уснувшей долине царствовала мертвая тишина, но в этой тишине все-таки чувствовалось присутствие жизни.

В самом центре лагеря высится палатка, обширнее и выше других. Перед палаткой пылает огромный костер.

Здесь бодрствуют.

За столом сидят два человека и разговаривают, водя пальцем по разложенной карте.

Одному из них около 45 лет.

Высокий и плечистый, он обладает серьезным и добрым лицом, широким лбом и открытым, решительным взглядом.

Его волосы и усы почти седые.

На нем надет французский мундир.

Это генерал Луи Сен-Пьер, оставшийся, вместе с другими товарищами Сюффрена, в Индии после Версальского мира.

Он углубился в горы во главе горсти солдат и продолжал вести борьбу с могучими противниками.

Его мужество, смелость и чрезвычайная физическая сила скоро фанатизировали робких индусов.

Благодаря своей политической ловкости, он сумел склонить магаратских принцев, и вот они готовятся нанести последний удар английскому владычеству.

Рядом с генералом сидит его адъютант.

Он еще молодой человек — сын неустрашимого Болые, убитого в сражении при Седжапуре. Сен-Пьер любит его и вполне доверяет ему.

В то самое время, как оба офицера сидят, склонившись над картой, набрасывая план будущего сражения, полу палатки отдергивает чья-то рука, украшенная драгоценным кольцом.

На пороге показался человек, одетый в длинную белую мантию.

На голове его красуется тюрбан из золотой материи.

Человек этот олицетворяет собой совершеннейший тип индусской красоты.

Он очень высокого роста, с очень темными волосами и чрезвычайно величественного вида.

Взгляд его горд и задумчив. Ярко-красные губы резко выделяются на бронзовом лице.

Увидя его, оба француза встали.

— Раджа! — произнес, кланяясь, генерал.

— Прежде наступления дня, который увидит наше торжество или нашу гибель, я хотел увидеть тебя и поговорить с тобой о важных делах, — сказал индус.

По знаку, данному генералом, Болые низко поклонился и вышел.

— Итак, — медленно начал раджа, — ты все еще веришь! Ты уверен в победе?

— Твердо верю, — отвечал генерал, — но вы, кажется, сомневаетесь?

— Если я и сомневаюсь, то не в тебе. Я знаю твои способности и твою преданность. Но я пришел к тебе потому, что страх заставил меня покинуть мое ложе. Я видел ужасный сон, который заставил меня усомниться в успехе. Я пришел убедиться — сохранил ли ты свою веру в победу.

Вместо ответа генерал встал и, приподняв полу палатки, протянул руку.

— Смотрите!

На холмах горели мириады огней, образуя огромную огненную диадему.

— Со вчерашнего дня, — сказал он, — англичане прижа-

ты в узкой долине, окружаемой этими холмами. Я привлек их сюда и не выпущу. Наши войска заняли высоты и враги окружены. Завтра, по моему приказанию, наши солдаты спустятся в долину и, как стальной цепью, обхватят англичан. Мы следим за всеми их движениями, они же не могут видеть наших. Мы осыпем их пулями, их же не долетят до нас.

— Я дурно истолковал сон! — сказал индус. — Ты оста-
нешься победителем, но я не буду свидетелем твоей победы.

Генерал силился улыбнуться.

— Если верить снам... — начал он.

— Я сам не верю во все сны, — печально отвечал раджа,
— но выслушай этот.

Он подошел к столу, уселся на вышитую подушку и про-
должал:

— Я находился в храме Вишну, нашего Бога-покровите-
ля. Я держал в одной руке священный топор, в другой —
белую овцу для жертвоприношения. Я пал ниц, потом под-
нялся и, опустив руку, одним ударом отсек голову жертвы.
Кровь хлынула ключом. Но, о чудо! из шеи вышла вдруг
артерия и, как змея, обвилась вокруг моего горда и рук. Я
поднимаю глаза на бога, это уже не Вишну: на алтаре си-
дит богиня резни и смерти — Кали. Она открыла рот и крик-
нула мне: «Смотри!» Глаза мои направились в указанное
место, и я увидел воина, лежащего на земле. Между плеч
его торчал кинжал.

Генерал Сен-Пьер побледнел от мрачного рассказа рад-
жи.

Но он успокоился при виде лагеря, погруженного в глу-
бокий сон, как дикий зверь перед выходом на поиски за до-
бычей.

Раджа погрузился в глубокую думу и генерал не смел за-
говорить. Он хорошо знал, вдобавок, что разубеждать ин-
дуса совершенно бесполезно.

Внезапно раджа вышел из своей задумчивости и, как бы
приняв быстрое решение, поклонился генералу и вышел,
не сказав ни слова.

Оставшись один, генерал позвал Болье.

— Жорж, — сказал он ему, — заняло ли свою позицию

племя Билей?

— Да, генерал, — они заняли в полночь последние оставшиеся дефилеи.

— Значит, англичане окончательно погибли. Нужно рассчитывать, однако, на отчаянное сопротивление. Они попытаются, быть может, овладеть высотами.

— Это было бы безумием!

— Конечно. Но битва может происходить и здесь. Прежде наступления дня нужно удалить *моих*. Я выбрал для этого тебя. Я не хочу, чтобы они слышали шум битвы. К тому же... нужно предвидеть все... даже невозможное. Если мои войска выпустят из рук подготовленную мной победу, все, что я сделал, станет бесполезным. Страна надолго подпадет рабству. Нужно будет бежать, направляясь к морю, вернуться во Францию, заставить позабыть себя!

— Как, генерал, бежать? отказаться от борьбы...

— И вернуться через десять лет, — продолжал генерал, — через двадцать, чтобы отомстить за поражение и поднять наше знамя. Ступай, любезный Жорж, я поручаю тебе мою жену и детей. Приготовь все для их путешествия. Бог не допустит, чтобы мы расстались навеки!

Генерал направился к середине палатки, отдернул тяжелый занавес и очутился в помещении, занимаемом его семьей.

Роскошно одетая прелестная женщина стояла перед двумя уснувшими детьми: десятилетней девочкой и двенадцатилетним мальчиком.

— Аниами! — тихо позвал ее генерал.

Красавица-индуска обернулась и подошла к нему, улыбаясь.

Ее блестящий восточный костюм, газ и бриллианты делали ее похожей на сказочную фею.

Он взял крошечную ручку молодой женщины и, обняв ее за талию, увел в угол помещения и начал говорить вполголоса, чтобы не разбудить детей.

Лампа в виде пагоды из разноцветного стекла мягко освещала эту красивую пару: его — серьезного и решительного, ее — печальную и умоляющую.

Он был олицетворением силы и разума. Она — нежности и грации.

— Когда господин приказывает, рабыня должна повиноваться, — отвечала она кротким и покорным голосом.

— Ты не рабыня, Аниами, ты моя милая жена! Могу ли я позабыть, что ты облагородила меня в глазах твоей расы. Дочь царей, ты рисковала из-за меня потерять преимущество твоей касты. А ты говоришь о рабстве!

— Боги, тронутые моей любовью, устроили все. Я дрожу теперь за тебя! Предчувствия...

— Предчувствия женщины не должны препятствовать мечу мужчины, — прервал ее взволнованный Сен-Пьер.

Он вспомнил рассказ раджи и невольно начал сомневаться в благополучном исходе битвы.

Вошел Болье и объявил, что все уже готово для отъезда. Аниами, вздыхая, разбудила свою дочь.

Что же касается до мальчика, то он не спал и быстро приподнялся на своем ложе.

— Я не пойду! Я не хочу покинуть отца! Я хочу защищать его!

И с этими словами он подошел к отцу и крепко сжал его руку.

Ничто не могло поколебать энергической настойчивости мальчика. Потребовалось строгое вмешательство отца.

Настала минута прощания, слез и поцелуев. Наконец, Аниами с детьми отправилась в сопровождении Болье.

— Мужайся, — сказал себе генерал, проводя рукой по горячечному лбу. — Мы победим! День наступит еще через три часа, можно еще поработать!

Он вошел в свою половину и с удивлением увидал перед собой раджу.

— Я говорил уже тебе, что мне не придется быть свидетелем победы, — сказал ему индус, — но я хочу упрочить ее последствия. Для нашего дела требуется много золота. Для подобных завоеваний мало одного железа. Я делаю тебя хранителем сокровища, которое должно возвысить мою родину. Возьми, во-первых, вот это.

И раджа вынул из складок своего плаща длинный кин-

жал с рукояткой из золота и слоновой кости, изображающей идола с рубинами вместо глаз.

Крепкий и блестящий клинок представлял некоторую особенность: он оканчивался пятью остриями.

— Что мне делать с этим кинжалом? — спросил у раджи генерал Сен-Пьер.

— Это не только оружие, но и ключ. У истоков Корбуди, в глубине долины, находящейся между двумя горами, находится священная пещера. Вход в нее обозначен растущими перед ним банановыми деревьями. За первым деревом выступает кусок красноватой скалы. Ты сильно нажмешь его и перед тобой откроется узкое отверстие. Ты вползешь в отверстие и скоро очутишься в зале, освещаемой сверху. В самом темном углу ее находится камень с пятью отверстиями. Лезвие кинжала как раз подходит к ним. Ты потянешь его и камень повернется. В огромной яме лежит множество золота и бриллиантов.

Раджа умолк. Потом, готовый уже выйти из палатки, он обернулся и сказал:

— Прикажи лучше стеречь себя. Я два раза приходил к тебе и никто не окликнул меня. Берегись!

Оставшись один, генерал Сен-Пьер снова взялся за свои карты и заметки.

— Один!

По крайней мере, он думал так.

Но около него, счастливый и гордый, находился его сын, смотревший из-за занавески на отца.

Ребенок покорно последовал за матерью и сестрой, но его покорность была лишь личиной, скрывавшей определенный замысел.

При повороте с одной тропинки на другую он быстро бросился в чащу и взлез на пальму.

Убедившись, что его не ищут в этой стороне, он бегом бросился к палатке отца.

Он слышал слова раджи и любовался обожаемым им отцом.

В то самое время, когда ребенок предавался своему безмолвному восторгу, а генерал изучал план завтрашнего сра-

жения, в другом конце палатки раздался тихий шорох.

Тихо-тихо раздвоилось полотно палатки под клинком кинжала и в отверстии показалась голова с блистающими глазами.

Черный полуобнаженный человек неслышно подполз к генералу и одним прыжком очутился у его стола.

Тот упал, испустив глухой стон.

Ребенок видел падение отца.

Но он не пытался бежать, а бросился с кинжалом раджи и ударил им по лицу убийцы.

Напрасное мщенье!

Человек схватил ребенка, поднял его и бросил в горевший перед входом в палатку костер.

Потом, взяв оттуда же пылающую головню, он бросил ее в воздух на чрезвычайную высоту.

В эту же самую минуту около палатки раджи поднялась такая же головня.

На этот двойной сигнал раздались звуки рожков и выстрелы.

Уснувшие часовые были застигнуты врасплох.

Лагерь подвергся нападению.

Англичане шли на приступ.

Испуганные неожиданным нападением, офицеры побежали к палаткам своих двух начальников.

Глазам их представилось ужасное зрелище.

Раджа лежал мертвый, удушенный шелковым шнуром.

Луи де Сен-Пьер лежал на земле, между плеч его был воткнут широкий кинжал.

Пораженные ужасом, обезумевшие от горя, офицеры не делали даже попыток к сопротивлению.

То не было сражение, то была безумная резня. Солдаты бросились бежать, поражая друг друга. Кровь текла потоками.

Когда взошло солнце и осветило эту сцену резни, отечество раджей вновь подпало под тяжелый скипетр Индийской Компании.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЖИЛИЩЕ СЭРА МОРИЦА

На севере от Мадраса, потерянное в густой зелени, высятся большое белое здание.

Его архитектура и колоннады напоминают греческий стиль.

Широкое мраморное крыльцо ведет на обширную веранду. Наверху здания устроена терраса, на которой можно дышать благоуханным воздухом по вечерам.

Посредине террасы возвышается бельведер, с которого открывается вид на огромное пространство — вид на море и на его берега.

Позади здания кипит работа, исполняемая множеством слуг и невольников.

В данное утро мы тщетно стали бы искать в здании хозяина его — сэра Морица. Он на бельведере, который измеряет лихорадочными шагами.

Это его наблюдательный пост. На стене вывешен календарь с зачеркнутыми красным карандашом днями.

На столе стоит зрительная труба, направленная на море.

Сэр Мориц отходил от нее только для того, чтобы взглянуть на альманах или порыться в куче пожелтевших бумаг, лежащих недалеко, на бамбуковом столике.

— Но ведь это именно сегодня! — пробормотал он. — Все числа точны. Он сел на корабль 3 января в Бордо и должен быть здесь сегодня вечером. Он не может знать о моем нетерпении... да и для этого у него нет никаких данных... Ни одного паруса на горизонте... ничего!

И сэр Мориц нетерпеливо обращал в разные стороны свою зрительную трубу. Он вернулся к столу и снова принялся за перелистывание писем.

Воспользуемся этой минутой, чтобы описать его наружность.

Определить его возраст почти невозможно. Ему шестьдесят или семьдесят лет. Волосы его редки и седые. Бледное

лицо покрыто рубцами от ожогов. Он мал ростом, худ и хром. Несмотря на этот недостаток, он весь проникнут холодным изяществом истого англичанина.

Сэр Мориц читает вполголоса выдержки писем: «Ваш протеже отличается редкими способностями. Дерево сильно и может принести хорошие плоды».

— Молодец Дюран, — сказал себе сэр Мориц, — он, видно, очень заботится о Рожере. Это хорошо доказывает это письмо. Посмотрим другое. А, вот и последнее письмо Дюрана!

— «Согласно вашему желанию, Рожер едет к вам. Моя задача кончена. Признаюсь, мне жаль расстаться с ним. Позвольте мне сообщить вам некоторые подробности о нем. Он блестяще кончил курс в политехнической школе и хорошо знает восточные языки. Когда я объявил ему, что вы зовете его в Индию, им овладело минутное недовольство. Он чувствовал влечение к военной службе. Но скоро примирился с этим...»

Сэр Мориц положил письмо и снова подошел к зрительной трубе. На краю горизонта показалась мачта. За ней, как будто выплывая из воды, медленно показались паруса.

— Наконец! — вскричал сэр Мориц.

Мало-помалу показался и целый корабль. Он растет, приближается, качаясь на волнах, и наконец останавливается у начала подводных рифов.

Сэр Мориц поднес к губам серебряный свисток и извлек из него два отрывистых звука. Явился начальник прислуги.

— Нужно спустить в море судно, — приказал сэр Мориц. — Корабль остановился. Не забудьте захватить с собой сигнал.

Радость совершенно преобразила его лицо. Но внезапно какая-то мысль вновь омрачила его.

— Я еще не могу радоваться, — сказал он. — Эти берега так опасны. Но я нервен, как молодая мисс! Все сойдет благополучно.

Действительно, берег этот, благодаря рифам, представляет немалую опасность. Пассажиры кораблей должны были приставать к ним на шлюгах — своего рода плотках из

мелких бревен, связанных между собой растительными канатами.

Сэр Мориц следил в зрительную трубу за всеми приготовлениями к отплытию. Он лично выбрал плот и сам осмотрел его.

Погода начинала портиться и плот только с трудом мог достигнуть корабля и взять с него пассажира. Был поднят красный флаг на бамбуковом древке.

Плот начал приближаться к берегу. Ветер начал усиливаться. Море зашумело. Все это с болью отдавалось в сердце сэра Морица.

Волны пенились и поднимались на громадную высоту. Плот то исчезал, то снова появлялся. Глазам сэра Морица представлялась ужасная картина.

Внезапно канаты, связывавшие плот, оборвались, бревно раздвинулось и стоявшие на нем очутились в волнах.

Но вот на поверхности появились два человека. Они отчаянно плывут к берегу. Море несколько успокоилось. Уже можно различить белое лицо европейца. Это Рожер! Другой — один из верных слуг сэра Морица. Но богатый negociant бледнеет.

Он угадал новую опасность, еще более ужасную: позади плывущих показалась огромная черная масса. Это акула.

Она стрелой несется по волнам и настигает двух людей. Но вдруг она повертывается кверху своим брюхом — и широкая полоса крови окрасила море.

Сэр Мориц издает стон и лишается чувств. Громадная надежда погасла в его мужественном сердце.

II

ТОТ, КОГО ОЖИДАЛИ

Стон и падение тела сэра Морица обратили на себя внимание слуги Тамули, находившегося недалеко от бельведера.

Индуc вошел, поднял сэра Морица, отнес его в его комнату и положил на постель.

Через несколько минут раздались голоса. При звуках одного из них негоциант затрепетал и открыл глаза.

Этот голос, молодой и свежий, говоривший на местном наречии с несколько иностранным акцентом, был тотчас же узнан сэром Морицем.

Он привстал в ту самую минуту, когда в комнату вошел Рожер, платье которого было мокро и запачкано кровью. Молодой человек улыбался и, казалось, забыл про свои приключения.

Сэр Мориц встал.

— Простите, — сказал он любезно. — Я встретил бы вас, если бы со мной не случилось внезапно нечто вроде обморока!

И, внимательно посмотрев на молодого человека, сэр Мориц продолжал:

— Вы не ранены, надеюсь? Я до такой степени смущен своим нездоровьем, что совершенно забыл... Извините мой неловкий прием!

— Сэр Мориц, — весело отвечал молодой человек, — я и сам должен извиниться, что явился в подобном костюме. Я, слава Богу, не ранен.

— Вас сейчас отведут в ваши комнаты. Вам нужно переодеться и отдохнуть. Я буду ждать вас в своем рабочем кабинете.

Он крепко пожал руку молодому человеку и сделал знак слуге. Рожер удалился. Сэр Мориц вздохнул и громко произнес:

— Один слуга погиб! Бедный Тели!

— Тели не погиб! — отвечал голос. — Он даже не ранен.

— Позовите его, я хочу расспросить его.

Тели скоро явился. Это был стройный и сильный малый.

— Поди сюда! — сказал сэр Мориц. — Расскажи мне, что с вами случилось во время плавания.

— Море было нехорошо, саиб. Мы наткнулись на риф и канат порвался.

— Однако я тщательно осмотрел их перед отъездом. Ка-

наты были крепки и почти новы.

— Они оборвались, саиб. Может быть, мы наткнулись на острый утес.

— Очень может быть. Продолжай.

— Мы погрузились в воду, к счастью только, никто не ушибся о скалы. Я плыл рядом с иноземным саибом. Появилась акула. Она бросилась на саиба, но тот вынул из-за пояса нож и распорол брюхо чудовищу. О, у иноземного саиба сильная рука!

Сэр Мориц подарил ему кошелёк с деньгами, и слуга вышел, кланяясь до земли. Сэр Мориц погрузился в глубокую задумчивость.

Два часа спустя к негоцианту вошел Рожер. Он сел на предложенное кресло и ждал начала разговора.

— Знаете ли вы, господин Рожер, зачем я пригласил вас в Индию? — спросил у него Сэр Мориц.

— Предполагаю, сэр Мориц, что, не только заботясь о моем воспитании, вы хотели довершить еще ваши благодеяния, сделав меня участником ваших колоссальных операций.

Сэр Мориц с нежностью смотрел на него и ничего не отвечал. Молодой человек несколько смутился.

— Ты ошибся, дитя мое! — воскликнул сэр Мориц, вставая. — Теперь мы одни и я могу, наконец, говорить. Во-первых, обними меня!

Рожер был крайне удивлен. Негоциант совершенно преобразился. Его лицо сияло нежностью и гордостью. Чувствовалось, что он достиг давно желанного.

— Ты разве никогда не спрашивал себя: кто тот человек, который издаലെка заботился о тебе?

— Я часто спрашивал об этом Дюрана, который отвечал мне, что вы — старый друг моего отца, друг, которому я поручен. Я не расспрашивал более, довольствуясь любить и уважать вас.

— Смотри и слушай, — сказал сэр Мориц.

Он направился в глубину кабинета, подошел к стене и пожал незаметную пуговку. Обои поднялись, как штора, и под ними оказалась деревянная стена.

Сэр Мориц пожал другую пружину и стена опустилась. Рожер увидел большой портрет человека в французском генеральском мундире.

Лицо генерала выражало столько прямодушия, храбрости и ума, что редкий человек не обратил бы на него своего внимания.

— Рожер Болье, — сказал сэр Мориц, указывая на портрет, — этот человек — генерал Сен-Пьер, твой дед, отец твоей матери и... мой!

— Как! — воскликнул Рожер, — вы мой дядя! Но я не понимаю... разве вы не англичанин?... Зачем подобная тайна....

— Ты сейчас узнаешь, дитя мое!

И сэр Мориц рассказал Морицу происшествия, описанные нами в прологе.

Рожер с трепетом выслушал кровавую эпопею. Наконец, сэр Мориц кончил свой рассказ.

— Вот прошлое, — сказал он, указывая на портрет, — будущее же — это ты, ты, сын Жоржа Болье и моей сестры Евы, внук генерала Сен-Пьера.

— Я? но как же я смогу...

— Терпение, дитя мое. Случайно спасшись из пламени, в которое был брошен, я понял, что на меня возложена миссия. Я был изуродован огнем, но моя воля еще более укрепилась. Я решил не оставлять дела, начатого отцом. На это требовалось время, золото и меч. Когда я возмужал, я овладел сокровищем, которое посвятил торговле. Я завел плантации и конторы почти во всех городах Индии. Эмиры и магараджи часто прибегали к моему кошельку. Я слышу за англичанина и никто не смеет меня тронуть. Раскрой английские власти мои книги — и они увидят в них только счета мешкам ржи, индиго или хлопчатника. Но они никак не смогут догадаться, что цифры эти часто означают людей. Они никогда не узнают по ним, сколько людей отдает в мое распоряжение каждый индийский принц.

— Разве ваша торговля мнимая?

— Нет. Но она скрывает нечто. Я увеличиваю состояние раджей и давно уже имею в руках все нити заговора. Я

воспользовался временем... Золото у меня есть... Меч?... Я выковал его острым и крепким! Меч этот, Рожер — ты!

— Неужели вы предназначили меня на это опасное дело?

— Оно принадлежит тебе более, нежели кому-нибудь. Я только мог подготовить средства. Болезненный и слабый, я не могу производить требуемого впечатления на индусов, уважающих силу и физическую красоту. Ты молод, красив, смел, они последуют за тобой. По отцу ты — француз, но по матери — мы оба имеем в жилах частицу индийской крови. Генерал Сен-Пьер женился на благородной индуске. Все благоприятствует нам!

— Если так, я принимаю возложенную на меня задачу, — сказал Рожер громким голосом, — и уверен, что восторжествую. Вы говорите, что все уже готово; когда же нужно приступить к делу? Медлить, конечно, не следует. Когда мы отправимся?

— Позднее.

— Кто может нас удерживать?

— Дитя! Если мы начнем кампанию, не приняв нужных предосторожностей, то она кончится очень скоро. Вооружим наших слуг, отправимся завтра, и через два дня мы будем окружены и взяты отрядом сипаев.

— Что за дело, мы окажем сопротивление!

— Я сказал тебе не все. Индийская Компания подозревает меня вот уже два года. Она ничего не знает — она предполагает все. С моей стороны, я чувствую, что за мной следят. Нам нужно победить сперва хитростью, а потом уже силой. Я живу, окруженный засадами и заговорами.

Рожер недоверчиво покачал головой. Сэр Мориц продолжал:

— Быть может, я сумею доказать тебе это сегодня же. Пойдем со мной на берег моря.

Они вышли из дому и направились пальмовой аллеей к берегу моря.

— Ты ни с кем не завязывал знакомства во время твоего путешествия, Рожер?

— Это было бы слишком... В Адене к нам сел молодой

англичанин, с которым я часто беседовал. Прелестный мальчик!

— Он ехал до Мадраса?

— Нет, он остановился в Пондишери.

— Знал он, куда ты едешь?

— Я не считал нужным скрывать это. Он мне много рассказывал про эту страну, которую хорошо знает. Я спрашивал даже, знает ли он вас.

— Значит, ты сказал, что едешь к сэру Морицу?

— Да.

— Мои подозрения подтверждаются. Помогите мне отыскать остаток каната или бревен — все, что будет походить на обломки плота.

Отлив уже окончился. Рожер и сэр Мориц могли произвести свое расследование довольно далеко.

— Я нашел только этот кусок бревна, — сказал молодой человек. — А вот и обрывок каната.

— Дай мне его! — живо воскликнул сэр Мориц.

Он тщательно осмотрел кусок каната.

— Я был в этом уверен! Ты видишь надрез? Этого не могли сделать ни толчки, ни острые скалы. Этот канат не может порваться. Он был перерезан!

— И что же? — спросил Рожер.

— То, что твой молодой англичанин был шпион, передавший кому следует о цели твоего путешествия; там поняли, что ты сделаешься моим помощником. В числе моих слуг один соблазнился подкупом. Это, должно быть, кто-нибудь из гребцов плота.

— Но ведь он сам рисковал погибнуть, — заметил молодой человек.

— Ты еще не знаешь индусов. Они способны продать все, даже собственную жизнь. Ты найдешь среди них фанатиков, которые за самую ничтожную сумму согласятся искупить совершенные другими преступления, вынести ужаснейшие мучения. Да, я более не сомневаюсь: Компания подкупила одного из моих гребцов.

— Может быть, — воскликнул, смеясь, Рожер, — и акула была также подкуплена Компанией!

— Вот что значит французский ум, — сказал сэр Мориц, хлопая Рожера по плечу. — Не смейся, однако; и, покамест, старайся быть осторожным.

— Я даже буду робок, если хотите, дядюшка. Но сколько времени вы требуете от меня?

— Несколько дней. Мы отправимся завтра на осмотр моих плантаций индиго и хлопка. Затем мы отправимся в магаратские провинции, где у меня конторы. Мы будем путешествовать, как простые негоцианты. Ты — мой компаньон; наш осмотр тем более будет понятным.

— Понимаю, — прервал его Рожер. — Под этим мирным предлогом мы сделаем последние распоряжения и немедленно начнем действовать.

— Конечно, — отвечал сэр Мориц. — Но, послушай, ты молод, горяч, ты будешь жить в самом центре Индии...

— Я уверен, что вы не оставите меня вашими советами...

— Я дам один, — улыбаясь, продолжал сэр Мориц. — Не бойся змей и тигров, не доверяйся людям и... опасайся женщин!

III

ТОТ, КОГО НЕ ОЖИДАЛИ

В то самое время, когда Рожер и сэр Мориц поднимались на крыльцо, раздались два звонких удара в гонг.

— Что это? — спросил Рожер.

— Это предвещает скуку, если не опасность.

— Как?

— Ты легко поймешь мою подозрительность. Я не вполне доверяю даже близким. Мой дом организован на оборонительную ногу. Здесь мы защищены от всевозможных случайностей. Под предлогом возделывания риса, я окопал свой парк широкими рвами, которые могут быть наполнены водой в случае, если правительство отрядит сюда, по недоразумению, полк солдат. На вершине бельведера, устройство

которого приписывают моей любви к живописным видам, также устроено нечто, предупреждающее меня о присутствии в окрестностях постороннего лица. Ты слышал звон? Я предполагаю по звуку нечто серьезное. Идем!

Не успел сэр Мориц кончить своей речи, как на пороге появился сторож с бельведера.

— Кто направляется к нам?

— Я видел, саиб, в пальмовой аллее голубой паланкин, несомый шестью невольниками.

— И на невольниках надеты голубые пояса?

— Да, саиб.

— Хорошо, ступай.

И, когда они остались одни:

— Я был уверен, — сказал он, — что твоему прибытию я буду обязан чьим-либо посещением. Помни, что мы теперь не более как компаньоны. Ты — представитель компании капиталистов Европы.

— Рассчитывайте на мою осторожность; я буду скромн, как никто. Вы пробудили мое любопытство: я живу, как в романе.

Посетитель в паланкине приблизился скоро к дому. Невольники остановились и осторожно положили свою ношу на землю.

Из-за занавеса показалась толстая белая рука и на песок опустилась нога, обутая в тонкий башмак.

В отверстии паланкина показался низенький, толстый человечек, одетый в белый китель.

Его толстый живот, казалось, подавлял своей тяжестью тонкие, кривые ноги.

Его толстое розовое лицо, украшенное бакенбардами, сияло удовольствием. Голубые глаза постоянно выражали удивление.

Эта розовая, белая и толстая маска носила имя сэра Эдварда Броунли.

Увидев сэра Морица, идущего к нему навстречу, посетитель замахал своей соломенной шляпой и добродушно воскликнул:

— Это я, сэр Мориц, это добряк Эдвард Броунли, самый

веселый человек трех королевств северной и южной Индии! Ха! ха! ха!

— Радуюсь, что вижу вас в подобном настроении духа, — вежливо отвечал сэр Мориц, — но чему обязан я честью вашего посещения?

— Ничему, сэр Мориц, решительно ничему! Сегодня утром мне очень захотелось видеть вас, и я явился к вам с нескромным желанием пообедать с вами.

— Это очень любезно, сэр Эдвард. Вы даже не побоялись солнечных лучей и ветра.

— Действительно, путешествие мое было не из приятных, зато приятна цель его.

Они уселись в приемной. Вошел Рожер.

Во время представления сэр Эдвард проявил чрезвычайную любезность. Вообще, он слыл везде за олицетворение любезности.

Рожер, предупрежденный своим дядей, старался умерить врожденную откровенность своего французского характера.

Он стал рассказывать про свою родину, о своем путешествии и о торговой цели, приведшей его в Индию.

— Господин Болье скоро сделается *alter ego* моей торговой фирмы, — сказал сэр Мориц. — Я заранее радуюсь подобному «*ego*».

— Разве вы покинули Париж, чтобы поселиться здесь? О, прекрасно! Я очень рад этому, очень рад!

Скоро был подан обед, и все уселись за стол.

Рожер был поражен разнообразием блюд и роскошью сервировки.

После обеда сэр Мориц предложил своим собеседникам сигары и они отправились курить на террасу.

— У меня к вам просьба, сэр Мориц, — начал любезный Эдвард Броунли. — Не позволите ли вы мне отдохнуть у вас несколько дней от трудностей моего путешествия?

— Я бы сам предупредил ваше желание, сэр Эдвард, если бы мы, я с господином Болье, не отправлялись завтра утром на осмотр моих плантаций хлопчатника.

— Как? Вы хотите путешествовать! О, я всегда желал видеть эти места. Если так, я сопровождаю вас!

— Но путешествие это будет длинно и утомительно. Мы отправимся потом вглубь страны — осмотреть другие плантации.

— Тем лучше! тем лучше! О, я не стесню вас, сэр Мориц, вы можете заниматься делами, не обращая внимания на мое присутствие. Значит, конечно: я пошлю одного из своих слуг с приказаниями, и завтра, на заре, он вернется с моим багажом и слугами.

И сэр Броунли, легкий, как сифида, отправился давать инструкции слуге, которому приказал вернуться рано утром.

— Видишь, — сказал сэр Мориц Рожеру во время отсутствия англичанина, — опасность не замедлила явиться.

— Как, этот надоедливый гость, этот дурак и болтун представляет, по-вашему, опасность?

— Не беспокойся! Под этой личиной скрыто немало хитрости. Я уверен, что это один из деятельнейших шпионов Компании.

— Он, значит, будет следовать за нами повсюду? Нужно во что бы то ни стало отделаться от него!

— Это обойдется нам дороже, чем ты думаешь. Мы находимся в Индии и нам нужно вести, хотя бы вопреки желанию, индийскую войну. Нам требуется терпение и хитрость. Но эти качества свойственны только индусам! В наших жилах также течет индусская кровь вместе с благородной кровью Франции. Ты должен будешь следовать моему примеру.

На пороге появился сэр Эдвард — розовее, веселей и любезней прежнего.

Поговорив еще немного, собеседники разошлись.

На другой день, рано утром, в жилище началось необычное движение. Управляющий следил за слугами и распоряжался приготовлениями к путешествию.

В стороне ожидали невольники, долженствующие нести паланкины. Костюм всех состоял только из куска коленкора, обернутого вокруг бедер.

На головах невольников сэра Морица были надеты тюрбаны белого и красного цветов, на невольниках же сэра Броунли — голубые.

По распоряжению сэра Морица, на каждой стоянке долж-

ны были ожидать их новые слуги для смены прежних.

Двор представлял собой чрезвычайно живописный вид. В одном месте нагружали провизией коленопреклоненных верблюдов с гордо поднятой головой и блестящими глазами.

Здесь нагружали на вьючных животных палатки, всевозможную утварь и глиняные кувшины со смесью арака и воды для слуг.

Кроме людей, назначенных для надзора за вещами и животными, были еще слуги, специально прикомандированные к Рожеру и сэру Морицу.

Не забыты были и те, которые должны были идти ночью по бокам каравана и впереди его, освещая путь длинными бамбуковыми тростями, оканчивающимися сосудами, в которых было налито кокосовое масло и несколько хлопчатобумажных фитилей.

Предосторожность эта была далеко не излишня ввиду опасностей, могущих представиться на пути в самых разнообразных видах.

Вся эта толпа шумела под ясным голубым небом, поднимая своими босыми ногами золотистый песок двора.

Вскоре к ним присоединились наши три европейца, встреченные всеми глубочайшими знаками почтения и преданности.

Сэр Мориц и Рожер казались веселыми, хотя серьезными, как люди, близкие к давно желанной цели, но сознающие все препятствия, которые следует преодолеть.

Одно из этих препятствий было олицетворено в сэре Эдварде Броунли, по-прежнему веселом и любезном.

Толстый джентльмен был одет в широкий полосатый костюм, и голова его окончательно исчезала под широкими полями шляпы, снабженной от солнца вуалью.

— Какое счастье! — повторял он. — Какое счастье, что я приехал накануне! Я так доволен этим путешествием. О, я так доволен!

Рожер начал уже хмурить брови, но дядя сделал ему знак и он промолчал.

Сэр Мориц задал несколько вопросов слугам, и караван

тронулся в путь.

Негоциант и его племянник поместились в богатых паланкинах с белыми занавесками.

Сэр Эдвард самодовольно растянулся в своем, украшенном голубыми с серебром занавесками, и испустил вздох облегчения.

По знаку, данному управляющим, три паланкина вытянулись в линию и невольники быстро и размеренно зашагали по дороге.

Вся свита, животные и люди, покинули двор, и жилище сэра Морица погрузилось в глубокое безмолвие.

IV

СТОЯНКА В ДОЛИНЕ

Наши путешественники двигались вперед целый день.

Рожер с восторгом созерцал мелькавшие мимо роскошные ландшафты.

Перед ним тянулись долины с роскошной, доселе им не виданной растительностью.

— Далеко ли мы еще от стоянки? — спросил Рожер у главного слуги.

— Нет, сайб, через час мы будем уже в Шандергерри.

Стоянки эти построены на известном расстоянии друг от друга и все отличаются крайним однообразием архитектуры.

Они большей частью построены из кирпича и окружены широкой галереей с колоннадой и крышей. Над этим построен еще этаж, без колоннады. Все они напоминают собой швейцарские шале и довольно удобны для ночлега.

Путешественники по Индии находят в этих стоянках все необходимое для ночлега. Они должны запастись только пищей, что же касается до корма выючных животных, то он свободно накашивается около стоянки.

Когда наши путешественники были уже недалеко от

стоянки, Рожер предложил своим спутникам пройти до нее пешком.

Предложение было принято и молодой человек радостно выскочил из своего висячего ящика, в котором был заключен.

Он быстро пошел вперед, опередив сэра Морица и его толстого гостя, которые скоро потеряли его из виду при повороте дороги.

Они скоро услышали восклицание и, прибавив шаг, очутились через несколько минут около Рожера.

— Мы не особенно счастливы на этот раз, — сказал он, протягивая руку к куче развалин.

Вместо стоянки высилась груда обгорелого дерева, пепла и почерневших камней.

— Наше убежище разрушено! — вскричал сэр Мориц. — Что мы будем теперь делать?

— Что же! Будем продолжать наш путь! — сказал Рожер.

— Это невозможно, — возразил кроткий сэр Эдвард Броунли. — Животные утомились и было бы жестоко не дать им отдохнуть как следует.

— К тому же они и не станут повиноваться нам, — подтвердил сэр Мориц. — Стоянки построены друг от друга на расстоянии дневного перехода, на который способно выючное животное.

— Что за дело? — отвечал Рожер. — Идем вперед. Караван догонит нас завтра.

— О, путешествие ночью в этих местах довольно опасно. Я слишком привязан к вам, сэр Рожер, и к вам, сэр Мориц, чтобы позволить вам поступить так неосторожно. Окрестности Шандергерри переполнены тиграми. К тому же, здесь, как говорят, живет недалеко людоед...

— Почему вы это знаете, сэр Эдвард, ведь вы никогда не путешествовали по этим краям! — прервал его Рожер.

— Я слышал это от других, — отвечал сэр Броунли с наивной и любезной улыбкой.

— Придется помириться с ночлегом на чистом воздухе, — сказал сэр Мориц. — Я пойду выбрать безопасное место и прикажу разбить там палатки.

— С моей стороны, я также иду исследовать местность! — воскликнул сэр Эдвард.

Они отправились. Сэр Мориц и молодой человек пошли вдвоем, сэр Эдвард один.

Проходя мимо развалин стоянки, сэр Мориц остановился в задумчивости. Потом, подойдя к пожарищу, он начал раскапывать пепел своей тростью. Из него показался легкий дымок.

— Гм, — пробормотал он, — пожар произошел недавно. Стоянка сожжена двадцать четыре часа тому назад. Это очень странно.

— Вы разве предполагаете, что причина пожара не случайность? — спросил его Рожер.

Сэр Мориц не отвечал, а только покачал головой с видом человека, не доверяющего внешности.

— Я думаю, дядюшка, что страстное желание достигнуть благородной цели заставляет вас предполагать опасности, которых на самом деле не существует.

— Ты, может быть, прав, — отвечал сэр Мориц. — Однако, я не желаю заразиться твоим нетерпеливым рвением. Если б я послушался тебя, я подвел бы мины и взорвал бы все на воздух. Но мы полетели бы на воздух первыми. Впрочем, в конце концов, мои подозрения могут быть и неосновательны. Причину их я приписываю тому нервному раздражению, которое пробуждает во мне присутствие сэра Эдварда. Разве ты думаешь, что мне легко стесняться при нем с тобой?

— Вы благоразумный человек, а я, любезный дядюшка, признаюсь, что мне нужно еще многому научиться у вас.

— Я хорошо сделал, что воспитал тебя во Франции, потому что иначе я страшно избаловал бы тебя!

Они шли так с полчаса, потом возвратились к месту, где ожидал их караван.

— Я нашел место, почти совершенно подходящее для ночлега, сказал сэр Мориц.

— Если только *почти*, — прервал его сэр Эдвард, — то место, найденное мной, совершенно удобно. Представьте себе небольшую кокосовую аллею на берегу ручья, защищен-

ную двумя холмами, покрытыми зеленью. Вид прелестен, клянусь вам! Спросите вот у вашего слуги!

— Что ты скажешь на это, Тамули? — спросил у слуги сэр Мориц.

Доверенный слуга негоцианта подошел поближе к своему хозяину.

— Я думаю, саиб, что мы весьма удобно можем разместиться лагерем на берегу ручья, где весьма удобно поить наших животных.

— В таком случае, пусть разобьют там палатки, зажгут костры и готовят обед! — приказал негоциант.

Место для лагеря, выбранное сэром Эдвардом, было действительно прекрасно.

То была узкая долина, род коридора, стены которого образовали высокие утесы. Долина эта имела бы зловещий вид, если бы не зелень и не журчание ручья.

Солнце скрылось уже за горизонт, когда наши путешественники кончили свой комфортабельный обед.

Скоро настала ночь и сэр Эдвард предложил сесть за вист «с болваном».

В палатку принесли побольше свечей и было приказано принести карты.

Чтобы предохранить себя от вечерней свежести, англичанин надел плащ с капюшоном, что делало его похожим на престарелую леди.

Он продолжал быть по-прежнему любезным, как вдруг сделал ряд непростительных игорных промахов, необъяснимых в таком искусном игроке, и быстро проиграл партию.

— Вы дурно сыграли, сэр Эдвард! — сказал ему Рожер.

— О, нет, — отвечал, вставая, англичанин, — я хорошо сыграл, очень хорошо сыграл. Но сэр Мориц играл еще лучше.

С этими любезными словами он вышел из палатки.

Не успел он покинуть своего места, как Рожер тронул своего дядю за руку.

— Вы слышите, — сказал он, — точно отдаленный стон?

Сэр Мориц внимательно прислушался и старался объяснить себе этот шум.

— Это мычание буйвола! — сказал он.

— Вы думаете?

— Я почти уверен; к тому же, в этом можно сейчас убедиться и очень легко.

Он лег на землю, приложил к ней ухо и пробыл в этом положении несколько секунд.

Сэр Мориц имел слух настоящего индуса; шум лесов и равнин не имел от него тайн. Природа края была для него раскрытой книгой, которую он свободно читал.

— В окрестностях, по левую сторону от нас, находится самка буйвола, — сказал сэр Мориц, — а направо я слышу глухой шум.

Внезапно он быстро поднялся и бросился из палатки, призывая своего главного слугу.

— Тамули, отвяжи всех наших животных, пусть свободно разбегаются.

— Зачем, саиб?

— Молчи и действуй скорее? Мы в опасности. Рожер, перевернь поводья наших лошадей!

Сэр Мориц сам подал первым пример, отпустив на свободу нескольких животных, которые помчались в сильном ужасе.

— Теперь, — приказал сэр Мориц, — пусть все люди карабкаются на скалы!

— Но, саиб, — отвечали индусы, — утесы прямы и гладки и мы не в состоянии взобраться на них.

— Если вы этого не сделаете, вы погибли. Спасайся, кто может. Лезьте!

Наэлектризованные голосом хозяина, индусы бросились к утесам и вскарабкались на них с ловкостью обезьян.

Рожер и сэр Мориц последовали их примеру, что удалось им не без отчаянных усилий.

В это время отдаленный шум, услышанный сэром Морицем, быстро усиливался.

Он походил на приближающиеся раскаты грома. Земля начинала дрожать под непрестанно повторяемыми ударами.

Сэр Мориц и Рожер только что успели достигнуть вершины утеса, как в конце долины, прилегающей к горам,

показалась темная сплошная масса, движущаяся с чрезвычайной быстротой.

То было стадо буйволов огромного роста и непомерно свирепого вида.

Земля дрожала под их ногами; их разгоряченные ноздри испускали клубы пара; все они мчались по долине, которую совершенно запрудили.

Стадо промчалось, как поток, и исчезло по направлению к равнине.

Сэр Мориц и Рожер с ужасом смотрели вниз на эту разъяренную стихию.

— Боже мой! Что случилось с сэром Эдвардом! — воскликнул молодой человек.

— Держу пари, что он успел укрыться в безопасном месте, — отвечал сэр Мориц.

— Меня зовут? — слышался голос сэра Эдварда, который спокойно вышел из за каменной стены.

— Каким образом вы очутились здесь? — с удивлением спросил его сэр Мориц.

— Вы, однако, выбрали нам хорошее место для ночлега! — с упреком прибавил молодой человек.

— Позвольте, любезный сэр. Разве я мог знать про близость этих неудобных животных? Я пришел сюда, чтобы скрыть позор поражения в вист и утешался, покуривая сигару, как вдруг услышал шум.

— И вы выбрали себе ввиду поражения такое непристопное место, на которое мы взобрались с опасностью для жизни. Это очень странно!

— Действительно, тут виден перст провидения! — с радостной улыбкой отвечал англичанин.

Хозяева и слуги спустились в долину с несказанными затруднениями.

От лагеря не оставалось и следа. Ни кола, ни кусочка полотна. Все было вырвано, растоптано, разорвано на тысячи кусков.

В силу необъяснимой случайности оказалось, что слуги сэра Эдварда не поняли, очевидно, приказаний своего хозяина и расположились в некотором расстоянии, по ту сто-

рону утесов. Палатки их, следовательно, уцелели.

Достойный джентльмен поспешил любезно предоставить их в распоряжение своих спутников.

Сэр Мориц и Рожер приняли предложение и уснули мертвым сном.

Сэр Эдвард, вероятно, как более впечатлительный, проворочался целую ночь и заснул только утром.

Сэр Мориц проснулся рано и, убедившись, что Рожер также не спит, пригласил его совершить вместе небольшую прогулку.

Они вышли незамеченными никем и направились к равнине, трава которой была еще покрыта обильной росой.

— Куда идем мы? — спросил Рожер.

— Может быть, несколько и далеко, — отвечал сэр Мориц, — но я хочу выяснить некоторые сомнения, возникшие по поводу происшествий этой ночи.

— Можете вы сообщить их мне?

— Нет еще. Я сообщу их тебе, когда удостоверюсь, что не ошибся.

Сэр Мориц и Рожер шли довольно долго, разговаривая про свой будущий образ действий.

Достигнув обширной равнины, сэр Мориц направился по ней, внимательно рассматривая все окружающее.

— Посмотри хорошенько на это, — сказал он.

— Это сломанный ствол дерева, — сказал Рожер, — простой древесный ствол.

— Да, конечно; а это?... это веревка, простая веревка. Только, она оборвана, не говорю — обрезана, а оборвана простыми усилиями. Что замечаешь ты вокруг этого места?

— Следы ног животных с узкими копытами; ими покрыта вся земля...

— Да, это просто следы, — иронически продолжал сэр Мориц. — Но сломанный ствол дерева, оборванная веревка и этот небольшой клочок шерсти говорят, что к дереву был привязан буйвол.

— И что он оборвал свою веревку, — продолжал Рожер. — Но каким же образом он очутился здесь?

— Не хочешь ли, я восстановлю тебе всю эту историю?

Знали, что в горах, за долиной, находится стадо буйволов; взяли самку и привязали ее здесь, в равнине, сообщаясь с горами только долиной, в которой мы расположились лагерем. Стадо непременно должно было добраться до самки вопреки всяческим препятствиям.

— К чему же все это было устроено?

— К чему была сожжена стоянка? К чему нам настойчиво советовали стать лагерем в долине, где мы неминуемо должны были быть задавленными?

— Подумайте, любезный дядюшка, ведь это было бы чересчур отвратительным.

— Любезный Рожер, мы идем, быть может, к центру огромной паутины, сотканной Компанией.

— В таком случае, сэр Эдвард?...

— Почем знать? Нужно верить всему или ничему.

— Если так, то я, если бы считал сэра Эдварда Броунли...

— Ты сделал бы какую-нибудь глупость и, вместо подозрений, наши враги имели бы в руках доказательства.

Молодой человек замолчал и задумчиво возвратился к разрушенному лагерю.

Во время их отсутствия слуги отправились на поиски за отпущенными накануне на свободу животными.

Им удалось найти почти всех. Скоро все было готово к дальнейшему путешествию.

V

ЕЩЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

— Я думал, — воскликнул сэр Эдвард, увидя возвращающихся сэра Морица и Роже, — что вы меня покинули, и не знал, куда вести весь этот караван!

— О, сэр Эдвард, вы не принадлежите к числу тех, которых покидают так, — отвечал Рожер. — Я уверен, что вы

слишком привязаны к нам в силу тех причин, которые чуть не погубили нас этой ночью, чтобы решиться оставить нас.

— Это совершенно справедливо, — отвечал сэр Эдвард с полной любезности улыбкой.

Полчаса спустя все пустились уже в путь по направлению к Буддапи, где находились хлопчатобумажные плантации сэра Морица.

После длинного перехода Рожер увидел на известном расстоянии, посреди дороги, неподвижную массу, облеченную в самые яркие краски.

— Что там такое перед нами на дороге? — спросил он.

— Должно быть, какой-нибудь нищий факир, — отвечал сэр Эдвард.

Караван приближался, но масса не двигалась с места. То был, действительно, факир в экстазе.

Его могли раздавить, он и тогда не шевельнулся бы; но слуги остановились перед ним с религиозным уважением и Рожер мог свободно разглядеть эту священную особу.

Тщедушный, худой, медно-красного цвета — его можно было принять за мумию.

Его круглая голова с гладко обстриженными волосами имела чрезвычайно животное выражение.

Он лежал, вытянувшись во всю длину, с лицом, обращенным к небу и протянутыми вдоль тела руками.

Факир бормотал какие-то слова, которые не были слышны, слышались только ритмические повышения и понижения голоса.

— Счастлив тот, кому удастся поднять нравственный уровень подобных существ! — заметил Рожер,

— Эта задача соблазняет уже многих, господин Рожер. Все усилия Индийской Компании направлены в эту сторону; спросите сэра Эдварда!

— Конечно, — подтвердил англичанин, не заметив иронического тона сэра Морица.

И действительно, в то время Компания более заботилась об извлечении богатств из почвы Индии, чем об извлечении невежества и пороков из голов и сердец ее обитателей.

Рожер поочередно обратился к факиру на различных индийских наречиях, но тот не удостоил его ответом и даже не показал виду, что слышит его.

Сэр Мориц и его племянник положили около факира несколько денег и потом удалились, чтобы сесть в свои паланкины.

Сэр Эдвард также бросил ему несколько монет со словами:

— На, почтенный сын Ками, купи себе более приличный костюм!

Англичанин много смеялся над своей шуткой, как вдруг заметил, что нечаянно дал нищему золотую монету.

При имени Ками факир медленно поворотил свои глаза в сторону сэра Эдварда.

Протягивая руку к положенным деньгам, он быстро нарисовал на песке какой-то знак и из руки его выпал крошечный клочок бумаги.

Сэр Эдвард наклонился за своей золотой монетой и, странное дело, когда он приподнялся, знака уже не существовало на песке, исчезла также и бумажка.

Веселый англичанин быстро дошел до места, где ожидали его слуги, и караван тронулся.

Все три паланкина, обыкновенно несомые рядом ради удобства разговора, вытянулись в линию, чтобы обойти факира, и продолжали свой путь.

От времени до времени, на дороге попадались красивые женщины с сосудами на плечах, идущие к ближайшим источникам.

Грациозные Ревекки, они, быть может, надеялись встретить Элеазара.

Дальше, на берегу небольших озер, брамины совершали свое священное омовение, сопровождая обряд всевозможными таинственными знаками.

Затем прохожие стали реже и дорога пустыннее.

Внезапно из толпы конвойных раздался громкий крик. Тамули упал на землю, извиваясь в ужасных конвульсиях.

Сэр Мориц тотчас же вышел из своего паланкина и пошел к своему слуге, который, казалось, тотчас должен

был умереть.

Негоциант особенно любил Тамули, отец которого был такой же преданный слуга как и он.

— Неприятный случай, — сказал Рожер. — Нужно будет остановиться здесь.

— Зачем? — вмешался сэр Эдвард. — Разве мы не можем продолжать наш путь и оставить здесь Тамули? Эти индусы всегда поправляются.

— Я никогда не оставлю без помощи страдающее существо, — сухо отвечал сэр Мориц. — Вы можете отправляться далее, сэр Эдвард, я не стану препятствовать этому.

— О, вы слишком мало меня знаете, любезный друг, если думаете, что я приму подобное предложение.

— Действительно, я не могу поверить, чтобы сэр Эдвард когда либо решился покинуть нас, — насмешливо заметил Рожер.

— Вот и отлично! Вы прекрасно поняли меня, сэр Рожер.

— Я стараюсь понять вас, сэр Эдвард!

Тамули положили на подушки под раскидистой пальмой и сэр Мориц старался узнать причину его внезапной болезни.

Конвульсии индуса усиливались, глаза его почти вышли из орбит, придавая ужасное выражение его лицу.

«Тамули отравлен», — думал сэр Мориц.

Караван был принужден остановиться здесь на ночлег.

— Я теперь уже не берусь сам выбрать место для лагеря, — сказал сэр Эдвард, — и попрошу сопутствовать мне сэра Рожера.

— Идите, отвечал сэр Мориц, — а я побуду около Тамули.

Молодой человек взял свой карабин и отправился вместе с сэром Эдвардом.

Они шли, разговаривая о разных мелочах. Жара начинала уже спадать. День клонился к вечеру.

Им не удалось найти ничего подходящего и Рожер хотел вернуться назад, но сэр Эдвард повернул налево и пошел по тропинке.

— А, — произнес он, — посмотрите туда, там точно дом! Неужели я ошибся?

— Я также вижу нечто вроде каменной пирамиды.

После четвертьчасовой ходьбы, наши исследователи очутились около громадной постройки, почти совершенно утонувшей в зелени.

Это были развалины монастыря, когда-то населенного монахами-буддистами.

Монастырь этот, как и все прочие храмы Индии, был построен из голубоватого, полированного, похожего на мрамор камня.

Ограда покинутого здания имела в длину не менее двухсот сажен.

В ней были устроены четыре входа — с севера, юга, востока и запада. Один из них, совершенно уцелевший, был украшен пирамидой чрезвычайно смелой архитектуры и отличался законченностью своих скульптурных орнаментов. Весь вход был украшен барельефами, арками и нишами с изображением идолов.

Монастырь состоял из трех корпусов, соединенных между собою двойными галереями.

Стены были покрыты глубокими трещинами, колонны пошатнулись и готовы были рухнуть.

Посреди четырехугольного, вымощенного разноцветным мрамором двора возвышалось здание, почти совершенно уцелевшее. То был как бы алтарь храма.

Дверь этого здания была до такой степени низка и узка, что в нее мог с трудом, и то согнувшись, войти человек.

Дверь эта вела в четырехугольную низкую залу, потолок которой поддерживался колоннами.

В конце залы находились шесть ступеней из горного мрамора, которые вели к нише со статуей идола выше человеческого роста.

То было браминское божество, сидящее на свернувшейся змее. Голова, уши, ноги и восемь рук его были украшены драгоценностями и золотыми кольцами.

Эта мрачная зала освещалась одним узким окном, находившимся позади божества.

— Становится уже поздно, — сказал Рожер, — пора вернуться. Я думаю, что мы можем провести ночь в наиболее уцелевших частях этого здания.

— Я совершенно согласен с вами, — просто отвечал сэр Эдвард.

Они воротились под деревья, где остановился караван.

Тамули все еще лежал в конвульсиях, потрясавших все его тело.

Англичанин подошел и стал внимательно рассматривать индуса.

— У меня есть склянка, содержимое которой будет, вероятно, весьма полезно вашему слуге. С одним из моих был такой же случай и я его вылечил.

— Какого же рода эта болезнь, сэр Эдвард?

— Не знаю, может быть, следствие неумеренного употребления арака.

— Это возможно, — заметил сэр Мориц, — попробуем вашего лекарства.

Сэр Эдвард сходил за флаконом, который и отдал сэру Морицу.

— Вы знаете, из каких растений извлечено это лекарство? — спросил его тот.

— Нет, — отвечал англичанин, — оно составляет часть моей походной аптеки. Как я уже говорил вам, я вылечил им своего слугу.

Тамули приподняли.

Сэр Мориц разжал ему концом своего кинжала зубы и влил в рот несколько капель жидкости.

Конвульсии скоро стали утихать.

— Теперь, — сказал Рожер, — не нужно более медлить и, если хотите, я отведу вас в отель, если и не совсем комфортабельный, то, по крайней мере, очень обширный и оригинальный, который мы нашли сейчас.

— Я следую за вами, — отвечал сэр Мориц.

Караван тронулся вслед за ним.

Путешественники достигли монастыря раньше солнечного заката.

Сэр Мориц осмотрел галереи, потом святилище.

— Нам нужно расположиться здесь, — тихо сказал он Рожеру. — Мы будем здесь в безопасности на случай нападения. Дверь мала и низка, ее легко баррикадировать, окно же так узко, что в него не пролезет даже ребенок.

Рожер кивнул в знак согласия.

Посоветовались с сэром Эдвардом.

— Местность комфортабельна, но не для меня. Я люблю много воздуха; я не усну здесь, я буду думать, что нахожусь в гробнице.

— О, на одну ночь!

— Даже ни на одну. Я предпочитаю галерею, где расположусь на полной свободе.

— Как вам будет угодно, сэр Эдвард.

Каждый приказал устроить постель, где ему хотелось.

Обед длился недолго и все разошлись рано: англичанин отправился на галерею, сэр Мориц и Рожер — в святилище.

По прошествии некоторого времени, сэр Мориц открыл глаза.

На небе сияла полная луна, бросая широкую, серебристую полосу сквозь узкое окно здания.

Сэр Мориц вздрогнул и начал пристально всматриваться. Он был поражен ужасом.

— Какая чудная ночь, — сказал проснувшийся Рожер.

— Молчи, ради Бога! Не шевелись; дело идет о жизни и смерти! — тихо шепнул ему сэр Мориц.

— В чем дело?

— Вся зала наполнена змеями!

— Неужели?! ..

— Посмотри вон туда!

И действительно, на ступеньках алтаря, обвившись вокруг туловища идола, виднелись змеи.

Их головы тихо покачивались из стороны в сторону, и извивающиеся черные тела резко выделялись на освещенных лунной каменных плитах пола.

Шорох, производимый ими, хорошо показывал, что это не сон, а действительность.

Сэр Мориц тихо поднялся и начал насвистывать странную и печальную мелодию. То был тихий, тягучий напев, смешанный с резкими, быстрыми нотами, напоминающими крик птиц.

По прошествии нескольких минут, на эту странную музыку отвечал пронзительный свист. Одна из змей, висевшая на руке идола, начала как бы отбивать такт своей головой и небрежно развернула свои кольца. Сэр Мориц продолжал свистеть, и примеру первой змеи последовали другие. Скоро неподвижный, испуганный Рожер увидел, что головы всех змей обратились к сэру Морицу.

Мало-помалу все они спустились на землю и поползли по направлению к негоцианту.

Тихо и не прерывая своего свиста, сэр Мориц поднялся со своего ложа и, осторожно ступая, направился к двери.

За ним медленно поползла его ужасная аудитория. За ним поползла сперва одна змея, потом другая, а затем и все остальные. Зада опустела.

Сэр Мориц вернулся измученный. Он бросился в объятия Рожера и не мог от волнения вымолвить ни одного слова. О сне нечего было, конечно, и думать.

Они могли разговаривать вполголоса о своих надеждах и опасениях.

— Почем знать, каких ловушек нам придется еще избегать, пока мы достигнем гор Водедия! — сказал сэр Мориц.

— Разве вы всё еще убеждены, что нас преследуют, что мы окружены врагами.

— Как! — воскликнул сэр Мориц. — Всё ли я еще убежден! Да ты сума сошел! разве то, что произошло сегодня ночью...

— Но, любезный дядюшка, кто же виноват, если мы сами попали в гнездо змей!

— Конечно, змеи явились сами и, в силу какого-то чудного предвидения, захватили с собой даже свой багаж, — иронически заметил сэр Мориц. — Именно, кожаный мешок, который я нашел здесь.

— Мешок?!

— Он самый. Змеи были сперва пойманы очарователем

змей по профессии, положены в мешок и спущены к нам в окно. О, это очень ловко придумано!

— Да кто же устраивает все это, наконец?!

— Не знаю!

— Все это чрезвычайно странно. Я сам выбрал это здание для ночлега. Напрасно вы думаете, что и этот раз сэр Эдвард...

— Вот что я предполагаю. Кто-то решился не допустить нас до стоянки. Знали, что мы не найдем иного убежища, как эти развалины, и что в них будет весьма удобно устроить нам свидание со змеями.

— Все это хорошо, но почему могли знать, что мы будем принуждены остановиться?

— Это очень просто: дали Тамули яда и, когда прошло достаточно времени, ему дали противоядие.

— Как! И все это сэр Эдвард! Но я убью этого человека! Я раздавлю его, как гадину.

— Увы, повторяю тебе еще раз, что ты не можешь сделать этого. погоди, мы скоро достигнем независимых территорий, где ожидает нас наше войско и тогда, мой юный генерал, ты будешь в состоянии отомстить.

— О, когда же настанет эта минута! Я начинаю терять терпение!

VI

СКАЗКИ И АПОЛОГИИ

Утром, перед отъездом, сэр Эдвард развязно спросил у сэра Морица и Рожера, как их здоровье и хорошо ли они спали.

— Прекрасно! — совершенно естественным тоном отвечали те.

И разговор продолжался во время путешествия, но на происшествие последней ночи не было сделано ни малейшего намека. День прошел без особенных приключений.

Вечером они достигли стоянки, достаточно удобной для проведения ночи, и разместились в ней.

Однако сэр Мориц, обеспокоенный этой видимой безопасностью, разделил своих людей на две смены, из которых одна могла отдыхать, другая же должна была бодрствовать.

Был разведен огромный костер, и индусы уселись вокруг него. Чтобы не заснуть, они попросили главного из них рассказать им сказку, и тот начал:

*История Девы, имевшего одну руку, и Ассуры,
имевшего сто рук*

Над вершинами Гималая, над горой Меру, за озером Монар с ледяными волнами, находится священная обитель богов.

Там-то окружают небесную Тримурти Ассуры и Девы.

Однако, один из Дев и один из Ассур наскучили подобным образом жизни и попросили Шиву, их общего господина, позволения посетить землю.

Шива представил было им всю затруднительность подобного путешествия, но согласился и позволил им принять образ, наиболее соответствующий их намерениям.

Ассура избрал себе тело, снабженное ста руками, вооруженными различными орудиями.

Дева же стал обладателем одной руки, вооруженной бриллиантовым топором.

Явившись к воротам земли, оба гения встретили гору Меру, которая загораживала им путь. Ассура протянул к ней руку, державшую кошелек.

Но гора раскрыла свои бока и показала искусителю, что она заключает в своих недрах в тысячу раз больше золота, чем содержит его кошелек.

Ассура протянул другую руку, державшую ключ. Но у горы не было ни дверей, ни замков.

Разгневанный Ассура поразил гору кинжалом, который находился в его третьей руке. Но гора была гранитная и кинжал сломался, не причинив ей ни малейшего вреда.

Асура пускал последовательно в дело — молоток, лом, пику, пилу, ножницы, лопату, факелы; он старался всеми ста руками, но ничто не помогало. Неудача сильно смутила его.

В свою очередь, подошел Дева и поднял свою единственную руку. Он расколол гору одним ударом топора и, таким образом, они получили возможность пройти.

— Эта история совершенно справедлива, — заметил один индус. — Некий богомolec рассказывал мне, что гора Меру действительно расколота надвое.

— Я знаю историю еще правдивее, — вмешался широкоплечий индус. Слушайте, я расскажу ее вам:

История трех наследников Кшатрия (воина)

Жил на свете старый Кшатрия, обладавший всего только:

Узловатой палкой,
кисейным тюрбаном и
шелковым кошельком.

Но узловатая палка наносила удары, с которыми не могло сравниться никакое оружие в мире.

Кисейный тюрбан имел чудесное свойство делать любимым и красивым всякого, кто только надевал его.

Шелковый же кошелек был неисчерпаем и в нем никогда не переводилась деньги.

Когда старый Кшатрия умер, то он предоставил своим трем сыновьям свои сокровища, зная, что они поделят их, не прибегая к спорам.

И действительно, старший, красивый и тщеславный малый, взял себе кисейный тюрбан, говоря:

— С этим головным убором я непременно понравлюсь какой-нибудь принцессе и женюсь на ней. У меня будет дворец, придворные и солдаты. Я буду заводить интриги с дочерьми моих придворных. Принцесса приревнует меня и, чтобы вернуть мою любовь, отдаст в мое распоряжение и власть, и все свои богатства. Она будет горевать и пла-

кать, но я презрительно оттолкну ее и, если она будет продолжать надоедать мне, я отколочу ее по щекам подошвой моего башмака, что имеет право сделать лишь принц, никому не отдающий отчета в своих действиях.

— Я беру кошелек, — сказал второй сын. — С этим неисчерпаемым сокровищем мне не нужно будет иметь принцессу и жениться на ней. Я куплю владения первого попавшегося раджи и заплачу за них столько, сколько захочу. Воссев на престол, я смогу удовлетворять моим четырем волям и тридцати тысячам желаниям и все-таки останусь богат.

Самый младший наследник Кшатрия схватил узловатую палку и воскликнул:

— Клянусь Гангом, милые братья, вы плохо сообразили дело, если оставили мне подобное наследство!

И с этими словами он поднял непобедимую палку и осыпал братьев таким множеством ударов, что последние были принуждены уступить ему и кошелек, и тюрбан.

— Эта история доказывает, — наставительно прибавил индус, — что красота приятна, что богатство полезно, но что сила предпочтительнее всего.

— Хорошо быть сильным, — заметил один индус, — но еще лучше быть ученым.

— Не всегда, — отвечал другой, — любопытство ученых становится иногда пагубным, доказательством чему может служить история ученого грамматика.

Тотчас же воцарилось глубокое молчание и индус начал свой рассказ.

История ученого грамматика

Жил некогда в Кашмире человек, слывший за самого ученого грамматика.

Он знал все, что только было можно знать. Он знал четыре силы, четыре элемента и все семь принципов. Он умел читать по-арабски, по-персидски, по-тибетски, по-китайски, по-санскритски, по-малабарски и по-индусски. Он гордился своим знанием и жил совершенно счастливо.

Однако, однажды он почувствовал неполноту своего счастья и упросил Кришну даровать ему весьма редкий дар: знание языка животных.

Покровитель ученых и бог красноречия, Кришна выполнил просьбу ученого грамматика.

Тот тотчас отправился в сад и неслышно подкрался к группе животных, состоявшей из павлина, лошади, быка и осла, разговаривавших между собой.

Павлин говорил:

— Наш хозяин, знающий столько вещей, хоть раз погляделся бы в пруд, в котором совершает свои омовения. Он увидел бы, что он лыс и что на носу его весьма уродливая бородавка.

Лошадь продолжала:

— Наш ученый хозяин должен был бы следить за конюхом; он убедился бы тогда, как сильно тот обворовывает его.

Бык подхватил, смеясь:

— К тому же, наш ученый хозяин не знает, какие письма пишет его жена своему соседу.

В разговор вмешался и осел:

— Наш ученый хозяин не знает, что он носит в теле зародыш семи смертельных болезней. Он не знает, что по правую руку его пропасть, по левую — змея, а в лесу его стережет тигр.

Испуганный всем слышанным, ученый грамматик поспешил домой.

Там он убедился, что он стар и уродлив, что жена его обманывает, что слуги обкрадывают его и что жизни его угрожают тысячи опасностей, и он начал проливать горькие слезы.

Но Кришна сжалился над ним. Он отнял у него способность понимать язык животных и воспоминание обо всем слышанном.

Ученый грамматик снова принялся за свои книги, за чтение поэзии Вальмики, и снова сделался счастливым человеком.

За историей ученого грамматика последовало множество других. Заря застала рассказчиков все еще сидящими у догорающего костра.

Другой и следующий за ним день прошли без всяких приключений. Днем путешествовали, ночью отдыхали.

Наконец, путешественники достигли плантаций сэра Морица около реки Паннар.

Они получили возможность отдохнуть в обширном жилище, окруженном полями цветущего хлопчатника, походившего на ковер из серого мха.

Однажды утром сэр Мориц заявил сэру Эдварду, что они принуждены расстаться раньше, чем предполагали, так как неотложные дела требуют его и его компаньона на плантации индиго, находящиеся в Низаме, около Гайдерабада.

Сэр Эдвард привскочил.

— Плантации индиго, — вскричал он, — плантации индиго! Позвольте, сэр Мориц, но мне нужно признаться вам, что я никогда не видел их. Никогда! И я решаюсь ехать с вами.

— Но... Гайдерабад очень далеко отсюда...

— Что за дело! Меня ничто не призывает в Мадрас, и я желаю как можно дольше пропутешествовать в вашем приятном обществе.

Что было отвечать на такие любезные слова?

Ровно ничего! Сэр Мориц так и сделал.

Он молча кончил свои приготовления к отъезду, и они опять пустились в дальний путь.

VI

ВИДЕНИЕ

От берегов реки Паннар до берегов реки Кришны и с берегов реки Кришны до Гайдерабада путешествие совершилось без всяких приключений.

Ни запаздываний, ни опасностей. Ни одной причины, чтобы заподозрить в чем-либо любезного сэра Эдварда.

Путешествие сделалось почти монотонным. Сэр Эдвард был так любезен и весел, что Рожер невольно спрашивал себя иногда — действительно ли происходили с ними в дороге прежние ужасы.

Неужели этот веселый англичанин способен на хитрости, неужели он мог расставлять такие злодейские западни?

По мере приближения к Гайдерабаду, дорога становилась шире и люднее. Попадались повозки, запряженные быками, навьюченные зебры, позолоченные паланкины, всадники на верблюдах и слонах.

При въезде в город, глаза всех были невольно поражены живописностью наполнявшей его толпы, одетой в богатое и пестрое платье.

То были купцы в вышитых золотом тюрбанах, в ярких туниках, брамины в своих длинных одеждах, носильщики, одетые в белое, женщины, закутанные в покрывала, сквозь которые горели их глаза.

Они отдохнули в стоянке около Гайдерабада и пустились снова в путь к плантациям индиго, принадлежавшим сэру Морицу.

В продолжение двух недель негоциант и его молодой компаньон осматривали поля и выслушивали просьбы населения. Сэр Мориц получал и отправлял письма тайком от сэра Эдварда.

Последний и не думал об отъезде. Он проводил целые дни над опытами с индиго, которое он препарировал на тысячу разных способов.

Хозяева плантации с удивлением должны были сознаться, что опыты сэра Эдварда были чрезвычайно точны и научно построены.

Решительно, сэр Мориц мог ошибаться: сэр Эдвард был только страстно привязанный к науке, ученый.

Чтобы умерить овладевшее им нетерпение, Рожер пускался в дальние экскурсии, иногда в сопровождении слуг, иногда же один, вопреки советам сэра Морица.

Но жаркому климату нередко удавалось умерять пыл молодого француза.

Тогда, около середины дня, он предавался отдыху или в доме, или же в огромном саду, окружавшем здание.

Однажды, когда жара была сильнее обыкновенного, Рожер отправился искать покоя в беседку, находившуюся в самом конце сада.

В тени деревьев качался шелковый гамак. Молодой человек растянулся на нем и закрыл глаза.

Легкий ветер шелестел листьями деревьев и несколько освежал удушливый воздух.

Над ним, между ветвями, сквозил иногда клоч голубого неба, ярко освещенного палящими лучами солнца.

В воздухе раздавался меланхолический напев птиц, медленно перепрыгивавших с ветки на ветку.

Рожер уснул среди этой роскошной обстановки, как какой-нибудь принц из тысячи и одной ночи.

Его красивая голова с черными кудрями покоилась на шелковой подушке красного цвета. Ничто не нарушало его сон. Точно сама природа оберегала его.

Однако, позади дерева, к которому был привязан гамак, раздавался тихий шорох. Кому принадлежат пальцы, раздвигающие ветви?

Рука мала и чрезвычайно изящной формы, ногти продолговаты и красивы.

Другая рука медленно и неслышно раздвигает еще шире густые ветви.

В этой зеленой рамке появляется фигура и любопытно и осторожно склоняется над спящим. Она находится так близко от Рожера, что ее дыхание может разбудить его.

Что за взгляд этих черных глаз! Что за огонь в зрачках! Какая гордость выражается прелестным челом, увенчанным белой повязкой! Полураскрытые губы красноречиво говорят о страсти.

Это лицо с скульптурными очертаниями принадлежит, по-видимому, какому-нибудь божеству. Тонкость черт, благородство физиономии достойны священных песен поэта.

Тело остается скрыто кустами. Из-за ветвей виднеется

во всей своей блистательной красоте одна голова, безмолвно созерцая спящего.

Она грациозным движением склоняется над Рожером, точно уста ее хотят коснуться лба молодого человека.

Но она выпрямляется; щеки ее краснеют и она, как видение, исчезает в зелени ветвей.

Рожер просыпается.

Он осматривается вокруг: глаза его ищут чего-то. Он встает, шарит в кустах и говорит:

— То был сон!

И он задумчиво, почти печально, старается припомнить черты прекрасного видения.

Его выводит из этого состояния шум чьих-то шагов.

То был сэр Мориц.

VIII

СЛОН ГАЙДЕРАБАДА

— Я искал тебя, — сказал он Рожеру, — чтобы предложить тебе охоту, от которой ты, вероятно, не откажешься.

— Какую охоту?

— Охоту на тигра!

— Действительно, я не откажусь. Я никогда еще не испытывал ощущений этой охоты.

— Я хорошо знал это. Я уже отдал Тамули приказание относительно приготовлений. Если хочешь, мы пойдем посмотрим на наших смиренных и неустрашимых верховых животных. Благодаря им наша охота не будет представлять ни малейшей опасности. Тигр не смеет нападать на них и, если слоны хорошо дрессированы, охота очень интересна.

Оба направились к конюшням.

В одном из павильонов находился великолепный слон, привезенный из Цейлона, но имени Танганика.

То был любимец Рожера, часто ездившего на нем. Молодой человек каждое утро приносил ему плодов и сахар-

ного тростника, до которого слоны большие охотники.

— Нужно быть готовым к вечеру, — сказал негодянт невольнику, присматривавшему за животными. Мы отправимся ночью и будем на месте прежде восхода месяца.

— Хорошо, сайб.

— Танганика! — позвал Рожер.

Но животное не отвечало обычным радостным криком, но замотало головой и с гневным ворчанием затопало ногами.

— Что с ним такое? — спросил удивленный сэр Мориц.

— Не знаю, сайб, отвечал слуга.

— Выведи его на двор.

Слуга колебался.

— Что же ты? — повторил Рожер.

Индус медленно подошел к слону и вывел его из стойла.

Но животное, казалось, намеревалось броситься на окружающих и крики его становились все яростнее и угрожающее.

Запертые в соседних павильонах слоны начали испускать громкие крики ужаса.

Рожер шагнул по направлению к Танганике.

Тщетно сэр Мориц хотел остановить его криком:

— Не подходи, слон взбесился!

Слоны приходят в подобное состояние, если их долго кормят маслом и сахаром. Их приводят иногда нарочно в подобное состояние, когда готовят их на арену.

Танганика испустил пронзительный крик и пошел на Рожера с поднятым хоботом.

Рожер не пошевелился.

Он скрестил руки на груди и направил свой холодный взгляд на раздраженные глаза слона, который быстро оставался.

Человек и животное стояли в двух шагах друг напротив друга.

Рожер чувствовал на своем лице горячее дыхание разъяренного слона, который медленно водил по воздуху хоботом.

Тогда, не делая ни одного движения, Рожер позвал слона по имени строгим и громким голосом:

— Танганика!

При этом звуке слон как бы заколебался. Он хотел отворотить голову и закрыл глаза, но, раскрыв их, опять встретился с холодным взглядом Рожера. Ноги его начали дрожать.

— Танганика! — еще громче повторил молодой человек.

Танганика сделал шаг назад.

Рожер шагнул вперед и начал говорить с ним. Слова его звучали сначала строгим упреком, но потом стали все более и более переходить в ласкающий тон.

Странное дело! умное животное, казалось, понимало человеческую речь.

Слон склонил голову и начал отступать. Он отворачивался, как бы от стыда, испускал жалобные крики и вернулся в стойло, потрясая своими широкими ушами.

Сэр Мориц вздохнул свободно.

Он сделал повелительный знак слуге, который тотчас приблизился к нему.

— Ты один смотрел за животными? — спросил он.

— Да, сайб.

— И ты сам кормил их?

— Сам, как и всегда.

— Каким же образом это приключилось с Танганикой?

— Не знаю, сайб. Может быть, кто-нибудь входил в павильон и дал ему чего-нибудь вредного.

— То не может быть человек, незнакомый Танганике, так как он принимает пищу только из привычных рук.

— Вероятно, к нему входил кто-нибудь с нашей плантации, сайб.

— Ты, значит, очень плохо смотришь за слонами. Привести животное в подобное состояние нельзя с одного раза!

Слуга смущенно склонил голову.

— Мы разъясним это дело, — продолжал сэр Мориц. — Покамест, молодому господину нужен другой слон. Приведи какого-нибудь еще.

Слуга ушел в другой павильон и скоро появился верхом

на слоне огромного роста.

Хотя сэр Мориц и Рожер вполне освоились со всевозможными породами этих животных, они не могли подавить своего рода ужаса при виде этого чудовищного слона.

Его высокие ноги походили на стволы деревьев и то поднимались, то опускались каким-то странным образом.

Слуга скользнул на хобот колосса, который поставил его на землю.

— Откуда этот слон? — спросил сэр Мориц. — Он не принадлежит плантации.

— Слон здешний, саиб, его купили на место старого Моаба.

— Почему же мне не сказали, что Моаб околел и почему мне не показали этого, когда я приехал?

— Я думал, саиб, что вы уже узнали....

— Разве не твоя обязанность доложить мне об этом? Откуда этот слон? Он не из Цейлона!

— Нет, саиб, из Бароды.

— Ты сам покупал его?

— Сам.

— Кто же приказал тебе, в таком случае, купить слона-палача?

Слуга побледнел.

— Но, саиб, клянусь вам, что это не...

— Довольно! Измена! — вскричал в негодовании сэр Мориц. — А, ты хотел дать нам это животное! Ты предполагал, что я не угадаю настоящее назначение этого слона.

— Нет, саиб, клянусь...

— Молчи, — угрожающим тоном крикнул негодиант.

Слуга бросился на колени. Но, когда он наклонил голову, его тюрбан распустился и из него, тяжело звякнув о землю, выпал кошелек.

— Вот и деньги, которые заплатили тебе, негодяй! — заметил презрительно Рожер.

— Прости, саиб, — хрипел индус, — клянусь, что я не хотел купить слона-палача.

— Мы скоро узнаем это, — отвечал сэр Мориц, несколько успокоившийся.

Он взял свой серебряный свисток и пронзительный свист огласил воздух.

Тотчас же со всех сторон начали сбегаться слуги плантации. Все они окружили сэра Морица и молча ожидали его приказаний.

— Вы стройтесь здесь, в этой ограде, — приказал сэр Мориц. — Ты, — обратился он к надсмотрщику за слонами, — на колени!

— Саиб, саиб, — с мольбой воскликнул индус.

— Что тут происходит? — спросил удивленный сэр Эдвард. — Можно мне узнать?

— Вы пожаловали кстати, — отвечал ему Рожер, — и тотчас увидите, как наказывают изменников.

Слуги переглядывались, не понимая, в чем дело. Их испуганные глаза молча переходили от черного слона на стоявшего на коленях слугу и на лежавший перед ним кошелек, сквозь петли которого сияли золотые монеты.

— Если этот слон не палач, то слова, которые я произнесу, не произведут на него никакого действия, — сказал сэр Мориц стоявшему на коленях слуге.

И он громко, медленно и серьезно начал произносить текст смертного приговора тех стран, где должность палача возложена на слонов.

При первых же словах животное растопырило свои громадные уши. Оно стало искать глазами приговоренного и, видя его на коленях, отступило назад, как бы разглядывая его.

Его огромный черный хобот извивался, как змея.

Сэр Мориц стал говорить медленнее и отчетливо произнес заключительные слова приговора.

Тогда, среди всеобщего молчания, прерываемого только рыданиями преступника, пригвожденного к земле ужасом, и порывистым дыханием толпы, слон медленно поднял ногу.

Она продержалась несколько минут в воздухе и медленно опустилась на голову слуги, которая была мгновенно раздавлена.

Потом пробежал трепет при виде струи крови, брыз-

нувшей из-под ноги животного.

Казалось, какое-либо адское божество вызвало из-под земли кровавый источник.

Бледный сэр Мориц обратился к теснившимся слугам и сказал:

— Человек, только что погибший, хотел продать нашу жизнь ценой этого кошелька. Если кто-нибудь из вас вздумает последовать его примеру, то пусть вспомнит слона-палача.

И он удалился вместе с Рожером в твердой решимости поступать точно так же, если кто-нибудь покусится на его жизнь или на еще более дорогую его сердцу жизнь Рожера.

IX

С ОРУЖИЕМ В РУКАХ

— Знаете ли вы, сэр Мориц, — сказал после некоторого колебания сэр Эдвард, — что подобная затрава весьма серьезна!

— А знаете ли вы, сэр Броунли, что намерение дать нам неприрученных слонов для охоты на тигра, — измена также весьма серьезная.

— Конечно. Но лучше было бы поступить иначе. Ведь дело может дойти до Индийской Компании.

— Действительно, это очень возможно! — с иронией заметил Рожер.

— Боюсь, что наш бесценный друг навлек на себя большую неприятность, — вздыхая, сказал англичанин. — Он несколько увлекся гневом...

— Вы, сэр Эдвард Броунли, принимаете, кажется, слишком живое участие в судьбе тех, которые посягают на жизнь ваших друзей. А что бы сказали вы, если бы вам предложили самим этого слона?

— Вы все смеетесь, сэр Рожер. Моя природная чувствительность заставляет меня сожалеть о быстром мщении, ис-

полненном над несчастным преступником.

— Я поступаю в своих владениях, как хочу, — сухо вмешался сэр Мориц, — и не принуждаю никого присутствовать при поступках, которых он одобряет.

Англичанин покраснел от досады, но не обратил внимания на этот вежливый отказ от дому и заговорил о другом.

Скоро все разошлись по своим делам.

Над уснувшей природой спустился роскошный вечер, весь сотканный из прохлады, благоуханий, неги и серебристого света луны.

Сэр Эдвард и Рожер молча курили сигары на веранде. Рожер был, видимо, поглощен какой-то мыслью.

Англичанин небрежно стряхивал пепел со своей сигары и старался завязать разговор.

— Так как охота на тигров отложена, — сказал он, — то я предлагаю вам осмотреть завтра капканы, расставленные мной в лесу.

Рожер собирался отвечать, как вдруг в тишине ночи раздался молодой, ясный голос.

Этот голос пел, на священном языке Индии, следующие строфы из античной поэмы Рамаяна:

«Остерегайся углубляться в чащу леса.

Под лесным сводом, под сплетенными лианами таятся враги, живущие мясом и кровью.

Остерегайся углубляться в чащу леса».

Рожер, знавший санскритский язык, был поражен смыслом этой песни. Сэр Эдвард ничего не понимал и повторил свой вопрос.

Голос продолжал:

«В тени благоуханных жасминов скрываются отвратительные змеи.

Огромные боа развертывают свои пятнистые кольца.

Их дыхание смертельно.

Смертельны их объятия.

Остерегайся углубляться в чащу леса».

Рожер наклонился из веранды. Взгляд его напряженно искал таинственного певца.

На темном фоне группы бананов ярко выделилась белая

фигура.

То был молодой индус, почти ребенок. Его тело, образуя совершенство, было обвито кисейным шарфом; грациозная туника ниспадала до колен, оставляя на виду его тонкие нервные ноги, похожие на ноги Дианы-охотницы.

Его длинные черные волосы вились кудрями и падали на плечи.

Луч месяца осветил внезапно его лицо. Рожер затрепетал. Прелестное лицо певца было ему уже знакомо. Он видел его, когда лежал в гамаке.

Раздраженный упорным молчанием Рожера сэр Эдвард обратил свой гнев на певца, которого также увидел.

— Эй ты, печальная птица ночи, — крикнул он, — замолчишь ли ты когда-нибудь?

Певец продолжал:

«Остерегайся углубляться в чашу леса.

И в долине тянутся воды озера, наполненные опасностями.

Туда приходят на водопой носороги, раздавливающие все на своем пути.

Там отдыхает, спрятавшись в тростнике, тигр в желтой с черными полосами шкуре.

Там стережет заблудшего путника крокодил.

Остерегайся углубляться в чашу леса».

— Черт возьми! Негодяй смеется надо мной, — заревел взбешенный сэр Эдвард.

И, схватив хлыст, лежавший на перилах веранды, он бросился на молодого индуса, чтобы избить его. Но железные тиски остановили его руку и сжали ее до боли.

Рожер бросился вслед за англичанином и остановил его своей могучей рукой.

Несмотря на все свои усилия, сэр Эдвард не мог вырваться из рук своего противника и был принужден оставаться неподвижным. Победенный болью, он выронил свой кинжал.

— Оставьте меня, вы причиняете мне боль, — сказал он молодому человеку.

Рожер разжал руку. Молодой индус уже исчез в лесной чаще.

— Сэр Рожер, вы очень дерзки! — проговорил, заикаясь, сэр Эдвард, весь дрожа от ярости.

— Сэр Эдвард, вы подлец! — презрительно отвечал молодой человек.

— Я! я! — захрипел англичанин. — Как вы смеее оскорблять меня?

— Я к вашим услугам.

— Прекрасно, мы будем драться завтра... рано утром...

— Я не согласен на это. Мы будем драться сейчас же: ночь достаточно светла для этого.

Сэр Эдвард сделал над собой невероятное усилие, все тело его тряслось, жилы у висков надулись, все лицо налилось кровью.

Он внезапно успокоился и сказал решительным и серьезным голосом:

— Мне нельзя не сознаться, что, в данном случае, вся вина на моей стороне. Я не должен был забывать, что нахожусь здесь на ваших землях и что вы одни имели право приказать замолчать маленькому певцу. С другой же стороны, признаюсь, что ударить ребенка недостойно моего мягкого нрава. Прошу вас, сэр Рожер, принять мои извинения.

— Позвольте, милостивый государь, — отвечал Рожер, — я не привык притворяться и долго уже выношу ненавистные для меня принуждения. Я хочу вас убить не потому, что вы трус и подлец, но потому, что вы — шпион!

— Шпион! Я! О!.. Это шутка, не правда ли?

Вместо ответа Рожер вынул из кармана красный шелковый кошелек и подал его сэру Броунли.

— Узнаете вы это? Это кошелек надсмотрщика за слонами, который был спрятан в его тюрбане.

— Очень может быть.

— Это действительно так. Это тот же кошелек, который вы вынимали однажды из вашего кармана, чтобы положить в него четыре гинеи, выигранные вами у меня в вист.

— Позвольте, сэр Рожер: на базарах Мадраса и Калькутты продаются тысячи подобных кошельков.

— И неужели на всех на них, как и на этом, выставлены ваши инициалы? Вы, кажется, забыли про эту подробность. На этот раз вы были менее осторожны, чем в долине буйволов и монастыре.

Чем дальше говорил Рожер, тем бледнее становилось лицо шпиона. Последние слова заставили его задрожать и склонить голову.

— Пойдемте, — сказал Рожер.

И он увлек сэра Броунли в сени, по стенам которых было развешено разного рода оружие.

Он снял со стены две шпаги, и оба, выйдя из дому, направились в сад.

Никакой звук не нарушал торжественной тишины ночи. Они шли молча. Ноги их неслышно ступали по песку дорожек.

Они шли быстрыми, неслышными шагами, точно две тени, скользящие по земле. Они то скрывались в чаще деревьев, то опять выходили на освещенные месяцем поляны и, благодаря своей белой одежде, походили на два привидения, совершающих какое-то зловещее шествие.

Наконец, они достигли конца парка.

Тут они остановились. На темно-голубом небе ярко вырезывался блестящий круг луны, обливавшей своим светом всю лужайку.

— Выбирайте! — сказал Рожер сэру Эдварду, указывая на шпаги, который он положил на землю.

Сэр Броунли наклонился и взял одну из них. Рожер взял другую. Они стали на известное расстояние и напали друг на друга.

С первых же приемов Рожер понял, что имел дело с весьма опасным соперником.

Гибкий и сильный, полный хладнокровия, хитрости и смелости, этот розовый, флегматический англичанин проявил невозможную быстроту. К тому же, он был храбр.

Если он сначала и отказывался от дуэли, то только потому, что не успел совершить своего темного дела.

Видя себя попавшимся, ему нечего было уже колебаться и он решился во что бы то ни стало убить своего сопер-

ника.

Последний, столь же искусно владевший оружием, был моложе и сильнее, но меньше владел собой.

Гнев заставлял трепетать его руку. Но он скоро увидел свою ошибку и решил, пока не успокоится, только обороняться.

Потом, когда порыв его благородного негодования прошел, когда он достаточно изучил манеру сэра Эдварда, он напал в свою очередь, и с такой силой, что англичанин, чтобы не быть тронутым, принужден был отскочить почти до самой изгороди.

В эту минуту какой-то зловещий крик огласил воздух. Мимо них, тяжело махая крыльями, пролетела ночная птица.

— Это индийская сова, — холодно заметил сэр Эдвард. — Дурной признак, сэр Рожер: один из нас должен умереть сегодня ночью!

Х

ВАРВИК И КЛАЙМОР

В это время сэр Мориц, уединившись в своем рабочем кабинете, чувствовал, что им овладевает горькое разочарование.

Он обозревал мысленно все происшествия истекшего дня. Измена сидела у его очага, и сомневаться в этом было невозможно.

Наказывая сегодня, он уступил необходимости. Но что делать завтра?...

Какую форму примет опасность, чтобы угрожать его жизни?

Он чувствовал ее близость и в первый раз в жизни сильно стал сомневаться в благоприятном исходе дела. Но он не хотел умереть, не отмстив за отца и не освободив свою родину.

Требовалось как можно скорее добраться до севера, оберегая от опасности Рожера. Рожер — это было единственное любимое им существо.

Сегодня вечером к нему должен явиться эmissар от одного магаратского принца с весьма важными известиями.

Однако посланец не являлся.

Что могло остановить его?... Быть может, подстерегли его?... Может быть, он попал в ловушку!..

Им все более начало овладевать нетерпение и беспокойство и он решился освежиться ночной прогулкой по саду.

Он вышел.

Достигнув конца сада, он вдруг услышал острое лязганье оружия.

Он прибавил шаг и прибыл в ту самую минуту, когда сэр Эдвард, слышав крик ночной птицы, напал на Рожера со словами:

— Дурной признак, сэр Рожер: один из нас должен уметь сегодня ночью!

Но его шпага, направленная в левую грудь Рожера, получила такой сильный удар по рукоятке, что чуть не вывалилась из рук англичанина.

Рожер ловко отбил удар.

Сэр Эдвард почувствовал себя погибшим.

Он быстро отскочил назад и одним прыжком очутился на изгороди.

Он поднялся на руках, с необычайной ловкостью перелез на другую сторону, спустился на землю и исчез в лесу.

Все это совершилось так быстро, что сэр Мориц и Рожер не успели опомниться от удивления. Они напряженно прислушивались к шуму удалявшихся шагов шпиона, которые уже замирали в отдалении.

Они все еще слушали... Внезапно до них долетел крик, ужасный крик убиваемого человека.

— Не знаю, что происходит там, — сказал сэр Мориц, — но знаю, что нам остается делать. Негодяй поспешит предупредить пославших его.

— Но у него нет никакого доказательства; чего же нам опасаться?

— В нашем положении — всего. Я решился не ждать более. Любезный Рожер, нужно ехать!

— Сегодня ночью?

— Сейчас. Оседлаем сами наших лошадей и, не говоря никому ни слова, покинем плантацию.

— Как, вы хотите бежать?

— Бежать — значит подвинуться вперед. Мы не только избежим этим неизвестных опасностей, но ускорим наступление победы.

Рожер Болье последовал за Морицем Сен-Пьером.

Они захватили с собой оружие и плащи и отправились в конюшни.

Там, среди тридцати породистых лошадей, находились два великолепных английских скакуна, купленных сэром Морицем за баснословную цену.

И он поступил совершенно основательно. Варвик и Клаймор не имели себе цены.

Совершенно вороные, совершенно одинаковые, они представляли собой идеал скаковых лошадей.

Удивленные, что их седлают в такое необычное время, скакуны издали радостное ржание. Но хозяева заставили их умолкнуть и обернули их копыта толстой тканью.

Беглецы вывели лошадей из конюшни и пошли по дороге. Только отойдя на известное расстояние, они развязали копыта и сели на лошадей.

Никто не видел их отъезда. Никто не мог указать, по какой дороге они отправились.

Они проехали почти милю. Вдруг Клаймор остановился, а Варвик бросился в сторону.

Рожер пришпорил лошадь, но она заупрямилась.

— Слезем, — сказал Сен-Пьер. — Варвик испуганно хрипит. Здесь должно быть нечто необыкновенное. Убедимся сами!

На некотором расстоянии, в стороне от дороги, лежал труп человека.

На шее у него была почти незаметная рана, из которой по капле сочилась кровь; но рана была смертельна.

Она была причинена тонким и острым лезвием, проник-

шим до самых легких.

Человек был поражен сзади и упал ничком на землю. Труп его был еще теплым.

Он был одет в одежду факира.

Его грудь, шея и руки были покрыты слоем шафрана. Лицо было разрисовано разноцветными священными знаками.

Сэр Мориц предположил, по некоторым признакам, что эта одежда факира — только переодевание и что знаки на лице — только маска.

Он тщательно вытер краску, покрывавшую убитого. Все исчезло, осталось лицо блее, чем у индусов Низама, с маленькой голубой звездочкой, вытравленной у переносицы.

— Посланец раджи! — вскричал сэр Мориц.

И он стал торопливо обыскивать пояс, которым был опоясан убитый.

Но не нашлось ничего.

Рожер заметил в нескольких шагах какой-то предмет, блестящий при лунном сиянии.

Он поднял его.

То была крышка от серебряного ящика, оброненная, вероятно, убийцей во время бегства.

— Теперь, — сказал сэр Мориц, внимательно рассматривая крышку, — теперь наши враги имеют доказательства нашей виновности. Этот ящик заключал в себе донесение раджи о восстании.

— Тем более причин торопиться!

— Конечно, и чем скорее мы будем на месте, тем лучше!

— Послушайте, любезный дядюшка, — сказал Рожер, давно уже прислушивавшийся к отдаленному шуму.

Ночь была по-прежнему тиха. Приложивши ухо к земле, можно было расслышать топот довольно многочисленной кавалькады.

— Как кажется, — спокойно заметил Рожер, — сэр Эдвард не любит терять понапрасну время.

— И, как видно, были приняты все меры, чтобы воспользоваться первой же минутой. Но они еще не знают, что такое Варвик и Клаймор. Живо, на лошадей.

Он произнес какое-то слово и опустил поводья.

Благородные животные помчались, как вихрь. Воздух свистал в ушах беглецов. Деревья, кусты, долины — все исчезало за ними.

Лошади скакали ровным карьером, не спотыкаясь и не выказывая ни малейших признаков усталости.

По прошествии часа, всадники с трудом смогли осадить разгоряченных животных.

Они проскакали более восьми французских миль.

— Не станем утомлять бедных животных, которые вели себя так хорошо! — сказал сэр Мориц.

— Благодаря им, мы теперь на время вне опасности и можем несколько успокоиться. Что же, продолжаем мы путь? — спросил Рожер.

— Остановиться было бы неосторожно: продолжаем наш путь, но не будем гнать лошадей.

Они подтянули поводья и поехали крупной рысью.

На повороте дороги Рожер увидел на юге, в той местности, которую они покинули, довольно яркое пламя.

Он сообщил это сэру Морицу.

Сен-Пьер пришел в волнение.

— Это костер, разведенный на горе, около моих плантаций индиго, — сказал он. — Я не понимаю этого, а все непонятное пугает меня.

Скоро на высотах зажгли другой огонь и через несколько времени еще ближе — третий.

— А, теперь я понял! — вскричал, стиснув зубы, сэр Мориц.

— Это сигнал? — спросил Рожер.

— Конечно. Проклятые агенты Компании дают знать военным постам о нашем бегстве. Видишь: огни зажигаются по всем направлениям. Они приближаются. Не пройдет и часа, как мы очутимся в огненном круге!

— Любезный дядюшка, летние ночи коротки. Скоро взойдет солнце и их сигналы станут невидимыми и совершенно бесполезными.

— Ты прав. Не теряем мужества. Но, чтобы обогнать их проклятый телеграф, нужно иметь крылья.

— Но у нас наши лошади.

— Попробуем! Бедный Варвик! — сказал Сен-Пьер и вонзил свои шпоры в бока животного.

Его примеру последовал и сэр Рожер.

Никогда еще благородные животные не испытывали подобной боли и подобного унижения.

Они ринулись вперед. Началась бешеная, невообразимая, неопишуемая скачка.

Склонившись на шею скакунов, наши всадники с трудом могли дышать.

Животные скакали по прямому направлению, перескакивая через кусты и рвы и ни на минуту не замедляя своей бешеной скачки.

А на холмах все еще продолжали заниматься огни, которые все теснее и теснее охватывали их кольцом.

Животные мчались, как быдвигаемые сверхъестественной силой, с налившимися кровью глазами, с раздутыми ноздрями. Дыхание их было порывисто, черная шерсть побелела.

— Мы погибли! — воскликнул Сен-Пьер. — Огни обогнали нас!

— Мы спасены! — вскричал Рожер. — Видишь восходящее солнце?

В эту минуту Варвик и Клаймор разом упали. Черные зрачки их глаз потускнели и струя крови хлынула из их ноздрей....

Бедный Варвик!

Бедный Клаймор!

Сэр Мориц и Рожер отвернули головы и слезы показались на их глазах.

XI

НА РЕКЕ

Первые лучи восходящего солнца застали беглецов на

берегу широкой реки, течение которой соответствовало направлению их бегства.

Сен-Пьер предположил, что река эта называется Гадавера.

Над водой расстился густой туман.

По обеим сторонам реки росли густые деревья, образуя длинные черные ленты по краям белесоватого тумана.

Исследуя берег, у которого пали лошади, Рожер открыл привязанное к берегу судно.

То была маленькая барка, называемая болия, походившая, благодаря своей форме, на детскую колыбель. Болия была пуста.

Лодочники оставили ее и отправились ночевать в какую-нибудь ближайшую деревню.

При данных обстоятельствах, подобная находка была спасением.

Сен-Пьер и Рожер, не колеблясь, прыгнули в лодку, отвязали канат и быстро удалились от берега. Лодка стрелой помчалась по течению.

Они достигли уже середины реки, берега уже исчезли в тумане, как вдруг с одной стороны раздался ружейный выстрел и пуля рикошетом попала в корму лодки.

— А, — заметил Рожер, — сигнал этой ночи был понят. Реку стерегут.

— Перестанем грести, — отвечал сэр Мориц. — Мы как раз наткнемся на посты шпионов.

— Каким образом могли они заметить нас в эдаком тумане?

— Они так же видят нас, как и мы их. Но туман стелется не особенно высоко над водой, а крыша нашей лодки служит мишенью нашим преследователям.

— Почему же нам не обрубить этой несчастной крыши? — спросил молодой человек.

— Этого не нужно делать. Крыша лодки, быть может, делается нашей спасительницей.

— Каким образом?

— Шаги наших лошадей были услышаны. Увидя движущуюся лодку после того, как замолк лошадиный топот,

шпионы поняли, что мы избрали средством спасения лодку. Они и начали стрелять по ней. Ежели бы мы не были беглецами, то мы стали бы кричать и протестовать, но мы не произносим ни слова...

— Кто же мешает нам закричать, чтобы ввести их в заблуждение?

— Напротив, нужно, чтобы они были уверены в том, что в лодке находятся беглецы. Они будут следовать за ней до тех пор, пока не рассеется туман. Тогда только они решатся взять лодки и попытаться овладеть нашей. Но, до той минуты необходимо, чтобы все их внимание было сосредоточено на лодке.

— Признаюсь, что ничего не понимаю.

— Разденемся, во-первых. Я сообщу тебе свой план, пока мы будем приготавливаться.

Раздался второй выстрел.

Сэр Мориц и Рожер взяли за ружья и отвечали хорошим залпом.

Тогда на берегу началась настоящая перестрелка. Огненные языки прорезали туман и пули бороздили поверхность воды.

Беглецы разделись и прикрепили свое платье и оружие на головы. Они тихо спустились в воду и осторожно поплыли к противоположному берегу.

Лодка продолжала плыть по течению.

Правильно раздававшиеся залпы постепенно удалялись и убедили беглецов, что хитрость их удалась.

Сипаи, не подозревая ничего, преследовали лодку. Однако, опасность только изменила форму.

Холод воды охватил сэра Морица. Движения его становились все медленнее. Острая боль в ногах вызвала судороги.

Он тщетно боролся с сильно овладевшим им оцепенением. Волна захлестнула ему глаза и он издал глухой стон.

Рожер услышал его.

Он схватил одной рукой сэра Морица, другой же продолжал усиленно грести.

Благодаря туману, берег все еще не показывался. Рожер внезапно очутился в спокойной воде. Рука его наткну-

лась на корень. Он был у берега.

Они тотчас же выбрались с сэром Морицем на землю.

Когда они вышли из воды, стоял уже белый день. Они, как оказалось, попали в небольшой приток Гадаверы и очутились теперь в большом лесу.

Одевшись и убедившись в целостности оружия, они пошли вверх по течению реки.

Рожер шел впереди, осторожно раздвигая ветви и осматриваясь вокруг.

Его заставила остановиться длинная черная масса, лежавшая в нескольких шагах впереди.

«Это, конечно, отдыхающий кайман, — подумал он. — Вот прекрасная встреча для людей в нашем положении!»

Однако, он медленно приближался к темной неподвижной массе. Он пристально всматривался в нее и наконец быстро подошел, испустив крики радости.

Подошел сэр Мориц. Он застал молодого француза, приподнимающего своими сильными руками выдолбленную в стволе дерева пирогу.

Это первобытное судно не имело ни руля, ни весел.

Рожер срезал два бамбуковых ствола и, так как речка была мелководна, а течение медленно, то они и поплыли с этими импровизированными веслами.

К концу дня они заметили, что река поворачивает налево и может снова привести их в район преследования.

Они решились высадиться на берег и поискать где-нибудь себе убежища на ночь.

Они вышли из пироги и пустились в путь по еле заметным тропинкам, пересекающим обширные невозделанные поля.

Их начинал мучить голод.

Они увидели в отдалении хижину. Было бы осмотрительнее вернуться обратно, но голод взял свое.

Рожер ни минуты не колебался. Он приготовил свое оружие и увлек сэра Морица к хижине.

На пороге ее сидела женщина со слезами на глазах. Она держала на руках больного, исхудалого ребенка.

Не спрашивая ничего для себя, сэр Мориц и Рожер ос-

ведомились у несчастной матери о болезни ее ребенка.

Бедная женщина подробно рассказала все симптомы и ход болезни.

Она с беспокойством подняла на прищельцев свои кроткие глаза, в которых сказывалась робкая мольба.

— Разве вы можете спасти его? — спросила она.

— Может быть, — отвечал сэр Мориц и принялся осматривать бедного ребенка.

Он отправился в поле за известными ему целительными травами и приготовил из них микстуру, которая была принята ребенком.

Через несколько минут дыхание его стало ровнее, по измученному конвульсиями телу разлилась теплота, и он мирно уснул.

Индуска пришла в восторг от выздоровления сына и предложила путешественникам то небольшое, которым сама обладала.

Беглецы поели риса и бананов и с наслаждением растянулись на старых циновках.

Пища и отдых возвратили им силы и надежду.

На другой день они направились к северу, упросив индуску не говорить никому, что они провели ночь под ее кровлей.

ХП

ЦИКЛОН

Путники все более и более углублялись в лесистую, пустынную местность.

Это оказалось для них крайне благоприятным.

Они питались убиваемой дичью и зажигали по ночам огни, чтобы предохранить себя от нападения диких животных.

Рожер чувствовал себя сравнительно счастливым.

Он любил независимость и эта свобода жизни среди ле-

са пленяла его.

Перед их глазами, под ярко-голубым сводом неба, раз-
вертывались долины и холмы, покрытые роскошной рас-
тительностью.

Кактусы с пурпуровыми цветами, милузи, апельсины,
кардамоны, азалии — все смешивалось и переплеталось.

По ним порхали яркого цвета птицы, услаждая слух пут-
ников своим пением.

Так прошло три дня и они очутились у начала огром-
ной равнины с синеющими на горизонте горами.

Нет более поющих птиц, нет более дичи!

Высокая трава колыхалась, как морские волны, при ма-
лейшем дуновении ветра.

Опечаленные видом этой пустынной и бесплодной ме-
стности, сэр Мориц и Рожер взвели курки карабинов и при-
готовились.

Мимо них мелькнула какая-то желтая масса с черными
полосами.

То был тигр!

Ужасное животное продолжало свой путь, даже не взгля-
нув на них. Оно издавало глухой рев и имело испуганный
вид.

Путники долго следили за ним глазами. Они скоро уви-
дели следы слонов, бегущих в том же направлении.

С поднятыми хоботами и хлопая ушами, они неслись по
направлению к горам.

Воздух становился все тяжелее. Стояла удушающая жара.
Самые легкие стебельки стояли неподвижно, как будто бы-
ли вылиты из бронзы.

Сэр Мориц внимательно посмотрел на небо, потом на
землю.

Земля была безмолвна и уныла.

На ясном небе, к югу, виднелось круглое, черное облач-
ко. Сен-Пьер начал беспокойно оглядываться.

— Что происходит? — спросил Рожер.

Сэр Мориц вместо ответа молча указал ему на край го-
ризонта.

Небо внезапно побелело. Черное облако окрасилось багровым цветом,росло и приближалось.

— Если нам угрожает гроза, — сказал Рожер, — то не лучше ли искать убежища в лесу?

— Нет, — отвечал сэр Мориц, — деревья представляют только лишнюю опасность. Одни горы могли бы спасти нас, но они слишком далеко.

— Попробуем.

— Это бесполезно, смотри!

Облако скоро покрыло собой половину неба и затмило солнечный свет.

— На этот раз мы погибли, — сказал сэр Мориц. — Мы застигнуты на открытом месте самым ужасным явлением природы — циклоном! Ляжем на землю и прижмемся друг к другу. Если мы не будем задавлены и если нас не подхватит вихрь, мы, быть может...

Не успел сэр Мориц кончить этих слов, как на горизонте показалась туча пыли.

Оба тотчас же легли на землю и крепко обнялись.

В одну минуту вихрь налетел на них.

Они почувствовали себя поднятыми и уносимыми в пространство.

Затем ветер внезапно стих.

Они упали на землю, в каменистый ров.

— Это еще первый приступ, — сказал сэр Мориц. — Настоящий ураган еще не начинался. Нас сейчас схватит смерч: я вижу его приближение.

Действительно, облако покрыло собой все небо. Оно спустилось с поразительной быстротой.

Рожер протянул руку, чтобы ухватиться за что-нибудь, но рука его встретила пустоту.

То был вход в пещеру, довольно глубоко проникавшую внутрь скалы. Рожер проскользнул в нее, увлекая за собой своего дядю.

Было уже время. Циклон разразился. Наступил глубокий мрак. Отовсюду раздавался ужасающий шум.

То был шум вырываемых деревьев, разбиваемых скал, несущихся масс песка и земли, падавших на землю с трес-

ком, похожим на падение крупного града.

Стены пещеры тряслись. Земля дрожала и из глубины ее слышались раскаты грома. Потом звуки начали понемногу стихать.

Наконец, все успокоилось. Но ночь все еще продолжалась.

Рожер встал и стал искать входа в пещеру. Он как будто исчез. Мориц также искал его.

Они обошли кругом стен, придерживаясь за них руками, но поиски их остались тщетны.

Пещера не имела более выхода.

Его, вероятно, засыпало камнями во время землетрясения. Они были погребены заживо.

Старик и молодой человек были поражены ужасом.

Рожер начал прохаживаться вдоль пещеры. Сэр Мориц прислонился к стене и закрыл лицо руками. Он погрузился в тяжелые воспоминания.

Ему вспоминалась вся его прошлая жизнь, его славный отец, его беспокойное детство и трудолюбивая молодость, его тайные замыслы и мечты об освобождении Индии.

Сэр Мориц сознавал себя у цели и... должен был умереть. Глухое бешенство овладело его сердцем.

Вдруг, в темноте, ему стали мерещиться две светлые точки. Они приближались. Сэр Мориц почувствовал на своем лице чье-то зловонное дыхание.

Это не ускользнуло также от внимания Рожера.

— С нами погребено здесь какое-то животное! — сказал он. — Что за дело! Несчастливая тварь знает, что она в тюрьме. Она и не думает нападать на нас, вот разве только голод...

Это слово пробудило в Рожере иные ощущения. Он также был голоден.

Конечно, он не боялся смерти, но совершенно позабыл про эту медленную агонию. Мысль об этом привела его в ужас.

Тогда он решился напасть на животное, не для того, чтобы воспользоваться его мясом, но чтобы самому погибнуть в борьбе с ним.

Животное, судя по его шумному дыханию, должно было быть большого роста. Блеск его зрачков показывал в нем хищника.

То была пантера или гиена... может быть, даже тигр. Рожер бросился вперед, не помышляя об исходе борьбы.

Послышался шум громадного прыжка и в пещере снова воцарилась тишина.

Блиставшие в темноте глаза исчезли. Животное куда-то удалилось.

Рожер намеревался пуститься на поиски за ним, как вдруг руку его схватил сэр Мориц.

— Слышишь? — сказал тот шепотом.

В пещере раздался странный шум. Ошибиться было невозможно. Животное яростно рыло землю и останавливалось только для того, чтобы с шумом вобрать в себя воздуха.

Сэр Мориц с беспокойством прислушивался.

— Рожер, — сказал он, — я, кажется, угадал породу этого животного. Это хищник, копающий землю — то есть гиена.

Шум копания длился несколько часов и потом вдруг затих. Рожер и сэр Мориц медленно направились к тому месту, где думали найти животное.

Но ничто не говорило о его присутствии: ни шороха, ни движения.

Рожер выставил вперед свой кинжал и пошел дальше. Он дошел до стены пещеры. В самом низу ее было выкопано круглое отверстие.

Оба осторожно наклонились. Они увидели на конце ямы, вырытой животным, блестящий круг. То был дневной свет.

Плененное животное вырыло в земле длинный и узкий проход и получило таким образом свободу.

Следовало подражать ему, но предприятие это было довольно трудно. Проход был чрезвычайно узок и, чтобы расширить его, нужно было долго и осторожно работать.

Сэр Мориц и Рожер тотчас же взялись за дело. Они начали лихорадочно рыть землю своими кинжалами и выгребали ее потом из отверстия руками.

Работа подвигалась медленно, так как силы их были ис-

тощены продолжительным голоданием, к которому скоро присоединилась невыносимая жажда.

Наконец, проход был расширен у начала. На пути встретился камень, который непременно нужно было вынуть. Рожер пустил в ход свой кинжал. Клинок сломался и целая куча песка посыпалась в отверстие. То было большое несчастье.

Ураган лишил беглецов их оружия. Остался только кинжал сэра Морица. То было их единственное орудие освобождения.

Они снова начали очищать проход и наконец, после двухдневного непрерывного труда, им удалось выйти на свет божий.

Оба походили на мертвецов.

ХШ

ПАЛЬКИ ГАРИ

Глазам их представилась печальная картина. Пейзаж, которым они так недавно любовались, принял зловещий вид.

Земля была лишена растительности. Не устояло ни одно дерево. Ураган как бы скосил равнину. Солнце проливалось на нее свои жгучие лучи и делало вид ее еще ужаснее.

Истощенные путники едва могли двигаться и тщетно искали чего либо, могущего удовлетворить их голод.

Изорванная одежда не могла защитить их от солнечных лучей, их мучили голод и жажда, и они были безоружны.

В этих необозримых равнинах человек без оружия неминуемо обречен на гибель.

Они все-таки продолжали свой путь по направлению к горам.

Вдруг неожиданное происшествие придало им новые силы. Они увидели вдалеке едущую по равнине пальки га-

ри (повозку).

Повозка эта состояла из четырехугольного ящика, поставленного на два колеса, и была запряжена двумя большими белыми быками.

Хотя она находилась от них на довольно большом расстоянии, быки подвигались так медленно, что наши путники не теряли надежды настигнуть ее.

Они прибавили шаг, забыв про голод, жажду и усталость, махая остатками своего платья в виде сигнала.

Но призыв их остался незамеченным и сигналы их непонятыми.

Повозка продолжала ехать.

Нужно было торопиться. Сэр Мориц и Рожер испытывали невыносимые мучения.

В горле их жгло, желудки судорожно сжимались. Ноги дрожали, в глазах стоял туман, в ушах звон, артерии висков усиленно бились.

Испуганный преследованием, управлявший быками повозки хотел подогнать свою упряжь.

К счастью, быки мало повиновались ему. Когда путники подошли ближе, он несколько успокоился.

То был торговец материями, развозивший свой товар на повозке.

Он был робок, как и все индусы, и изнуренные лица путешественников, их разорванное платье сначала испугали его.

Но вскоре их жалкий вид и очевидная слабость вполне разубедили его в возможности опасности. Он грубо отказал им в позволении сесть в повозку.

Увидя, что они ничего не добьются от упряжного индуса, сэр Мориц предложил ему купить у него повозку вместе с быками и товаром.

Индус начал улыбаться. Он подумал, что эти люди в рубище Сошли с ума.

Сэр Мориц понял его мысль и протянул к нему свою левую руку.

Лицо торговца тотчас же привяло совершенно иное выражение. Он быстро спрыгнул с повозки и проявил знаки

глубочайшего уважения.

Дело в том, что на одном из пальцев левой руки сэра Морица блестел бриллиант в шестнадцать каратов весом, на который можно было купить сотню повозок.

Торг был скоро заключен. Кольцо мигом перешло в руки жадного индуса, который быстро удалился, как бы опасаясь, чтобы его не отняли у него

Беглецы нашли в повозке запас плодов, ржи и глиняный кувшин с водой.

Они наскоро подкрепили свои силы и тотчас же уснули глубоким сном.

Белые быки, руководимые своим инстинктом, медленно продолжали путь.

XIV

ДОЛЖНО БЫТЬ, ИЛИ КУПЦЫ, ИЛИ БОГОМОЛЬЦЫ

Они проснулись, освеженные и укрепленные.

День склонялся к вечеру. Повозка находилась в одном из горных проходов.

Дул свежий ветер. Быки остановились на берегу ручья и терпеливо ожидали, пока их распрягут, напоят и накормят.

В некотором расстоянии, около десятка индусов готовились расположиться лагерем.

Насколько можно было судить по первому взгляду, их можно было принять или за купцов, или за богомольцев.

Два красивых старика с необыкновенной любезностью подошли к повозке и предложили свои услуги чужеземным путешественникам.

Запас провизии наших беглецов уже истощился и они попросили стариков о возобновлении его.

Старики сами выразили желание попросить нечто у пу-

тешественников.

— Мы бедные купцы, — сказали они, — и не умеем владеть оружием. Наша религия воспрещает нам проливать кровь, с нами нет ни копий, ни стрел, тогда как вы...

Рожер хотел было заявить, что у них нет никакого оружия, но осторожный сэр Мориц сделал ему знак молчать.

Купец продолжал:

— Мы находимся здесь на земле воинственных племен, берущих дань с каждого путешественника. Если они будут знать, что мы состоим под покровительством чужестранцев, то они не посмеют тронуть нас. Мы будем вами очень обязаны, если вы согласитесь провести ночь рядом с нами.

Сэр Мориц отвечал, что он охотно принимает это предложение.

Остальные индусы с радостью приняли это известие, пришли сами распрячь быков чужестранцев и разбили для них палатку, разведя около нее огромный костер.

Один из них довел даже свою любезность до того, что предложил им нарочно заваренного с этой целью чая.

Подобного рода предупредительность показалась нашим беглецам несколько подозрительной.

Они обменялись многозначительным взглядом и незаметно вылили на землю содержимое чашек.

— Эти люди слишком предупредительны, — заметил Рожер. — Неужели они делают все это только ради нашего присутствия? Мне не верится, чтобы они придавали такую цену охране двух европейцев.

— Все возможно, — отвечал сэр Мориц. — Наши хозяева кажутся честными людьми, у них мирные лица и внушительные манеры, но чай их обладал странным запахом.

— Запахом опиума, не правда ли?

— Я также это заметил. Мы хорошо сделали, что не стали пить его. Но я не чувствую к этим людям ни малейшего доверия. Ляжем спать и не будем высказывать наших подозрений.

С этими словами они удалились в свою палатку, разделенную на две половины.

Измученный усталостью, Рожер долго не мог уснуть. Все

тело его было разбито и он тщетно закрывал глаза — сон не приходил.

Ворочаясь с одного бока на другой, он очутился как-то лицом к отверстию палатки.

Костер все еще пылал, но Рожеру казалось, что пламя его становилось то красным, то зеленым, то синим

«У меня лихорадка», — подумал он.

Мысль эта еще более утвердилась в нем, когда он увидел расположившихся полукругом вокруг костра индусов, скинувших все свои одежды, за исключением куска колена вокруг бедер.

Один из них сыпал в костер какой-то порошок из ящика слоновой кости.

Лица всех имели какое-то странное выражение. Все они были разрисованы какими-то таинственными знаками.

Рожер приподнялся на локте и созерцал эту сцену, сам не зная — сон ли это или действительность.

Индусы напевали какую то монотонную песню.

Они пели:

«Повесили у дверей храма гирлянды из цветов, жасмина и магнолии.

Она идет, это она, владычица мира.

Это она — богиня любви и смерти.

Ее окровавленные уста призывают умерщвление.

Она топчет ногами своих побежденных врагов.

Повесили у дверей храма гирлянды из цветов жасмина и магнолии.

Она отрывает части их тела, которые еще трепещут в предсмертной агонии.

Запах их крови вызывает на лице ее краску удовольствия.

О Кали, пред тобою погибнут враги твои, мы вырвали у них глаза и бросили их коршунам.

Повесили у дверей храма гирлянды из цветов, жасмина и магнолии».

Каждый стих этой песни приводил их все в большую и большую ярость.

Из толпы выделились два индуса и стали рыть около костра глубокую яму.

Один из старших громко ударил в танги.

На этот звук со всех сторон из за гор, из расщелин скал, из-за кустов показались обнаженные индусы и стали медленно подходить к костру.

Их было теперь более ста. Пламя костра бросало фантастический свет на их фигуры.

Рожер вполголоса позвал сэра Морица, спавшего в другой половине палатки.

Сэр Мориц также не спал.

— Я, кажется, схожу с ума, — сказал ему Рожер. — Лучше посмотрите сами.

Сэр Мориц исполнил его желание:

В это время один из стариков устремил яростный взгляд на палатку чужестранцев и тихо заговорил.

Но тишина ночи придавала чрезвычайную ясность его словам, дышавшим страшной угрозой.

— Дети Кали, — сказал он, — богиня требует жертв.

Он продолжал, придавая своему голосу еще более грозное выражение:

— Богиня ждет от вас жертвы. А какая жертва может быть ей приятнее этих двух чужестранцев, врагов нашей религии. Сама богиня привела их к нам. Радуйтесь случаю заслужить ее милости.

— Слава Кали, слава великой богине! — отвечали хором все индусы.

Их свистящий шепот невольно напомнил Рожеру шум, производимый в траве змеями.

— Дитя мое, — сказал сэр Мориц, — эти люди — туги. Ты слышал наш приговор; мы должны быть принесены в жертву богине Кали. Они не проливают крови, но задушат нас шнуром, которым чрезвычайно искусно владеют. Я понимаю теперь, почему они разделили нашу палатку на две половины. Но мы дорого продадим свою жизнь. Возьми мой кинжал!

— Нет, — отвечал Рожер, вполне доверявший своей силе и мужеству, — нет, я буду защищаться без оружия.

— Главное, старайся во что бы то ни стало отразить первое нападение!

Они умолкли.

До их слуха долетел шум осторожных шагов. К их палатке тихо подкрадывались два человека.

Ноги их едва скользили по земле. Оба держали в руке по платку, игравшему роль американского лассо. К одному концу платка привязан камень, который, будучи брошен в воздух, обвивается вокруг шеи человека и ловится бросившим. Стоит затянуть платок — и жертва задушена.

Убийца, проникший к Сен-Пьеру, застал его лежащим лицом вниз и как бы спящим.

Он осторожно обвил его шею платком и быстрым жестом затянул его. Но платок очутился в его руке, разрезанный надвое.

Сэр Мориц подложил под свою шею кинжал, который и перерезал оружие индуса.

Прежде, нежели убийца пришел в себя от изумления, сэр Мориц бросился на него и вонзил ему в грудь кинжал.

Другой индус осторожно прокрался на половину Роже-ра.

Молодой человек стоял посредине палатки безоружный, но с лицом, выражающим крайнюю решимость.

Душитель не имел даже времени подумать о нападении.

Рожер нанес ему сильный удар в грудь, что заставило его вылететь из палатки. При виде этого индусы испустили крик ярости.

Тотчас же все вооружились горящими головнями и направились к палатке. Недолго думая, Рожер схватил дышло от повозки и бросился на толпу, разбивая и опрокидывая все своей палицей.

Трусливые индусы скоро отступили и бросились к горам с криком:

— Дин! дин! дин!

И эхо повторяло:

— Дин! дин! дин!

— Не люблю я этого крика, — сказал сэр Мориц, поразивший своим кинжалом пять или шесть индусов. — Это их

военный крик. Он может доставить нам большие неприятности. Их воины — отличные стрелки из лука и большинство их попадает за сто шагов в глаз бегемоту. Я не знаю, что теперь делать.

— Будем сопротивляться до последней возможности.

— Любезный Рожер, будь ты Самсоном или Голиафом, ты все-таки ничего не сможешь сделать с тремя тысячами стрелков.

— Неужели вы находите удобным отступить?

— Уже рассветает. Теперь поздно. Скоро станет совсем светло.

Крики все еще не переставали. В скором времени вершины гор покрылись индусами, вооруженными копьями и луками. Они шумно спускались вниз, по направлению к стоянке.

Достигнув ее, они остановились. Тысячи стрел были направлены в сэра Морица и Рожера.

Вдруг раздался звучный молодой голос. Тотчас же склонились все головы, руки всех выронили оружие. Уста всех произнесли одно имя:

— Са́ма!

На отлогости горы появилась белая, грациозная фигура.

Рожеру показалось, что голос этого таинственного существа напоминает голос молодого ночного певца.

Сама сделал знак.

К нему подошел рослый индус, и, выслушав приказание, подошел к сэру Морицу и заявил, что они сейчас получают конвой, который проводит их до места назначения.

XV

ЧТО ЗАКЛЮЧАЛОСЬ В ПРОСТОМ ПОЯСЕ

Сэр Мориц и Рожер, в сопровождении конвоя, без приключений достигли Ужеина — резиденции магараджи Гва-

лиора.

Всадники остановились в предместье.

— Мы не можем явиться в подобном виде, — сказал сэри Мориц. — Мы должны быть одеты и вооружены достойно твоему будущему назначению и сыпать золото.

— Но у нас ничего нет. Вы променяли последнее кольцо на повозку.

— У меня есть еще вот что, — отвечал сэри Мориц, указывая на свой кожаный пояс.

— Ваш пояс? Но что же может быть в нем?

— Небольшая, но весьма ценная вещь.

И сэри Мориц вынул из своего пояса небольшой клочок бумаги с тремя строками на индусском языке и изображением звезды, пронизанной тремя стрелами.

— Что это такое? — спросил Рожер.

— Талисман.

— Вы шутите?

— Нисколько. Я говорю совершенно серьезно и знаю, что в этом предместье есть человек, который при виде его осыплет нас золотом и бриллиантами.

— Я решительно ничего не понимаю!

— Этот человек — банкир. А мой талисман — местный вексель. Стоит он два миллиона пятьсот тысяч червонцев.

— В таком случае, поспешим устроить наши дела и отправимся далее!

Они двинулись по узкой, обстроенной хижинами улице. Изредка попадались грязные лавочки со скудным товаром. Все выглядело бедно и грязно.

— Неужели здесь может жить банкир! — воскликнул Рожер, отыскивая глазами мало-мальски порядочный дом.

— Мы уже на месте! — отвечал сэри Мориц.

Хижина, перед которой они остановились, была ни больше, ни лучше прочих. Ее внутреннее убранство вполне соответствовало ее внешнему виду.

В угле копошилось нечто, похожее на кучу лохмотьев. То был банкир. Сэри Мориц назвал его по имени.

Банкир выпрямился. Показалось желтое, сморщенное лицо и костлявая фигура.

Он склонился при виде бумажки и хитрая улыбка скривила его тонкие, выцветшие губы,

— Удостойте пойти со мной! — сказал он.

Он отворил дверь. Они прошли в другую, почти пустую комнату. На земле лежали два черных невольника огромного роста.

Их разделяло железное кольцо, вделанное в пол.

Невольники взялись за него: в полу оказалась подъемная дверь, открывавшаяся на узкую каменную лестницу. Банкир взял лампу и начал спускаться первым.

Они очутились в большой зале, стены которой были выложены белым камнем.

Кругом стояли огромные сундуки из сандалового дерева, кожаные мешки, наполненные золотом. По стенам висело роскошное оружие.

Сэр Мориц выбрал сперва вооружение для своего конвоя, потом взял себе кашемировый костюм темного цвета.

Что касается Рожера, то костюм его оказался великолепным: белые кашемировые панталоны, гибкая стальная кольчуга, белая, вышитая золотом, туника, роскошный пояс и тюрбан — все говорило о богатстве и знатности.

Единственным оружием его была кривая сабля, клинок которой не имел цены.

— Теперь, — сказал сэр Мориц, — мне должно выбрать подарки индийским офицерам. Это ожерелье вполне достойно магараджи Гвалиора.

— А кому вы предназначаете эти золотые украшения?

— Гвиковару Бароды.

— А что вы поднесете верховному вождю магараджей?

— Старик умер.

— Но у него есть, вероятно, наследник?

— Есть, — несколько смущенно отвечал сэр Мориц, — но...

— И он из наших?

— Больше, чем кто-либо!

— Мы увидим его?

— Конечно!

— Выберем же ему какое-нибудь богатое вооружение.

— Только не теперь!

— Почему же?

— Потому что я предназначаю ему подарок гораздо ценнее всего, что находится здесь.

Произнося эти слова, сэр Мориц пристально и с загадочной улыбкой смотрел на своего племянника. Скоро они вышли из подземелья.

Конвой уже облекся в новое платье и вооружение. На встречу к ним ехал главный министр магараджи Гвалиора, уведоливший их, что сейчас пожелает сам магараджа.

И действительно, в воротах города скоро показалась процессия с Роо-Сцемдием, магараджей Гвалиора, во главе.

Впереди гарцуют пятьдесят всадников, за ними следует пехота, вооруженная длинными карабинами. В середине процессии важно выступают три слона.

Они покрыты попонами, расшитыми золотом. Их подпиленные бивни украшены золотыми кольцами и пучками дорогих перьев.

Впереди идет слон магараджи. По бокам его висят две обитые бархатом доски, на которых сидят невольники с веерами в руках для обмахивания своего властелина.

Магараджа восседает под красным с золотом балдахином.

Его красивая голова, задумчивые глаза, бронзовый лоб, орлиный нос и насмешливые губы напоминают изображения царей ассирийских.

Он милостиво приветствует путников и приглашает их сесть на двух других слонов.

И поезд тронулся обратно, во дворец.

XVI

ПРИ ДВОРЕ МАГАРАДЖИ ГВАЛИОРА

На другой же день магараджа устроил смотр войскам, собранным с этой целью в городе.

В смотре участвовали пятнадцать тысяч солдат, обученных по-европейски.

Магараджа со своими гостями и придворными поместился на холме, господствующем над долиной. Зрелище было великолепное.

Богатство одежд, пурпуровое убранство лошадей, блеск знамен и оружия, шитье мундиров — все это сияло на солнце и производило весьма сильное впечатление.

Магараджа хотел лично руководить маневрами.

Но, или потому, что его голос было слишком слаб, или же он был мало знаком с командованием, но маневры производились крайне неудачно.

Солдаты маршировали неровно, сбивались и не знали, что делать.

Замешательство было всеобщее. Наконец Рожер не выдержал, шепнул несколько слов магарадже и, пришпорив коня, мигом очутился перед строем.

Он обнажил саблю и начал командовать громким, ясным голосом.

Старым офицерам, сражавшимся когда-то под командой генерала Сен-Пьера, чудится, что он опять ожил в лице Рожера. То же лицо, тот же голос, те же манеры.

Они с рвением принялись приводить в порядок расстроенные ряды солдат. Через несколько минут маневры приняли совершенно иной характер.

Магараджа Гвалиора приятно изумлен зрелищем стройно маневрирующих солдат. Сэр Мориц был также доволен; он думал о предстоящей войне и несомненной победе.

Рожер превзошел все его ожидания. Он проявил в этот день замечательные военные способности.

Смотр кончился. Все вернулись во дворец. В это время

сэру Морицу подали запечатанный конверт.

Сэр Мориц показал его магарадже и ушел, уводя с собой Рожера.

— Дело подвигается быстрее, чем я ожидал, — сказал он ему. — Мы сами должны торопиться.

— Когда же можно ехать?

— Скоро, очень скоро. Это письмо от главы Удейпура и мне необходимо свидеться с ним.

— Но вы не успели еще отдохнуть.

— Что за дело! От него зависит много и, если сам он согласится пристать к нам, то за ним восстанет половина Индии.

— Вы правы, поезжайте. А я пока займусь здесь обучением солдат и офицеров.

— Не показывайся слишком часто. Окружи себя тайной — это лучшее средство действовать на умы.

— Если так, то я засяду у себя и буду заниматься. Но найду ли я здесь все нужное?

— Ты найдешь все на своей половине.

— Вы все предвидите! О, когда я дождусь желанной минуты войны!

Он остановился перед сэром Морицем с улыбкой на губах.

— А знаете ли, о чем я думаю? — спросил он.

— Нет.

— Я думаю, что с радостью бы встретился бы во время битвы с сэром Эдвардом и с такой же радостью раскроил бы ему череп.

— Этого ты никогда не дождешься!

— Почему?

— Потому, что сэр Эдвард никогда не показывается на полях сражений,

— Однако англичане — народ храбрый.

— Сэр Эдвард не англичанин. Отец его был малаец, а мать проститутка, привезенная из Лондона.

Сэр Мориц окончил свои приготовления к отъезду и нежно распрощался с Рожером. Он еще раз повторил ему:

— Не доверяй мужчинам и... опасайся женщин.

XVII

БАЯДЕРКА

В тот же вечер магараджа устроил у себя во дворце ночной праздник, на который собралось множество военначальников, браминов, визирей и раджей. На улицах шумела пестрая толпа народа, у всех веселый оживленный вид.

Приглашенные вводятся в тронную залу и располагаются сообразно этикету. Посредине залы стоят два серебряных трона с голубыми атласными подушками, на которых восседают магараджа Гвалиора и его могущественный сосед гвиковар Бароды. Рожер, в качестве гостя, также занимает почетное место. Взгляды всех с любопытством обращаются на него.

Зала сияет огнями. Ее мраморные колонны и стены с инкрустацией сплошь увешаны огнями.

Являются музыканты и фокусники. Начались музыка и представления, закончившиеся пляской баядерок. Все это мало занимало Рожера и он собирался уже удалиться в свою комнату, как вдруг двери залы растворились и шесть невольников внесли серебряную корзину, наполненную цветами. Они поставили ее посредине круга, образованного музыкантами, и удалились.

Оркестр заиграл тихую, очаровательную мелодию. Мало-помалу цветы зашевелились, начали высыпаться из корзины и из под них появилась.... женщина.

Рожер едва удержался от крика восторга.

Она стояла, стыдливо скрестив руки на груди, с опущенными глазами, полуоткрытыми устами. Она слышала восклицание молодого человека и ее черные глаза бросили на него продолжительный, страстный взгляд.

Рожер невольно побледнел. Стройный бюст баядерки плотно облекался красным лифом. Вокруг бедер обвит прозрачный газовый шарф. Вся фигура — стройная и страстная — возбуждает чувственность и желания.

Она начала танцевать.

Сначала она тихо покачивалась на одном месте, сладострастно шевеля своим бюстом, запрокинув голову и полужакрыв глаза.

Но, мало-помалу, движения ее стали быстры. Волосы ее распустились и упали почти до земли и она как бы в припадке бешеной страсти начала кружиться с непостижимой быстротой.

Рожер не мог отвести от нее глаз. Забыты честолюбивые мечты, забыта жажда славы. Огненный взгляд баядерки пробудил в нем чувственность.

Но музыка внезапно стихла и танцовщица исчезла. Рожер вернулся к действительности.

В эту самую минуту присутствовавшие поднялись со своих мест и преклонили колени перед роскошным паланкином, только что внесенным в залу. Молодой человек последовал общему примеру. Золотые занавеси паланкина зашевелились, между ними показалась очаровательная голова, увенчанная диадемой. То был царь королей, наследник Пуны, единственный потомок солнца.

То был Сама.

Когда присутствовавшие поднялись с колен, занавеси закрылись и паланкин уже удалялся.

— Сама, Сама, — смущенно повторял Рожер.

Он схватился за голову, как бы стараясь уловить какое-то воспоминание. Горькая улыбка скривила его губы.

— Это только король! — сказал он. — Жаль.... Что делать — при первом случае я пожертвую за него жизнью в сражении.

Рожер провел бессонную ночь. Дворец Ужеина казался ему населенным двумя призраками. Над ним склонялось то божественное лицо Самы, то он чувствовал в своих объятиях трепещущее от страсти тело баядерки.

Небо и земля! Но, о разочарование, о ирония судьбы! Сама только король!

Наступил день и он жадно ухватился за занятия. Он отогнал неотвязные видения и погрузился в рассматривание разных стратегических планов.

Легкий шум заставил его повернуть голову. В дверях стояла молодая индуска. Она подошла к Рожеру и подала ему букет цветов.

— Недостающую в этом букете розу, — сказала она, — ты найдешь при восходе луны у фонтана Сварга.

И молодая девушка исчезла так быстро, что Рожер не успел даже спросить ее, кто прислал ему этот букет.

Он не понимал языка цветов, но понял, что букет прислала ему женщина. Женщина! А что, если его позовет на свидание баядерка Вали?

Он задумался, вдыхая в себя запах цветов. Им начинало овладевать вчерашнее опьянение.

— Нет, — вскричал он, бросая букет, нет. — Я не пойду на свидание. Вали хороша, но я помню слова дяди: «Берегись женщины».

И он снова принялся за прерванную работу.

— Да благословит Дурга твои дни! — внезапно раздался возле него гнусливый голос.

Удивленный Рожер встал.

В залу вошел старик-нищий.

Он был мал ростом и чрезвычайно загорел. Сгорбленный, с опущенными глазами и руками, он имел чрезвычайно жалкий вид.

— Что тебе нужно? — спросил его Рожер.

— Я хочу призвать на твою голову благословение Дурги.

— Ты уже говорил это. Кто прислал тебя?

— Божество.

Рожер понял, что имеет дело с полусумасшедшим фанатиком, которых можно очень часто встретить в Индии. Он бросил ему золотую монету и приказал удалиться.

Нищий бросился на подачку и старательно упрятал ее в свой пояс.

— Что же ты не уходишь? — спросил его Рожер.

— Я не уйду прежде, нежели не передам этого кольца любимцу божества. Да осыплет тебя Дурга своими щедротами!

Рожер взял кольцо. Оно было сделано из серебра и было очень изящной работы.

— Что же мне делать с ним? — спросил он.

— Пусть сайб придет с ним в великий храм, когда взойдет луна, пусть взойдет в святилище и наденет его на палец находящегося там божества.

Нищий вскинул украдкой глаза на Рожера. Тот тотчас же заметил их цвет, спокойно подошел к двери, запер ее и взял ключ к себе в карман.

— Почтенный человек, — обратился он к нищему с иронической вежливостью, — нельзя ли узнать ваше имя?

— Мое имя Джеймала, — отвечал нищий.

— Прекрасно. Итак, господин Джеймала, когда вы вздумаете являться к проницательным людям, то хорошо сделаете, если наденете пару синих очков. Иначе вас примут за сэра Эдварда Броунли

Нищий нисколько не смутился.

— Подобный промах может доставить вам большие неприятности, — продолжал Рожер.

— Я не понимаю, что говорит сайб.

— Вы сейчас поймете. Сэр Броунли негодяй и, благодаря вашему сходству, вы поплатитесь за него.

— Я не знаю человека, о котором вы говорите.

— Вы сейчас узнаете.

И Рожер сдернул с него платье, которое, разорвавшись, обнажило белую грудь.

— Прекрасно, — гневно воскликнул мнимый нищий, — я сэр Эдвард Броунли! Чего же вы от меня хотите?

— Чего я хочу? Я хочу возобновить разговор, прерванный в нашей плантации Гайдерабада.

— Вы хотите убить меня! — воскликнул шпион, осматриваясь.

— Нет, нет. Я хочу убить вас, правда, но в честном бою.

— Я имею право на выбор оружия. Я обижен!

— Тут только две сабли. Вот эта кажется мне лучше — возьмите ее.

Дикая радость отразилась на лице сэра Эдварда. Восточная сабля была его любимым оружием. Он схватил ее и яростно напал на Рожера. Но все усилия его оставались тщетными. Рожер не поддавался.

Сэр Эдвард прибегнул к хитрости и нагнулся, как бы желая поразить своего противника в ноги и потом вдруг громадным прыжком устремился на него, чтобы раскроить ему череп.

Но, несмотря на всю быстроту этого движения, сэр Эдвард открылся на минуту. Сабля Рожера пришлась ему прямо по горлу.

Сэр Броунли покатился на пол с головой, почти отделенной от туловища. Брызнувшая кровь залила собой лежавший на полу букет.

Рожер посмотрел на труп и на букет и вспомнил о свидании, назначенном ему через шпиона баядеркою.

День начинал склоняться к вечеру.

Он надел под платье свою кольчугу, заткнул за пояс кинжал и вышел из дворца.

XVIII

В РАЗВАЛИНАХ ХРАМА ДУРГИ

Луна уже возшла.

Она освещала мрачные группы деревьев, равнину и дорогу, ведущую к холму, на котором находились развалины храма Дурги.

Рожер вошел в ограду, приблизился к священному пруду, на берегу которого растут фиговые деревья. Он останавливается... смотрит... прислушивается... взявшись за рукоятку кинжала.

Кругом царит глубокая тишина.

Он продолжает подвигаться вперед, проникает в галерею, соединяющую храм с внутренним двором. Он останавливается: ему послышались чьи-то шаги.

Слух не обманул его. Шум возобновляется. Слышится как бы тихий шепот и смех.

Рожер вынимает из ножен кинжал. Он видит перед собой свет и идет на него.

Глазам его представляется неожиданное зрелище.

В каком-то подобии каплицы, освещенной висячей хрустальной лампой, на ярких шелковых подушках лежат женщины в небрежных, сладострастных позах.

Около них, в бронзовых чашах, дымятся благоухания. Перед ними подносы с фруктами и вином.

Одна из женщин — самая молодая и красивая — встала, наполнила вином золотой кубок и, улыбаясь, подала его Рожеру.

Рожер колеблется.

Женщины перешептываются, смеясь и закрывая рот руками.

— Он боится, — говорят они.

Молодая женщина отхлебывает из кубка и настаивает взглядом. Рожер осушает остальное. Сладкое, согревающее чувство наполняет его грудь. Но это еще не святилище: он продолжает свой путь.

Развалины принимают все более зловещий характер. На пути попадаются ямы, кустарники, кучи камней. Наконец он достигает священной залы — центра храма Дурги.

Рожер направляется к алтарю из розового гранита, к которому ведут каменные, полуразвалившиеся ступеньки. На алтаре еще уцелел медный идол.

Но идол этот представляет собой образец идеального искусства. Он покрыт длинным газовым покрывалом, расшитым золотом.

Рожер приблизился. Все тихо и неподвижно. Он поднялся по лестнице и приблизился к статуе.

Сердце его бьется усиленно. Он берет кольцо. Еще одно мгновение и кольцо уже на руке идола.

Рука отодвигается

Статуя затрепетала... Руки ее поднимаются и сбрасывают покрывающий газ.

Глазам Рожера представляется ослепительной красоты обнаженная женщина.

— Баядерка Вали!

— Да, жрица Вали, — отвечал бархатный голос. — Вали, твоя рабыня.

И она прибавляет шепотом:
— Вали, которая любит и желает тебя.
И она падает, обессиленная страстью, в объятия Рожера.

.

Серебристая луна отразилась в фонтане Сварги. Около него стоит чья-то стройная фигура.
Она ждет, ждет долго. Наконец губы ее шепчут:
— Он не понял. Он не придет.
И Сама задумчиво и медленно удаляется.

XIX

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЭРА МОРИЦА

Сэра Морица действительно требовали в Менвех настоятельные дела.

Тревоги и беспокойства последних месяцев развили в нем зародыш болезни сердца. Он чувствовал себя очень нехорошо, но, несмотря на это, совершил свое путешествие с замечательной быстротой.

Предприятие его удалось. Он вернулся почти здоровым и веселым и радостно вошел в комнату своего племянника. В комнате царствовал полумрак и сэра Мориц не мог заметить бледности Рожера, лежавшего на куче подушек.

Кругом него, на полу, валялись измятые планы и карты.

— Довольно работать! — вскричал сэра Мориц. — Довольно! Наступил час действия! Тридцать лет, проведенные мной в подготовке дела, не пропали даром! Мы даруем свободу ста миллионам! Неужели твое сердце не трепещет при одной этой мысли? И тебе будет принадлежать вся слава! Я завидую тебе!

— Но действительно ли все готово? — спросил Рожер.— Нам требуется большая осторожность. А что, если нас постигнет неудача? Не лучше ли подождать?

Сэр Мориц удивленно смотрел на своего племянника.

— Что ты говоришь! Неосторожный Рожер напоминает мне об осмотрительности. Что сделалось с рьяным солдатом, жаждавшим дня битвы?

— Вы нехорошо поняли меня. Я готов на все.

— Сегодня ночью будет происходить совет заговорщиков. Ты должен будешь явиться туда. Я же должен отправиться сейчас же.

— В каком часу?

— В полночь.

— А место свидания?

— Подземелье гор Виндии. К нему ведут коридоры...

— Но кто же укажет мне дорогу?

Сэр Мориц вынул из кармана ключ и отворил скрытую в стене дверь, из которой пахнуло сыростью.

— Вот ход. Ты спустишься по лестнице и пойдешь коридором, который идет все прямо. В особенности, будь точен. С этим ключом я отдаю тебе в руки судьбу целого народа.

XX

ЯВИТСЯ ЛИ ОСВОБОДИТЕЛЬ?

Небо усеяно звездами. Повсюду видны небольшие группы индусов, направляющихся к горам Виндии. Добравшись до них, они исчезали, как будто земля поглотила их.

Сэр Мориц тихо идет с раджой Удейпура по узкой равнине. Они подходят к кустарникам, раздвигают их ветви и исчезают под землю.

Они долго идут в темноте с протянутыми вперед руками. При повороте глаза их внезапно ослеплены красноватым светом.

Они вступили в колоссальное, высеченное в камне зда-

ние, находящееся прямо под горой Магадева.

Вокруг стен стоят каменные изображения слонов, поддерживающие своими спинами огромные колонны, теряющиеся в глубине свода.

По стенам перед глазами зрителей разворачивается вся царственная эпопея Рамы: похищение Ревондой Ситы, битва Веноров под предводительством бога-обезьяны Генумона, взятие крепости Лонки и так далее.

Место дышит торжественностью и внушает религиозный страх.

В пещере горят тысячи ламп. Она наполнена безмолвной вооруженной толпой.

Сотни людей неподвижно сидят на каменных плитах. Все они — тайные или признанные вожди готовящегося восстания, главы народов, проклинающих рабство на берегах Инда и Ганга.

Все откликнулись на зов сэра Морица, все явились — храбрые, готовые, угрожающие.

Их более тысячи и каждый имеет под своим скипетром не менее пятисот тысяч человек.

Завтра должно вспыхнуть восстание. Завтра древняя земля ороится кровью: заходящее солнце будет освещать трупы.

Все поклялись быть свободными.

Они хотят обладать землей предков, домами, выстроенными их отцами, и не платить податей ни золотом, ни кровью.

Ждут только начальника.

Для него приготовлен трон из серебра и золота с тремя ступеньками.

На этих ступеньках сидят магараджа Гвалиора и гвико-вар Бароды.

Рядом с ним сидят сэр Мориц и раджа Уджейпура.

Трон остался незанятым.

В зале появился герольд, он подошел к висевшему гонгу и ударил по нему своей палицей.

В храме поднялось движение. Толпа второстепенных начальников встала с своих мест.

Раздался второй удар.

Главные вожди встали в свою очередь и в зале появился паланкин главы Индии, пейшваха Пуны.

Раздался третий удар в гонг.

Звуки резко отдались под сводами и глухо прокатились по коридорам подземелья. Наконец они замерли.

Наступило глубокое молчание.

Все взоры были устремлены на серебряный трон. Все удерживали дыхание. Каждый слышал биение своего сердца.

Цари и народы ждали.... и освободитель не являлся.

По толпе пробежал трепет сомнения.

— Час уже прошел! — шепнул раджа Уджейпура на ухо сэру Морицу.

— Знаю! — отвечал тот глухим голосом.

— Час уже прошел! — повторил магараджа Гвалиора. — Что же делает в своем паланкине наследница пейшваха?

Паланкин был пуст!

Сама также не явилась.

Под сводами раздался громкий вопль — вопль ярости и отчаяния, вопль погибающего народа.

Сэр Мориц почувствовал ужасную боль в сердце. Он испустил отрывистый крик, замахал в воздухе руками и тяжело рухнул на землю.

Сын генерала Сэн-Пьера не смог перенести разрушения своих надежд.

Восстание не удалось. Индия осталась под игом Англии. Все в страхе поспешили разойтись. Толпы медленно потекли по коридорам. Лампы погасли и в подземелье водворилась мертвая тишина.

Что же случилось с тем, кого ожидали?

ЖЕНЩИНА-ВАМПИР

Рожер напряженно следил в своей комнате за стрелкой часов.

Он рассчитал время, потребное на достижение подземной залы, и нашел, что часа совершенно достаточно.

Пробило десять часов. Он встал, провел рукой по лбу, как бы желая отогнать назойливую мысль, и стал готовиться к уходу.

Он взял ключ от подземелья и отворил дверь. Дверь со скрипом повернулась на своих петлях.

Рожер поставил ногу на первую ступеньку лестницы, как вдруг на его плечо опустилась чья-то рука.

— Куда идет мой господин? — проговорил громкий, кроткий, мелодический голос, звуки которого заставили усиленно биться сердце Рожера.

Вали смотрела и улыбалась ему.

Ее черные волосы касались лба молодого человека и раздражали его своим пронизательным запахом. Она прижималась к нему своим прелестным телом, покрытым только легкой газовой тканью.

Ее грудь трепетала под его рукой. Она подняла на Рожера свои бархатные глаза и он любовно склонился к ее ярким губам.

— Почему господин хочет покинуть меня сегодня? — сказала Вали тоном нежного упрека.

— Так нужно, моя возлюбленная!

— Господин жесток и ему ничего не значат слезы бедной девушки!

— Кто же заставил тебя плакать?

— Злой! ты еще спрашиваешь!.. Я ждала тебя с начала вечера. Я думала, что ты уже разлюбил меня!..

И она обняла его и потянулась поцеловать в губы. Рожер смотрел на нее, опьяненный, очарованный. Он забыл всех и все. Глаза его жадно впились в баядерку, начавшую

свой сладострастный танец.

Наконец, усталая и страстная, она опустилась на ковер. Ее распущенные волосы коснулись лица Рожера.

Тот вздрогнул, как бы от прикосновения электрической искры. Они обнялись и замерли в страстном поцелуе.

Баядерка в припадке страсти схватила Рожера за волосы и укусила его над ухом.

Ее рот как будто прирос к ране...

Слышны были только тихие стоны, похожие на жалобу ребенка. Стоны эти постепенно ослабевали.

Внезапно Вали почувствовала себя приподнятой с земли. Напротив ее стояла бледная, стройная женщина, на прелестном лице которой сказывался и гнев и ужас.

Баядерка преобразилась. Ее томный, подернутый влагой взгляд, ее яркие губы и женская прелесть — все исчезло. Рот ее был запачкан кровью, шея надулась, как у змеи. Она, казалось, опьянела от крови.

Вампир бешено бросился на Саму. Борьба была ужасна, но непродолжительна. Отяжелевшая от крови Вали тщетно попыталась задушить свою соперницу.

В одну минуту она очутилась на земле, связанная собственным поясом.

Сама дважды хлопнула в ладоши. На пороге появился человек. Он склонился до земли и почтительно выслушал приказание.

Он развязал свой тюрбан, связал им лежавшую на полу Вали и, вскинув ее на плечи, удалился.

Сама стала на колени перед Рожером и с беспокойством следила за ним: уж не перестало ли биться сердце того, кого она так страстно любила?

XXII

СЕПРА

Ночь темна.

Сепра медленно катит свои волны в крутых каменных берегах.

По дороге, спускающейся к реке, идет слон. На нем сидит человек с обнаженной головой.

На огромной шее животного лежит мешок, заключающий в себе, по-видимому, человеческое существо.

Слон останавливается на берегу реки.

— Вперед! — кричит на него человек.

Слон входит в реку. Вода шумит под его огромными ногами.

Он уже почти на самой середине течения и опять останавливается.

— Вперед! — повторяет повелительный голос.

Послушное животное идет далее. Вода доходит до груди.

Его уносит течение, оно борется с ним и боится. Слышно его громкое, порывистое дыхание.

Человек привстает. Он берет в руки мешок, в котором отчаянно шевелится кто-то.

Он раскачивает его над головой и бросает в самую середину реки.

Воздух оглашается отчаянным криком.

Волны с зловещим шумом поглощают мешок.

Слон поспешно выходит на берег и исчезает на каменной дороге.

Ночь темна и Сепра по-прежнему катит свои глубокие волны.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

О ЗДАНИЯХ И ЖИТЕЛЯХ УЛИЦЫ КОПО

Кафе Ласепед расположено посреди улицы Копо и долго славилось среди жителей этой улицы.

Окна кафе постоянно задернуты занавесками, за буфетом горят пять ламп с рефлекторами. Буфетчица — госпожа Гудар — расточает строгие взгляды гарсонам и любезные посетителям.

Госпожа Гудар постоянно носит цветы и розовые ленты на голове, могучий же бюст ее постоянно облечен в синий бархатный корсет с гипюровым воротничком.

Ежедневные посетители кафе знавали ее молодой и называли ее по привычке красавицей.

Из них один только никогда ни отпустил ни одной любезности очаровательной буфетчице. Это был старик маленького роста, с черными глазами и тонкими бесцветными губами.

У него седые волосы и порядочная лысина посредине головы. Он постоянно носит широкую шляпу, стоячие воротнички, белый галстук и атласный жилет.

Господин Дюран приходит в кафе каждый день в семь часов, читает *Debats* и пьет воду с ложечкой рому. Он ни с кем не говорит и ни во что не играет.

Только однажды — давно тому назад — он сыграл партию в шахматы при обстоятельствах, оставшихся достопамятными.

В кафе появился офицер, еще молодой, хвастливый и болтливый, надоевший всем своими рассказами о том, как он играл в шахматы в кафе Регенства. По его словам, никто в Париже, никто даже во Франции не мог сделать ему мат. Он победил архитектора Фонтена и адмирала Дюмона-Дюрвиля. Рассказы эти повторялись каждый день.

Господину Дюрану надоела эта болтовня и он согласился сыграть партию с непобедимым игроком.

Тот расставил шахматы, медленно, методически, как че-

ловек, уверенный в себе, бросая по временам взгляды, полные сожаления, на человека, дерзнувшего тягаться с победителем Дюмона-Дюрвиля.

Посетители кафе окружили играющих. Завязались бы даже пари, если бы только исход партии не был бы несомнен. Офицер играл действительно замечательно хорошо.

Но, о ужас! после нескольких ходов, господин Дюран разгадал тактику противника и задал ему позорный мат. С этих пор офицер уже не появлялся в кафе.

Это событие произвело такой эффект в кафе Ласепед, что о нем говорили ровно шесть месяцев и день победы стал основой нового летоисчисления. Все говорили: это было за год перед или после того, как господин Дюран победил офицера.

Однако, победитель нисколько не гордился своим торжеством и спокойно вернулся к своим *Debats* и стакану с ложечкой рома.

Без четверти девять господин Дюран брал свою шляпу и, уплатив что следует и любезно раскланявшись с госпожой Гудар, уходил ровным шагом.

Он подходил к воротам небольшого дома улицы Копо и отчетливо ударял три раза молотом. При третьем ударе ворота отворялись.

Господин Дюран заходил в ложу привратницы и брал свечу.

Привратница была вдовой и носила имя Берлокен. Она постоянно покоилась в кресле и благоговейно читала романы Поля де Кока.

Госпожа Берлокен не всегда проводила время в одиночестве. К ней иногда приходил племянник — Луи Дезире Шапуль — умный, но невыносимый молодой человек, составлявший гордость и мучение своей тетушки.

Ретивый Шапуль боялся на свете только взгляда господина Дюрана.

Он вообразил сначала, что старик служит в полиции и долго следил за ним, но никогда не видел, чтобы тот заходил на Иерусалимскую улицу.

Значит, он не из «тамошних». Таково было мнение Ша-

пуля, с которым не мог не согласиться и Паради.
Но кто такой Паради? А это мы сейчас узнаем.

II

ШАПУЛЬ И ПАРАДИ

Существовало много знаменитых примеров дружбы: Орест и Пилад, Дамон и Пифий, Эвриэль и Низус, св. Элои и Дагобер.

Имена эти известны каждому. Но никто еще не написал ни слова о Дезире Шапуле и Исидоре Паради. И совершенно напрасно!

Шапуль и Паради были друзья, каких мало. Жизнь их, полная приключений, могла доставить материал на десять романов.

Но мы не станем рассказывать ее здесь. Скажем только, что они были неразлучны и что, когда видели Шапуля, видели и Паради, когда являлся Паради, Шапуль был недалеко.

Наши оба героя были еще очень молоды. Шапулю было тринадцать лет, Паради — четырнадцать. Оба олицетворяли собой чистый тип парижских гаменов.

Шапуль был низок ростом, худощав и опрятен. Паради был высок, небрежен и храбр; для него не существовало опасности.

Благодаря тетке Берлокен, Шапуль одевался франтом. Паради же не имел родни и щеголял в чем попало.

Он не знал семьи и не имел определенных занятий. Летом он ночевал под мостом, зимой же — в сараях, строящихся домах, извозничьих каретах, копиях Монруж, кабаках, ложах театра и даже полицейских домах.

Но он всегда умел исчезать отовсюду вовремя.

Шапуль сопровождал своего друга в эти живописные приюты, но предпочитал ночевать в улице Копо, у тетки Берлокен.

Паради был каллиграф и рисовальщик.

Шапуль — поэт и музыкант.

Паради покрывал стены домов и заборы изображениями виселиц, на которых висели непопулярные тогда личности, или изображал в карикатуре какого-нибудь министра.

Шапуль сочинял песенки, которые распевались рабочим людом.

Кроме этих талантов, Шапуль и Паради собирали окурки сигар, отворяли дверцы карет, торговали марками, отскивали фиакры, продавали газеты и помогали переходить через лужи.

Они били фонари во время восстаний и работали тогда для славы!

Любимое же занятие двух друзей состояло в доставлении венца мученичества господину Дюкателью, лавочнику, торговавшему на углу улиц Копо и Сен-Виктор.

Добряк Дюкатель был положительно обречен им на жертву.

Его круглое, толстое лицо, вечно удивленные глаза, огромный живот, тоненький голос и короткие панталоны — все обрекало его насмешкам.

Дюкатель был честолобив и всеми неправдами добился сержанта национальной гвардии.

С этого дня Дюкатель стал человеком погибшим.

Мужчины возненавидели его за его гордость и честолобие, женщины — за то, что он наживал на всем и никому не хотел верить в долг.

Весьма понятно, что никто и не думал брать его сторону во время проделок двух друзей.

У лавочника перед дверями стояли два бочонка. Шапуль поклялся, что погубит эти бочонки. Один из них был наполнен черносливом, другой — патокой. Паради обожал последнюю и всегда совал руку в бочонок.

Шапулю пришла в голову мысль.

Он собрал всех мальчишек квартала и они начали играть в шары. Вскоре разгорелся спор, а за спором и драка.

В одну минуту Паради был сбит с ног, схвачен на руки

и брошен в бочонок с патокой. Из лавки выскочил Дюкатель с бичом в руке.

Но Паради начал кричать, как будто упал на раскаленное железо. На крик в окнах соседних домов появились головы кухарок. Дюкатель поднял руку.

— Караул! — завизжал Паради. — Дюкатель хочет убить сироту!

Оглушенный визгом и шумом, добряк Дюкатель выпустил из рук свое оружие.

Шапуль воспользовался этой минутой и помог Паради вылезти из бочонка. Мальчишки мигом разбежались.

К платью Паради пристало огромное количество патоки. Ее не могли поглотить за целый день.

Оставался другой бочонок.

Осторожный Дюкатель догадался накрыть его крышкой. Но однажды утром, когда перед лавкой остановилась повозка поставщика масла, Шапуль взял веревку и крепко привязал бочонок к оси.

Паради постарался испугать лошадь и жители квартала увидели нечто неопишемое.

Лошадь понеслась вдоль улицы Кювье, по набережной Сен-Бернар, площади Вальхюбер и Аустерлицкому мосту.

За ней прыгала бочка, из которой сыпался в грязь чернослив. Бочонок оказался разбитым в щепки.

Паради поглотил столько чернослива, что у Шапуля сделалось расстройство желудка. Весь квартал смеялся по этому случаю целую неделю.

Лавочник был поражен. Весь чернослив пропал! А его было на тридцать франков! Лавочник подал в суд.

Паради внезапно исчез. Шапуль же был арестован и брошен на сырую солому тюрьмы.

Перепуганная тетка Берлокен начала метаться туда и сюда. Она поставила свечу у св. Этьен-дю-Моне, сходила к секретарю полиции, в мэрию и к адвокату.

Все было бесполезно.

Госпожа Берлокен проливала горькие слезы. Не зная, что предпринять, она обратилась к господину Дюрану.

Таинственный господин Дюран повидался с Дюкателем,

прокурором и через два часа Шапуль был выпущен на свободу.

С этой минуты Шапуль и Паради поклялись друг другу, что, так или иначе, а они докажут свою благодарность господину Дюрану.

III

ГОСПОДИН ДЮРАН ПРИНИМАЕТ СТРАННЫХ ЖИЛЬЦОВ

Господин Дюран жил одиноко и ни с кем не виделся.

Он очень часто получал письма, покрытые множеством печатей и иностранных штемпелей.

— Эта переписка не христианская! — говорила госпожа Берлокен.

Однажды вечером в ее ложу явились два человека со странными голосами, в необычной одежде, с большими редкими бородами, черными огромными глазами и бронзовым цветом лиц.

На одном из них висел на веревке ящик, завернутый в шерстяную материю.

Незнакомцы заговорили на незнакомом языке и госпожа Берлокен поняла только, что они спрашивают господина Дюрана.

Шапуль счел своей обязанностью проводить их в третий этаж.

Он позвонил у дверей. Господин Дюран сам отворил ее. Он несколько не удивился появлению двух незнакомцев, но устремил проницательный взгляд на Шапуля.

Тот почтительно снял свой бумажный колпак и кубарем слетел с лестницы.

На другой день, к великому удивлению привратницы, господин Дюран нанял над своей комнатой обширную комнату и поместил в нее двух незнакомцев.

В комнату было внесено огромное количество дров и велено было починить камин.

С этой минуты господин Дюран стал реже посещать кафе Ласепед, к великому удивлению госпожи Берлокен. Все это произвело немало шума в доме.

Соседки стали чаще собираться к госпоже Берлокен и за чашкой кофе шли бесконечные толки о странных людях, поселившихся в доме.

— Вы бы подучили Шапуля разузнать все! — говорили кумушки.

Но Шапудь сам сгорал от любопытства и начал, купно с Паради, следить за незнакомцами.

Они узнали скоро, что одного из них зовут Бирруб и что другой редко выходит из своей комнаты, где постоянно поддерживает огонь в камине.

Бирруб же часто выходил из дома. Они стали следить за ним.

Незнакомец бродил по городу, останавливаясь иногда перед уличными фокусниками.

Он любил преимущественно бродить по набережным и смотреть, как таскают клади с пароходов.

Он подходил иногда к какой-нибудь бочке из больших, брал ее в руки и раскачивал в воздухе с самодовольным видом.

Увидя когда-либо, как шесть или семь человек носильщиков тащили на себе какую-либо тяжесть, он не мог выдержать, останавливал их, брал их ношу и нес ее, как щепку.

Дотащивши ее до места назначения, он шел далее, даже не оглянувшись.

— Это Геркулес! — говорил себе Паради.

Однако, господин Дюран скоро запретил Биррубу эти невинные забавы, которые обращали на него всеобщее внимание.

Тогда гамены перенесли свои наблюдения на другого чужестранца.

Однажды Шапудь надел туфли и осторожно подкрался к двери комнаты, занимаемой двумя странными людьми.

Он тихо нагнулся, опершись руками на колени, и приложил глаз к замочной скважине.

В камине с глухим треском горели дрова. Пламя их ярко освещало всю комнату.

Чужестранец стоял посредине комнаты и ел рис, только что приготовленный им самим.

Окончив свой обед, он взял в углу знаменитый ящик, обернутый шерстяной материей, уселся перед огнем и открыл его.

Потом, достав из кармана флейту, он начал наигрывать печальный, тихий мотив, пристально глядя в открытый ящик.

Мало-помалу ящик начал трястись, но ничего еще не было видно.

Человек продолжал свою странную музыку. Наконец из ящичка показалось нечто черное и длинное.

Шапуль едва удержался от крика изумления. То была змея.

Раздвухшаяся шея змеи была толще ее треугольной головы.

Шапуль вспомнил, что видел подобную змею в зоологическом саду. Та была только поменьше и считалась одной из опаснейших змей Индии.

Покачавшись немного, кобра-капелла вытянулась и обвилась вокруг шеи и плеч человека, который все продолжал играть на своей флейте.

Зрелище это было способно внушить ужас.

— Это колдун! — сказал себе Шапуль.

И он сбежал вниз со страхом в душе.

Никогда не видев очарователей змей, он никак не мог объяснить себе все виденное.

Шапуль не заикнулся об этом ни госпоже Берлокен, ни даже Паради! На вопросы тетки он отвечал:

— Это, должно быть, драматические артисты. Они, вероятно, скоро будут дебютировать в каком-либо театре. Нечего и говорить — они очень порядочные люди.

А сам думал про себя:

«Толстый Бирруб чертовски силен. Другого слушается

змея. Оба повинуются господину Дюрану. Вот так господин этот Дюран!»

IV

ДОМ ДОКТОРА САМА

В 1841 году Париж сохранял еще свой живописный вид.

В нем были кварталы, походившие на небольшие провинциальные городки. Жители их вели правильную, скромную жизнь. На улицах не раздавался шум экипажей, воздух не оглашался криками и бранью.

Эти тихие улицы находились по преимуществу около Люксембурга. Такова была улица Урсулинок — довольно широкая, хотя и похожая по своей величине скорее на переулок.

Она как будто составляла часть самого монастыря.

В промежутках между камнями мостовой росла трава, а по стенам домов лепился мох.

Почти на самой середине улицы находилась калитка зеленого цвета. Калитка эта вела в сад, а за садом находился небольшой дом.

Дом этот казался необитаемым. Ни шума, ни движения.

На улице также царствовала тишина. Прохожие в этой местности были очень редки.

Если позвонить в колокольчик калитки, то ее отворяла служанка — толстая, неопределенных лет женщина огромного роста и размеров.

Этой почтенной особе жилось не особенно весело. Госпожа Орели любила поговорить, а говорить было не с кем.

Дом этот часто посещался господином Дюраном, но последний никогда не говорил ни слова с экономкой. Бедная женщина ревностно посещала церковь и отводила душу редкими разговорами с факторами и поставщиками.

Чаще всего являлся мальчик из книжного магазина, приносивший книги и брошюры. Заинтересованный таинствен-

ностью дома, он часто пускался в беседы с экономкой.

Однажды, идя садом, он сказал Орели:

— А много читают ваши ученые.

— Ученые? Но, любезный, старший будет помоложе вас!

У другого же и пушка на верхней губе нет.

— Смешной народ, значит.

— Не смешной, а странный.

— И долго они живут здесь, эти философы?

— Я не знаю, философы ли они, но приехали они изда-
лека. Они купили этот дом полтора года тому назад. Они
ни с кем не знают и к ним ходит только немой старичок.
Они ходят гулять иногда в Люксембургский сад. Старший,
говорят, болен.

— Что же с ним такое?

— Не знаю. У него такой истощенный вид, что страшно
даже смотреть. Вдобавок у него, кажется, немножко повреж-
дена голова.

— А другой?

— Другой здоров. К тому же, он сам доктор.

— Как? Доктор и такой молодой?

— Да, милостивый государь. Все бывшие у нас доктора
даже удивлялись этому. Он, а не кто другой, вылечит наше-
го больного!

— Вам, должно быть, живется здесь недурно!

— Благодарю! Целый день возня. Впрочем, я не могу по-
жаловаться на господ. Они очень кротки и платят хорошо.
Я к ним уже привязалась.

— Я бы не мог ужиться с таким странными людьми!

Орели несколько обиделась.

— Чем же странные? И с какой стати вы позволяете се-
бе говорить это о людях, которые делают у вас такие зна-
чительные закупки!

Наконец мальчик удалился.

Орели проводила его насмешливой улыбкой и побежа-
ла за тряпкой, чтобы подтереть следы, оставленные его но-
гами на паркете.

— Нагрязнил еще, негодяй! — бормотала она с негодо-
ванием.

Потом она отправилась во второй этаж с книгами под мышкой. Подойдя к двери одной комнаты, она постучала.

Молодой голос приказал ей войти.

Экономка отворила двери и вошла в комнату.

Комната эта была довольно обширна. Старинная мебель и мольберт составляли все ее убранство. Молодые люди были заняты чтением.

Один из них лежал в кресле.

Он был очень бледен, губы его были бескровны, руки прозрачны и пробивавшаяся на голове седина говорила о преждевременном истощении.

Лицо было красиво, но большие, прозрачные глаза имели какое-то необыкновенное выражение.

Другой молодой человек сидел, облокотившись на стол, и ровным голосом читал книгу. Лицо его было ослепительной красоты.

Ему казалось не более двадцати лет. Желтоватый цвет лица и черные волосы указывали на иностранное происхождение.

Эти молодые люди составляли резкий контраст с выцветшей обстановкой комнаты.

— Что такое? — спросил грудным голосом младший, увидя остановившуюся на пороге экономку.

— Книги господину доктору Саму, — отвечала та, кладя книги на стол. — А это господину Рожеру Болье.

Она поклонилась и вышла с материнской улыбкой на устах.

V

ИЗ КОТОРОЙ ЧИТАТЕЛЬ УЗНАЕТ, КТО ТАКОЙ ДОКТОР САМ, И МНОГОЕ ДРУГОЕ

Оставшись наедине, молодые люди несколько времени молчали.

Затем лежавший привстал с своего кресла и, устремив на своего товарища нерешительный взгляд, сказал колеблющимся голосом:

— Сам... я был сумасшедшим, не правда ли?

— Какое нехорошее слово! Выбыли больны, очень больны, но теперь вы выздоравливаете. Только голова ваша все еще немного слаба.

— Да, я еще очень слаб... я потерял память... когда я хочу что-либо вспомнить... у меня поднимается невыносимая боль в голове.

— Я и не хочу позволять вам стараться вспоминать. К чему преследовать то, что ускользает от нас?

— Но я хотел бы рассказать вам эти странные, невероятные видения, которые посещали меня во время моей болезни... о, как некоторые из них были прекрасны... были и ужасные... я помню все это так смутно... и ничего не понимаю...

— Рожер, прошу вас, перестаньте себя изнурять. Когда настанет время, я сам помогу вам вспомнить. Теперь вы должны жить только в настоящем!

— О, — отвечал Рожер, тихо покачивая головой, — настоящее не ускользнет от меня. Я все хорошо понимаю. И даже думаю и наблюдаю...

— Что же вы наблюдаете?

— Вас.

— Меня? — с беспокойством переспросил Сам.

— Да, ваш разговор и цвет лица указывает, что вы иностранец.

— Это правда! — живо отвечал доктор, — я американец.

— С юга, не правда ли? у вас совершенно южный тип лица.

— Именно!

— К тому же, на это указывает ваше имя. Сам? Имя американское... доктор Сам... но... каким образом вы уже доктор? Вы еще почти ребенок!

Этот вопрос сильно смутил доктора и он в замешательстве отвечал:

— В нашей стране менее требовательны чем у вас. К то-

му же, я должен признаться, что я еще студент. Титулом доктора я обязан воображению Орели, которая воображает, что невозможно лечить больного, не обладая дипломом. Вы молчите, Рожер. Разве моя откровенность лишила меня вашего доверия?

— О нет, любезный доктор Сам! Если я и не понимаю чего-либо, то хорошо знаю, что обязан вам жизнью. Вы для меня олицетворение здоровья, надежды на счастье. Я уверен, что никогда не выздоровею, если вы покинете меня!

Он промолчал несколько минут, потом продолжал:

— Скажите мне, Сам, есть у вас сестра?

При этом вопросе Сам потерял почти всю свою самоуверенность.

Но он успел овладеть собой и отвечал, смеясь:

— Нет, Рожер, у меня нет сестры... Но почему этот странный вопрос?

— Я спросил это потому, — отвечал Рожер, как бы собираясь с мыслями, — что в моих видениях была женщина, очень похожая на вас. Другие я позабыл, но эту женщину — нет. Но, быть может, я ее видел когда-либо, потому что чувствую, что люблю ее.

— Вы любите ее? — повторил мнимо-равнодушно Сам.

— О, да!

— И говорили ей это?

— Нет.

— Почему!

— Почему?... ха! ха! ха!.. Вы не знаете... это был король... О Боже, как я страдаю!

— Рожер, — повелительно отвечал Сам, — я приказываю вам не думать. Это вредно вам. Забудьте все!

И Сам положил свою руку на лоб Рожера, который тотчас же успокоился.

Он растянулся в своем кресле и прошептал:

— Вы видите, Сам... Я был сумасшедшим...

— Займитесь чтением, Рожер, или вы опять заболаете.

— Читать скучно.

— Начните рисовать. Я принес вам новый оригинал: английскую акварель — внутренность кузницы. У вас талант,

нарисуйте мне ее. Хотите попробовать?

— Я согласен, — небрежно отвечал Рожер и, взяв кисть и краски, он принялся за дело. Сам продолжал чтение.

Рожер лихорадочно водил кистью по полотну. Через час работа была кончена.

Больной откинулся на спинку кресла и погрузился в тяжелый сон.

Сам тихо встал с места, чтобы поправить подушки, лежавшие под головой Рожера.

Он бросил взгляд на рисунок и остановился в беспокойном недоумении.

Рожер и не подумал срисовывать с оригинала. Он нарисовал самого себя лежащим в гамаке среди роскошной растительности Индии. Детская рука раздвинула ветви и чья-то голова с любопытством склонилась над ним.

То была прелестная головка Самы, которую Рожер впервые увидел на плантации Гайдерабада.

В эту минуту раздался звонок.

Сам тихо вышел из комнаты и направился в залу, служившую приемной.

Орели доложила о приходе господина Дюрана. То был, как мы уже сказали, единственный посетитель дома. Дюран был старый друг семьи Болье.

Он был когда-то богат и знаменит, будучи одним из лучших докторов Парижа.

К нему-то и обратился Жорж Болье с просьбой о приюте для вдовы и дочери генерала Сен-Пьера после его убийства и гибели дела освобождения Индии.

Дюран был тронут несчастьем Аниами и детской красотой ее дочери Евы.

Ребенок рос и Дюран все более и более влюблялся в нее. Он любил ее, как любят люди науки, не знавшие в жизни наслаждений.

Но Ева любила Жоржа Болье и Жорж сделал доктора поверенным своей тайны.

Дюран выказал себя героем.

Никто не имел возможности подозревать выдержанного им удара. Он скрыл свою любовь, которая еще более

разгоралась.

Когда Еве минуло пятнадцать лет, Жорж женился на ней.

У них родился сын Рожер и с этой минуты судьба начала жестоко преследовать их.

Аниама умерла с горя. Жорж Болье был убит в сражении при Линьи. Ева также почувствовала себя пораженной смертельной болезнью.

Дюран бросил все, и госпиталь, и практику, и проводил дни и ночи у изголовья Евы. Но смерть взяла свое.

Дюран уединился и зажил одиноко.

Он перенес всю свою любовь на Рожера. В это время сэру Морицу удалось узнать кое что о своей семье и он обратился с заявлением к доктору Дюрану.

Остальное известно.

С отъездом Рожера жизнь Дюрана стала невыносимо печальной. Он уже не надеялся увидеть своего любимца, как вдруг однажды получил записку, которая приглашала его явиться в один из отелей Лиона.

Дюран, ни минуты не колеблясь, отправился туда.

Он очутился лицом к лицу с молодым человеком, очевидно, иностранцем, но одетым по-европейски.

От пронизательного взгляда старика не ускользнуло переодевание и молодая королева индусов, побежденных до сражения, принуждена была сознаться во всем.

То была Сама.

Она долго говорила с Дюраном, откровенно рассказав ему все. Она призналась даже ему в своей любви к Рожеру.

— Я нашла в бумагах Рожера ваши письма и вы стали моей надеждой! Вылечите его во что бы то ни стало!

Дюран был поражен величием преданности этой женщины и просто отвечал:

— Рассчитывайте на меня. Отныне я принадлежу вам и Рожеру.

Рожер и Сама поселились в доме улицы Урсулинок. Рожер не выходил из своего состояния оцепенения.

То не была смерть, то не был также сон.

Дюран тщательно исследовал больного и понял, что дух

и тело одинаково поражены.

Нужно было сперва укрепить организм, а потом уже приступить к дальнейшему.

От Рожера было тщательно удалено все, что только могло напоминать ему Индию и оба индуса, сопровождавшие Саму, были помещены у Дюрана.

Доктор настаивал, чтобы Сама не жила вместе с Рожером. Он боялся, что это может скверно повлиять на Рожера, если тот вспомнит ее.

Но девушка оказала решительное сопротивление.

Сама заявила, что не оставит Рожера и Дюрану пришлось волей-неволей покориться.

Служанкой была нанята почтенная Орели.

Летаргия Рожера длилась уже целые месяцы. Он говорил бессвязные слова и почти не открывал глаза.

Сама деятельно изучала французский язык и медицину, ухаживая с материнской заботливостью за Рожером.

Рожер начал мало-помалу выходить из своего состояния.

Щеки его окрасились румянцем.

К нему вернулись силы, а вместе с ними и слабые проблески воспоминаний.

Это начинало немало беспокоить доктора Сама.

Картина, нарисованная Рожером, еще более усилила ее беспокойство.

— Рожер спит! — заявила она Дюрану. — Но я беспокоюсь. Он начинает вспоминать. А это смущает меня и я иногда не знаю, что отвечать ему. Сегодня он признался, что любил меня. Я чуть-чуть не изменила себе.

— Боже избави вас от этого! — воскликнул Дюран. — Вы должны оставаться для него доктором Самом. Любовь убьет его. Нужно развлекать его. Гуляйте с ним, возите его в оперу.

Сама молчала.

— Мужайтесь, дитя! — прибавил Дюран. — Ваша нежность непобедима. Рожер будет тем, кем был прежде!

— Что значит, что я королева, если я не могу доказать вам своей благодарности! — воскликнула Сама.

— Я старый эгоист, действую для себя и не желаю благодарности.

— Боги накажут вас, если вы говорите неправду.

— Я ведь сам люблю Рожера.

— О, я знаю это.

— И сам заинтересован в его излечении.

Дюран удалился.

Доктор Сам тихо вернулся в комнату больного.

Рожер все еще спал.

VI

ЧТО ГОВОРИЛОСЬ В КЛУБЕ «СПАРЖИ»

Клуб «Спаржи» был центром, куда собирались представители древнейших фамилий. Самые кровные, самые верные, самые непримиримые!

Эти потомки крестоносцев избрали себе величественный и укромный приют.

Внизу лестницы неподвижно стоял швейцар в зеленой ливрее, почтительно отворявший дверь каждой вошедшей знаменитости.

В передней, лакеи в серых ливреях и шелковых чулках, напудренные и почтительные, молчаливо снимали верхнее платье с приходящих.

Голубой салон предназначался для тех, которые читали французские и иностранные газеты. В белом, желтом и зеленом салонах играли в карты.

Разговоры же шли повсюду.

Но курить не позволялось нигде.

Вечер проходил в сожалениях о том, что прошло, в осуждении существующего и в опасении за будущее.

Все дулись на правительство.

Высшим бонтоном в клубе «Спаржи» считалось называть Луи Филиппа не иначе, как герцогом Орлеанским.

Здесь обсуждали, смеясь, самые важные вопросы и тол-

ковали шутя о самых пустячных вещах.

Вечером 7-го января достопамятного 1842 года, несколько зрелых джентльменов вели вокруг стола веселый разговор.

Обсуждался восточный вопрос.

Одни, запоздавшие подражатели маркиза Биевра, приятно осмеивали положение египетского паши, положение, которое они находили затруднительным.

Другие осыпали кисло-сладкими похвалами лорда Пальмерстона.

Недалеко от них, четыре старичка меланхолически переговаривались, играя партию в вист.

— Мы идем к гибели, — вздыхал граф Лорн.

— К катастрофе! — подхватил барон Лонгефаж.

— К пропасти! — подтвердил герцог Миревиль.

— К окончательному уничтожению! — простонал маркиз Марель.

— Я давно уже предчувствовал это! — бормотал герцог. — Мы совершенно забыли про этикет.

— Да позвольте! В 1813 году, бедный Бреван представлялся *Madame*. Уходя, он сделал два поклона вместо трех. Это признак!

— Признак серьезный, — заметил барон, — так как Бреван был настоящий дворянин.

— Я, — заметил маркиз Марель, — начал отчаиваться во Франции с той минуты, когда увидел, что принц Вадон оставил кружевные манжеты и явился ко двору в перчатках. Разве это возможно?

— Дело в том, — вмешался граф Лорн, — что перчатки приличны на охоте, во время прогулки, на лошади. Но в салоне они неприменимы, даже белые — непозволительны!

— Еще немножко, — заметил барон Лонгефаж, — и невозможно будет отличить дворянина от мясника.

— Кстати! — воскликнул граф Миревиль. — Я получил сегодня сведения о последнем бале в Тюльери от своего камердинера.

— К чему вы позволяете вашей прислуге якшаться с лакеями замка?

— Ни-ни, успокойтесь! Говоря «камердинер», я не совсем точен. Негодяй оставил меня в 1830 году, изрядно обокрав меня. Он сделался портным, капитаном национальной гвардии, черт знает чем: одним словом, теперь герцог Орлеанский приглашает его на свои вечера.

Раздались разом три восклицания:

— Какой скандал!

— Какие нравы!

— Бедная Франция!

— И что рассказывает про бал ваш бывший камердинер? — спросил граф Лорн.

— Он находит общество крайне смешанным. Он возмущен этим и не хочет более посещать его. Негодяй служил шесть лет у меня, у него есть вкус.

У камина тихо разговаривала группа молодых людей.

— Голубчик, — говорил один из них, — уверяю вас, что у нее черные глаза.

— Однако, она блондинка.

— Да, блондинка с черными глазами.

— И прелестная, очаровательная, божественная...

— Не так громко, ради Бога, вы оскандализуете играющих в вист...

— Но ведь она очаровательна, эта княгиня Валицкая!

— Она действительно княгиня?

— Это другое дело. Вчера я говорил со своим старым кузеном, маркизом Марель, который, как вам известно, ходячий Готский альманах. Он знает все известные фамилии Европы и уверяет меня, что ни в Польше, ни в России нет князей Валицких. Значит, и не существует и княгини Валицкой.

— Однако, граф Лорн, мой дядя, говорил мне, что во время эмиграции он встречал в Германии молдавана или валаха — князя Валицка.

— Что же это был за человек?

— Миллионер, оригинал, обладавший страстью к путешествиям... и к женщинам. Князь умер... в Индии, кажется, и не особенно давно.

— Значит, княгиня вдова?

— Вдова или нет, что за дело! Она восхитительнейшая из когда-либо виденных мною созданий!

— Какие глаза!

— Какая талия!

— Сколько грации!

— И какие экипажи, господа! Видали ли ее русских рысаков? А ее лакеи в зеленых кафтанах на лисьем меху!

— Говорят, что ее особняк на улице Марбеф настоящее восьмое чудо.

— Почему знать! никто из нас не мог проникнуть туда. Даже сам Гастон, объявивший себя ее рыцарем. Говорят, он до сумасшествия влюблен в нее.

— Как же, черт возьми!

— Как и мы все.

— Да, но он смелее нас.

— Смелость его не приведет ни к чему.

— Мы скоро узнаем это. Я держал пари с Гастоном — двести луи на его пони — что ему не удастся переступить через порог знаменитого особняка на улице Марбеф.

— Так вот почему мы так долго не видим Гастона! Он, видно, старается не проиграть своего пони. Когда же срок вашему пари?

— Через несколько дней. Да впрочем, нет. Сегодня тридцатое и срок именно сегодня, в полночь.

— Вы наверняка выиграли пони. Гастон не окажется счастливее нас и даже в случае удачи, он не решится компрометировать княжну.

— Мы узнаем все от Максима Дюпреля. Это его друг и они никогда не расстаются.

— Подождем полночи, господа. Если существует пари, Гастон непременно явится.

— Нам приходится ждать недолго. Часы уже бьют.

И действительно, часы пробили двенадцать.

Еще не успел раздаться последний удар, как на мраморной лестницы раздались шаги. Дверь салона отворилась.

Вошел Максим Дюпрель.

Он был одет в черное и шел медленно. Лицо его было чрезвычайно бледно.

Молодые люди поспешили к нему навстречу.

— Что же, — спросили они, — а Гастон?

— Гастон, господа... вы его более не увидите! — отвечал дрожащим голосом Максим. — Я искал его два дня... он не возвращался домой... Я обыскал весь Париж... и все напрасно! Я взял с собой полицию — мы пошли по городу... Наконец, сегодня вечером, я нашел его в самой уединенной аллее Булонского леса.

— Убитым? — разом спросили молодые люди.

— Я не знаю! На нем нашли все — и деньги и драгоценности. На теле нет признаков насилия. Только на шее, над левым ухом, виден почти незаметный след укушения.

Молодые люди задали еще несколько вопросов, но Максим закрыл лицо платком и не отвечал.

Скоро все разошлись.

VII

ТОЛКИ В КАФЕ ЛАСЕПЕД

За несколько часов до только что описанной нами сцены, на другом конце Парижа, посетители кафе Ласепед мирно смаковали свои чашки кофе.

Каждый читал свою любимую газету.

Господин Дусе пробегал *Конституцунель*, господин Роншоно — *Siècle*, господин Пиншар — *National*, листы *Debats* скрывали лицо господина Дюрана.

Внезапно господин Дусе, Пиншар и Роншоно положили газеты на стол. Это движение было совершено столь единодушно, что госпожа Гудар вздрогнула.

— Еще исчез молодой человек! — воскликнул господин Роншоно.

— Именно об этом я хотел сообщить вам, — отвечал глухим голосом господин Дусе.

— Это уже третий в этом месяце! — заметил господин Пиншар.

— Третий в этом месяце! — повторила побледневшая госпожа Гудар.

— Да, сударыня, — с горечью ответил Роншоно. — Такова безопасность, которой мы пользуемся при вашем правительстве. Вы хороший гражданин, патриот, вы защищаете интересы вашего отечества, вы выходите из дома, и вдруг... трах, вас похищают! И кончено, вы исчезли и о вас ничего не известно. Где же уважение к праву человека? Где оно, скажите! Все это дело духовенства!

— Я не стану более выходить по вечерам! — прошептал Дусе.

— О, вы, папа Дусе, вы можете быть спокойны! — с насмешливой сострадательностью заметил господин Роншоно.

— Почему же это, позвольте спросить?

— Разве вы не обратили внимания, что все, которые исчезают — богаты, молоды и красивы.

— Мне кажется, — отвечал несколько обиженный Дусе, — что у меня есть недостаток и что моя наружность...

— О да, папа Дусе, — продолжал неумолимый Роншоно, — я охотно верю, что вы были молоды в свое время и недурны... также в свое время! Теперь же вы весите слишком много и вас нелегко похитить. Хе! хе! хе!

— Это я понимаю! — поспешил покончить щекотливый разговор господин Дусе. — Я хотел сказать только, что эти исчезновения наводят страх на жителей.

— Да, эти исчезновения наводят страх на жителей! — повторила буфетчица, желавшая угодить всем своим клиентам. — Господин Дусе столь же прав, сколько и господин Роншоно.

В разговор вмешался господин Пиншар.

— Что вы верите всем этим глупостям! Это просто правительство отводит глаза от своей политики. Я ни на грош не верю этим газетам.

— Однако, *Constitutionnel*... — рискнул господин Дусе.

— *Siècle*... — возразил Роншоно.

— Это, вероятно, напечатано и в *Debats*?

II Пиншар любезно обратился к Дюрану:

— Виноват, господин Дюран, в вашей газете также упо-

минается о деле?

Дюран сделал утвердительный жест головой.

— Ведь я говорил же это! — продолжал Пиншар. — Газеты все одни и те же. Я знаю, как их составляют. Мне объяснил это один литератор. Я могу сообщить вам этот секрет...

Слушатели насторожили уши.

Госпожа Гудар также сгорала от любопытства и не сводила своих круглых глаз с Пиншара.

Тот продолжал:

— Ежедневные газеты разделены на две половины. Политическая часть их независима. Что же касается заметок, известий, случаев и новостей, то все это оплачивается посточно газетными лицами или правительством. Последнее может поместить известие о небывалом бунте за ту же цену, за какую Ларош-Монсель помещает свои объявления о винах.

— Вы заговорили о Ларош-Монселе, — начал Дусе. — А знаете ли вы, что его сын также исчез? Вот уже две недели, как его не видно...

Дусе остановился и перевел дух.

— Что же это доказывает? — спросил господин Пиншар.

— Это доказывает, что газеты не врут.

— Ха! ха! ха!

— Конечно, так!

— И вы думаете, что Ларош-Монсель улетучился, как дым?

— Да, сударь!

— Ха, ха, ха! папа Дусе! ха, ха, ха! Если б тут не было дамы, я сказал бы вам, что с ним сделалось! Я знаю это по опыту. Эти богатые молодые люди любят повеселиться. Они пропадают по целым месяцам, если встретят девочку по своему вкусу в Прадо. Впрочем, довольно! Госпожа Гудар, ваш кофе прелестен!..

Госпожа Гудар покраснела. Господин Пиншар любил иногда сболтнуть.

Наступило молчание.

Внезапно входная дверь быстро растворилась.

В кафе влетел винный куртье с криком:

— Гарсон! рома, горячей воды, сахара и лимон! Мое почтение, госпожа Гудар! Здравствуйте, господа! Я приготовлю себе грог! Я еще не обедал сегодня!

Изготовив себе грог и отхлебнув изрядный глоток из стакана, куртье произнес следующие слова:

— Я нашел сына Ларош-Монселя!

Эффект, произведенный этими словами, был просто неопиcуем.

Госпожа Гудар привскочила с места, господин Дюран положил свою газету, гарсон уронил поднос.

— О, Боже мой, да, продолжал куртье, — мне нужно было зайти в город за заказами и я возвращался домой, не спеша. Было около трех часов. Я шел Новым Рынком и прежде, нежели поворотить на мост, вздумал зайти развлечься в маленькое здание на углу, вы знаете!...

— В морг! — отвечал Дусе.

— Именно! Я вхожу и вижу за стеклом на доске... кого бы вы думали? Господина Адриена Монселя! Вы не поверите, как это поразило меня! Имея три года дела с его отцом, я узнал его с первого взгляда. Меня пригласили для дачи заявления. Я увидел его вблизи. Он был бледен, как полотно. Даже это удивило меня. Обыкновенно, утопленники имеют багровый цвет лица.

— Значит, сын Ларош-Монселя утонул! — сказал Пиншар.

— Конечно, его нашли в Сене.

— И это, по-вашему, — спросил Роншоно, — случайность или?..

— Вероятно, случайность. Господин Ларош-Монсель имел все данные, чтобы дорожить жизнью: двадцать три года, красив, богат. Он, вероятно, упал в воду.

— Или его бросили, — возразил Дусе. — В Париже много злодеев....

— Ба! на нем все цело! Часы найдены при нем, деньги также. На теле нет знаков насилия. Ах, впрочем, была маленькая царапина на шее, над левым ухом. Это, вероятно, оцарапал его веслом лодочник.

Не успел куртье кончить своего рассказа, как господин Дюран положил газету, взял шляпу и зонт и поспешно вы-

шел.

После его ухода посетители кафе продолжали обсуждать это странное приключение.

VIII

ДЮРАН ИЗУЧАЕТ РАЗЛИЧНЫЕ ПОРОДЫ ВАМПИРОВ

Господин Дюран взвешивал все прочитанное и слышанное в кафе.

Все это произвело на него тем большее впечатление, что он уже знал об исчезновении Гастона.

Последнее сообщил ему доктор Моньо, домашний врач семьи молодого человека.

Доктор Моньо был когда-то его учеником и сохранил знакомство с ним, изредка навещая своего учителя.

Господин Дюран отправился к нему.

Доктор собирался именно отправиться в особняк, где жила семья Гастона.

Родители молодого человека пожелали набальзамировать тело несчастного.

Господин Дюран попросил своего собрата взять его к себе в помощники.

Ничего не могло быть легче.

Доктор Моньо хотел и без того взять себе помощника, так что тотчас же согласился на просьбу своего прежнего учителя.

Господин Дюран мог свободно осмотреть в комнате, где лежал покойник, его тело и легкую рану на шее.

Он удалился, не сообщив никому результатов своих наблюдений.

На другой день, рано утром, он отправился в морг и получил доступ в комнату, где находились еще останки молодого Ларош-Монсея.

Он с ужасом убедился, что маленькая царапина, о которой говорил куртье, имела весьма странное свойство.

Эта почти незаметная ранка точь-в-точь походила на ранку Гастона и на рубец над левым ухом Рожера.

Господин Дюран вернулся домой.

Он провел целый день, перелистывая книги и делая из них выписки.

Наступил вечер. Он отправился на улицу Урсулинок, тихо позвонил у калитки, молча прошел сад и вошел в дом.

Рожер уже спал.

Сама вышла в залу. Она казалась озабоченной.

Однако здоровье больного было как нельзя лучше. Он ежедневно гулял и два раза был в театре, что оказало на него благотворное влияние.

Нравственная сторона его была еще поражена, физическая же — почти совершенно поправилась.

Господин Дюран начал спрашивать:

— Рожер никогда не обращал внимания, во время прогулки, на какую-либо женщину? Или не обращала ли внимания на него какая-нибудь женщина?

Черные брови Самы нахмурились.

— Во время прогулки, — отвечала она, — все женщины смотрят на Рожера.

— И ни одна из встречавшихся с вами женщин не обратила на себя вашего внимания?

— Ни одна! — презрительно сжав губы, отвечала Сама.

Господин Дюран встал и в волнении прошелся по комнате. Он подошел к Саме и, взяв ее за руку, сказал решительным тоном:

— Сударыня, нам угрожает опасность.

— Я верю! — отвечала, нисколько не удивившись, Сама.

— Почему вы это знаете?

— Я и сама не знаю. Я чувствую это, а предчувствия никогда, никогда не обманывают меня.

— В таком случае, они скоро осуществятся. Но почему же вы никогда не говорили мне об этом?

— Я не смела. Что могла сказать я вам определенного? Ничего! А мои предположения и предчувствия... как я ду-

мала — не имеют никакой цены в глазах ученого. Вы верующий?

— Это было бы слишком.

— Значит, вы не верите? — печально переспросила Сама.

— Это было бы неточно, — возразил Дюран. — Прежде, когда я был молод и здоров, я верил во все, верил в дружбу, в любовь женщины и даже в медицину.

Это было безумием.

Позднее, изучая человека, я искал его душу со скальпелем в руке. Конечно, я не нашел ее. Тогда я начал очищать все так же искренне, как раньше верил.

Это было глупо.

В настоящее время, я верю в существование чего-то невидимого и неосязаемого. Это сделало меня осторожным. Теперь я ничего не отрицаю, ничего не утверждаю и говорю с доктором Кордо: все возможно.

— Вы сомневаетесь?

— Нет, я не скептик. Видя вас, я верю в любовь и преданность. Я готов проверить кажущееся сверхъестественным. Если же это невозможно: *expecto* — я жду.

— Но вы допускаете сверхъестественное?

— Нет! Законы природы неизменны. Сверхъестественное является только как результат нашего незнания!

— Скажите откровенно, — с усилием проговорила Сама, — допускаете ли вы возможность существования... вампиров?

— Со времени вашего возвращения из Индии, я серьезно изучал этот вопрос. Я перечитал все, что о нем было писано и даже делал наблюдения.

— Значит, вампиры существуют и в Париже! — с ужасом воскликнула Сама.

— Почти, — уклончиво отвечал Дюран, чтобы дать возможность Саме оправиться. Во-первых, существует банкир Якобсен, состояние которого составлено из разорений. Каждый его червонец запачкан кровью. Но Якобсен высасывает только золото. Не будем говорить о нем.

Сама была поглощена какой-то мыслью и почти не слушала Дюрана.

— Существует еще госпожа Гики, — продолжал старик.

При имени женщины, Сама вздрогнула и стала слушать внимательнее.

— Госпожа Гики убила сына банкира Якобсена. Теперь она принялась за отца. Оба чудовища ведут замечательную борьбу. Мужчина упрямится, но женщина приняла ласкающий вид и, наверное, окажется сильнее. Госпожа Гики также вампир, но не кусается. Я оставил ее без внимания.

Сама снова погрузилась в размышления.

— Наконец, существует княжна Валицкая. Эта... эта наверняка кусается.

Сама выпрямилась.

— Она вампир, не так ли? — спросила она с трепетом.

Дюран сделал утвердительный знак головой.

Когда Сама несколько успокоилась, он прибавил:

— Вполне ли вы уверены, что Вали погибла?

— Мои приказания были исполнены самым верным из моих рабов, — сурово отвечала Сама, — а Сепра не возвращает тех, которые попали в ее волны. Но к чему этот вопрос?

— Вы сейчас узнаете.

С этими словами доктор Дюран вынул из кармана небольшую книжечку.

Книжка была напечатана на толстой бумаге, красивыми буквами и была, очевидно, очень стара.

— Эта книга, — сказал Дюран, — чрезвычайно любопытна и редка. Это перевод сочинений арабского медика Эбнесера, изданный в Амстердаме в 1680 году. Прочтите вот тут, страницу 72.

«Эти вампиры, — прочла Сама, — питаются людскою кровью.

Кровь эта всегда принадлежит молодым и красивым лицам противоположного пола.

Их нельзя убить ни повешением, ни мечом, ни из самострела.

Кровь их сохраняет свою жизненность и быстро залечивает вред, приносимый этими орудиями.

Им нужно отрубить голову, или пробить сквозь грудь

кол, или испортить кровь каким-нибудь ядом.

Нужно еще заметить, что не всякий яд на них действует.

Вампиры узнаются обыкновенно по их губам, которые чрезвычайно ярко-красного цвета.

Также и по зубам, которые очень мелкие, белы и чрезвычайно остры.

У них особенно замечательны два передних зуба, которые несколько выдаются вперед.

Вампиры в особенности же узнаются по глазам, которые всегда черного цвета.

Глаза их быстры, проницательны и имеют свойство очаровывать.

Они с чрезвычайной чуткостью отыскивают добычу, которая однажды ускользнула от них.

Они похожи в этом на охотничьих собак, которые находят нужное по следам.

Мы можем привести пример этому,

Одна молодая особа, очень красивая собой, по имени Фатъма, была укушена в Багдаде арабом, который был вампир.

Отец Фатъмы увидел это и пронзил араба своим кинжалом.

Араб казался убитым.

Отец девушки тотчас же покинул город из боязни, чтобы слух о происшествии не повредил его дочери.

Они пропутешествовали два года и наконец остановились в Америке.

Но вампир нашел и тут молодую девушку.

Он переоделся испанцем и успел завлечь Фатъму к себе.

Там он укусил ее вторично и на этот раз до смерти».

В то время, как Сама читала, Дюран погрузился в глубокое размышление.

Он делал всевозможные предположения и нарочно останавливался на самых ужасных.

Опыт научил его видеть в жизни больше дурного, чем хорошего.

А что, если Вали жива?

Что, если арабский медик Абнесер-Эддин, составляя свой странный трактат, говорил правду?

Что, если люди-вампиры действительно умеют находить вырванные у них жертвы?

Что, если вампир появится снова?

Но когда? В какой форме?

Что, если баядерка Вали и княгиня Валицкая — одно и то же лицо?

Погруженный в эти невеселые размышления, Дюран походил на охотника, идущего ночью лесом.

Откуда ждать нападения врага? Сойдет ли он с дерева или выйдет из под земли?

И он поспешает к просеке, освещенной луной. Им овладевает страх и желание скрыться куда-нибудь.

Внезапно Дюран ударил себя по лбу.

Он вышел из леса, он нашел себе убежище.

— Сударыня, — сказал он Саме, — мы не должны особенно беспокоиться. Не нужно преувеличивать опасности. Мне кажется, что, ускоряя события, можно управлять ими.

Сама хотела было попросить объяснения этих слов, но господин Дюран круто повернул разговор в другую сторону.

— Через несколько дней, — сказал он, — мы отправимся на первое представление в театр. Рашель будет играть в «Сиде» роль Шимены. Посмотрим, какое действие произведет это на Рожера. Я пришлю вам ложу. Вы хорошенько должны будете наблюдать за Рожером. Согласны? До свидания.

И Дюран ушел, не дожидаясь ответа.

IX

ПЕРВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕАТРЕ В 1842 ГОДУ

19 января 1842 года во Французском театре давали *Сиды*.

Мадемуазель Рашель, игравшая уже четыре года, успела создать одиннадцать ролей, в числе которых были: роль Камиллы, Гермiony и Есфири.

Ее дебюты начались при почти пустой театральной зале. Теперь же, эта самая зала давала шесть тысяч сбора — сумма громадная для того времени.

Знаменитая артистка пользовалась в эту минуту громкой славой и каждое ее появление на подмостках было событием.

На представление *Сида* собрался весь Париж. Представители политики, финансов, искусства, литературы, театра — все толпились в здании театра.

Литература сосредоточилась у оркестра и видимо распалась на две партии.

Из классиков наиболее заметны:

Старик Мун из Французской академии, автор «Велизария» и «Силлы».

За ним баснописец Ивенс, служивший мишенью «молодежи».

Классики аплодировали Рашель, потому что она играла в трагедии. Но они помнили и предпочитали трогательную Дюшенуа, так хорошо умевшую плакать.

На театральной почве, разделявшей оба лагеря, были заметны:

Превознесенный до небес Скриб, избалованный общественным мнением и уже миллионер.

Спокойный и насмешливый Жюль Жанен, испускавший остроты, чтобы облегчить свой переполненный ум. Довольный самим собой, он снисходительно относился к другим.

На скамьях романтизма первое место занимал Теофиль Готье, гордо потрясавший своей львиной гривой.

Он и тогда уже славился как скульптор стиля. Но на нем не было красного жилета, блиставшего во время битвы за «Эрнани».

Рядом с ним виднелся продолговатый, изящный профиль певца *Роллы*.

Дальше — широкие жесты, курчавая голова, откровен-

ная улыбка знаменитого рассказчика Александра Дюма.

И классики и буржуа единодушно осуждали его великодушно-беспорядочную жизнь, но все невольно поддавались очарованию его ума и веселости. Все читали его романы и аплодировали его драмам.

Вещь редкая — Дюма оставил после себя сына.

За ним виднелся могучий профиль Бальзака, уже успевшего примириться с неудачей, постигшей на подмостках его *Вотрена*.

Он верил уже в свою звезду, так как держал в руках все нити своей колоссальной «Человеческой комедии».

Около литераторов группировались живописцы, также разделившиеся на партии.

В то время еще не было и речи о реалистах и импрессионистах, но были сторонники колорита и световых эффектов.

На представлении присутствовали главы обеих партий.

Один — величественный и спокойный, как Гомер.

Другой — нервный и задумчивый, как шекспировский Гамлет.

За шумной толпой живописцев виднелась сравнительно более спокойная группа музыкантов.

То были:

Адольф Адам, несомненный талант, остроумный и веселый собеседник. Прежде всего бросались в глаза его черная борода и очки. Он явился, чтобы заставить себя полюбить трагедию.

Гектор Берлиоз, непризнанный гений и желчная натура, с орлиным профилем и волосами, похожими на лес, над которым пронеслась бури.

Дальше теснились рисовальщики.

Остроумный Гранвиль, элегантный, глубокий Гаварни — портретист *enfants terribles* и состарившихся лореток.

Писатель, рисовальщик и актер Анри Моннье и многие другие.

В ложах напротив сцены сияли красотой: красавица графиня Л., до безумия любимая принцем крови, и госпожа Г., называемая десятой музой.

Муж последней обладал ничтожным литературным талантом, но составил себе состояние во сто тысяч ливров годового дохода.

Рядом блестели две звезды хореграфического искусства: сестры Тереза и Фанни Э., из которых одна вышла замуж за короля.

Певица К., бывшая королевой Кипрской в опере и сделавшаяся последовательно графиней, герцогиней и принцессой.

Полусвет так же имел своих представительниц в лице мадемуазель Н. из театра Гимназии и госпожи О. из Варьете.

На краю балкона сидела личность, долго занимавшая собой публику театров и прозванная «персиянином».

В высокой шапке, с длинной бородой и большими черными глазами, он привлекал немало лорнеток.

За несколько минут до поднятия занавеса отворилась ложа бенуара и ее заняли два молодых человека.

Их изящество и красота тотчас же обратили на себя внимание многих женщин.

Господин Дюран занимал место в партере и не покидал глазами ложу бельэтажа, которая была еще пуста.

Величественная и вместе естественная поза великой актрисы, ее благородная осанка и гармонический, глубокий голос не привлекали внимания старика.

Господин Дюран приехал в театр не ради удовольствия, а ради эксперимента, весьма для него важного.

Он сразу понял, что Рожер и княгиня Валицкая должны были встретиться когда-либо.

Он хорошо понимал также, что было бы гораздо лучше, еслиб эта встреча произошла в его присутствии.

Он имел бы тогда возможность взвесить все шансы опасности и принять нужные предосторожности.

Быть может, ему удастся даже руководить событиями, пока Рожер находится еще в состоянии апатии.

Господин Дюран предположил, что княгиня, вероятно, будет присутствовать на первом представлении.

Он навел все нужные справки и узнал даже, какую ложу оставила за собой княгиня и устроил так, что ложа Рожера

находилась как раз напротив.

Однако, время шло, а ложа все еще оставалась незанятой.

Доктор начинал беспокоиться. Неужели что-либо могло задержать княгиню? Неужели она переменила свое намерение и не приедет в театр?

Началось уже, среди рукоплесканий, четвертое действие.

Родриг начинает рассказывать о сражении, данном им маврам, о войнах, которых ему удалось вовлечь в битву, о страхе, обуявшем врагов, об их безумном бегстве и криках ужаса, доходивших до небес.

Эти воинственные образы произвели сильное впечатление на ум Рожера.

Он наклонился к сцене... все тело его трепещет... Он с силой сжимает руку Самы... Эти битвы... эти победы... мечты принимают образ действительности... приподнимается завеса, скрывавшая от него прошедшее.... взгляд его оживляется.. Его решительное, самоуверенное лицо ясно показывает, что он сделался прежним Рожером.

Сама радуется этому превращению. Она сравнивает в своем воображении Рожера с Сидом.

Они видят вместе ослепительное небо Индии. Они снова берутся за начатое дело. Они оба царствуют над свободным народом.

Но раздается стук двери и шелест платья. Все зрители приподнимают головы.

В ложу авансцены вошла женщина и кокетливо уселась у барьера, зная, что обратила на себя всеобщее внимание.

Она села и грациозным движением спустила с плеч свою атласную, на горностае, накидку.

Талия и грудь ее были очаровательны. Черное бархатное платье застегивалось пуговицами из опалов.

Незнакомка поправила крохотной ручкой свои золотистые белокурые волосы под белой, шелковой шляпкой.

На руке ее блеснули в это время браслеты с алмазами и бриллиантами чудовищной величины.

Но более всего поражала в этой женщине ее причудливая красота.

У нее был матовый цвет лица, яркие черные глаза, составлявшие странный контраст с цветом ее волос.

Ее маленький рот с полными, хорошо очерченными губами поражал своим ярким пунцовым цветом.

Появление этой незнакомки произвело всеобщее впечатление.

Все головы склонились в ее сторону. Тысячи лорнеток направились на нее. По зале пробежал сдержанный шепот восторга.

Но ничто не могло сравниться с тем впечатлением, которое произвело ее появление на Рожера.

Он первым увидел и угадал ее. Ослепленный и очарованный этой женщиной, он не сводил с нее страстного взгляда.

Его еще неокрепший ум совершенно позабыл впечатления предыдущей минуты. Войнственные видения, мечты о славе — все исчезло. Его огненный, неподвижный взгляд сделался почти безумным.

Напрасно Сам старался привести его в менее возбужденное состояние.

— О Сам, — повторял он в каком то экстазе, — как прекрасна эта женщина!

Сам отворачивал голову, чтобы скрыть выражение горести, отражавшееся на его лице.

В эту минуту княгиня увидела Рожера. Она откинулась назад движением, полным удивления.

На прекрасном лице ее промелькнуло выражение желания и ненависти.

Но это длилось не более секунды.

Черты лица женщины с опалами снова приняли выражение спокойной красоты.

Она обернулась назад и сказала несколько слов женщине, которую, судя по ее простому туалету, можно было счесть за субретку.

Та тотчас же вышла из ложи и вернулась только через несколько минут.

Все это произошло чрезвычайно быстро, но ни малейшая подробность не ускользнула от доктора Дюрана.

Он вышел во время антракта и стал прохаживаться по коридору, в который выходила ложа Рожера и Самы.

Какой-то человек с желтым лицом, в зеленой ливрее, пристально смотрел на ее дверь.

«Я ожидал этого! — подумал господин Дюран. — Она распорядилась через камеристку. Этому лакею приказано следить за Рожером и узнать, где он живет».

Представление кончилось.

Зрители начали медленно выходить из залы.

Они надевали шубы и уходили в выходную дверь.

Все лестницы были запружены народом, любовавшимся на хорошеньких женщин.

Несмотря на настояния Сама, Рожер во что бы то ни стало хотел дожидаться выхода незнакомки, очаровавшей его своей красотой.

Наконец, она появилась и грациозно двигалась вперед, ни на кого не обращая внимания.

— Какие глаза! — говорили мужчины.

— Какие бриллианты! — восклицали женщины.

— Это княгиня Валицкая. Ее опалы стоят миллионов.

Проходя мимо Рожера, княгиня окинула его быстрым взглядом.

В ярких глазах ее блеснула жестокость.

Она перенесла свой взгляд на Сама и лицо ее приняло странное выражение.

Жесткие глаза приняли выражение бесконечной доброты и кротости.

Она остановилась на минуту в непонятном волнении.

Потом, сделав над собой усилие, она направилась к выходу и села в карету, сопровождаемая своей горничной.

Воронье лошади помчались стрелой.

НОЧЬ КНЯГИНИ ВАЛИЦКОЙ

Рожер всю дорогу не переставал громко восторгаться красотой княгини.

Между тем, княгиня была уже дома.

Горничная ее, Алина, с подобострастной улыбкой суетилась вокруг своей госпожи.

Прекрасная незнакомка лениво отвечала на вопросы своей горничной.

Она устало поднялась и отправилась в свою спальню.

Спальня эта была до крайности роскошна. Даже невозмутимая горничная Алина и та испустила крик удивления, в первый раз войдя в нее.

Она имела овальную форму и стены ее были сплошь обиты дорогой инкрустацией.

Вызолоченный потолок поддерживался колоннами из слоновой кости.

Кругом стен стояли серебряные ящики, в которых росли пальмы.

С потолка спускались лампы в матовых шарах, фантастически освещая зелень комнаты.

На одном конце комнаты стоял широкий, низкий диван с шелковыми подушками. Над ним высились четыре пальмы.

То было ложе княгини.

Занавесями служила газовая ткань, протянутая между ветвями деревьев.

От времени до времени, в зелени раздавались легкие крики и над головой проносилось нечто весьма яркое.

То перелетала стая бенгали или птиц-мух.

Напротив дивана стоял громадный туалетный стол, поддерживаемый четырьмя серебряными слонами, поднятые хоботы которых выпускали тонкую струю духов.

Среди прочих вещей, разбросанных на столе, особенно видное место занимает кинжал с рукояткой, украшенной

рубинами и бриллиантами.

Дамасский клинок его имеет змееобразную, извилистую форму и снабжен продольными углублениями, наполненными каким-то зеленым веществом.

Это оружие, пропитанное смертельным ядом, вложено в ножны из черного бархата.

Княгиня небрежно бросила на стол свои браслеты, перчатки и веер и обвела комнату скучающим взглядом.

Алина приступила к ее раздеванию.

Княгиня, зевая, вынула из косы роскошный гребень. Золотистые волосы почти совсем покрыли ее своей тяжелой массой.

Потом, завернувшись в широкую газовую тунику, она небрежно развалилась на своем восточном ложе.

— Прочти полученные сегодня письма! — приказала камеристке.

— Сегодня их очень много!

— Я хочу знать только подписи. Письма все одинаково скучны.

Княгиня протянула свои маленькие ножки и подложила руки под голову.

Алина села на ковер и принялась разрывать конверты.

Она пробежала их содержание и сообщала своей госпоже только выдающееся. Затем читала подпись.

— Барон Гартман. Банкир, толст и скуп. Не понимаю, как смеют они надоедать вам.

— Князь Донато Донати. Все эти итальянцы князья, и владения многих уместились бы в этой комнате. Посмотрим дальше!

— Граф Лорн. Стар, богат и урод.

Княгиня скорчила мину.

— А вот это лучше. Давид Фразер. Молод, красив и миллионер. Он постоянно бывает в опере.

— Знаю! — рассеянно отвечала княгиня.

Чтение продолжалось.

Резкий голос Алины продолжал перечислять имена.

Княгиня не прерывала ее и даже не делала вид, что слушает.

Взгляд ее был устремлен куда-то вдаль.

По временам губы ее кривила суровая усмешка и брови мрачно нахмуривались.

У нее был злой и печальный вид. О ком же она думала, на что сердилась эта красавица?

Перед ее глазами отчетливо проходили ужасные картины.

Она вспоминала далекий, очень далекий край.

Пустынная местность. Зловещая тишина, прерываемая тяжелыми шагами слона.... Мрачное журчание Сепры... Пронзительный крик и.... ужасающая тишина!

Но вот, через несколько секунд, на поверхности воды замечается волнение.

Показывается голова женщины.

Она вглядывается в мрак безлунной ночи и с тоской ищет глазами берег.

Достигнет ли она его?

Она плывет... вода журчит и пенится вокруг ее усталого тела.

В волосах ее оказался кинжал с бриллиантами и изумрудами. Этим-то кинжалом она и прорезала мешок.

Но достигнет ли она берега?

Ее руки слабеют... сердце бьется усиленно... в глазах темнеет... Кончено, — смерть!

Она закрывает глаза и отдается течению.

По реке скользит лодка.

Распевавшие гребцы вдруг умолкают и быстро приближаются к месту, указанному сидевшим в лодке чужестранцем.

Один из них бросается в воду и вытаскивает бесчувственную женщину.

Чужестранец — богатый путешественник, валахский князь.

Он вздумал прокатиться вечером по меланхолическим водам Сепры и заметил утопавшую.

Он не знал... и приказал спасти ее!

Но вот картина изменяется.

Князь живет с девушкой в роскошном европейском двор-

це.

Он у ее ног и тщетно умоляет отдаться ему.

Он влюблен в нее до безумия.

Он спас ей жизнь, она должна принадлежать ему!

Однажды вечером, она подарила его улыбкой. Она кивнула своей очаровательной головкой, и он, обезумев от счастья, бросился в ее спальню...

Наутро молодая индуска хлопнула в ладоши и на этот зов явились два индуса.

Она безмолвным жестом указала им на неподвижного князя, бледного, бескровного...

Они поняли...

Они взяли его на руки и вынесли. Никогда, никогда, никто не узнает, что случилось с ним!..

Вали стала богата.

Она взяла золото и кровь своего благодетеля. Она будет брать еще и еще...

Бесстыдная жрица Дурги начала поражать мир своим богатством и красотой.

Ее окружает толпа мужчин, на нее молятся, но она никого не удостаивает своей улыбкой.

Во-первых — прочь старики!

Ей нужно молодых — богатых, красивых.

Женщина алчет золота, вампир — крови.

Вали ждет и дождется!

В эту минуту, Вали как бы считает свои жертвы. Зверская улыбка появилась на ее лице.

Внезапно она начинает метаться на своем ложе.

Она обращается к Алине и кладет ей на плечо свою руку.

— Ступай! — говорит она резко. — Брось это письмо. Никого не принимать из этих глупцов!

Удивленная Алина молча повинуется.

Что случилось с ее госпожой? Почему она так мрачна сегодня вечером?

Почему?

Потому что она сегодня видела одну из своих жертв. Увидела живой.

В красавице-баядерке неудержимо проснулся инстинкт вампира.

Чудовище алчет покончить...

Нужно назвать Рожера сюда... она не будет иметь покоя, пока будет знать его живым.

К тому же, в ней проснулась ненависть к нему.

Она не забыла, что Рожера спасла женщина, что эта женщина победила ее.

Она не забыла еще холодных волн Сепры!

Он причиной этому и он еще жив!

В ней вдруг стало подниматься с глубины души иное чувство.

Рядом с Рожером она видела другого, более молодого и красивого...

Или она алчет новой жертвы?

Иди она ищет средства устроить и ему ловушку?

Нет. Вали думает не об этом.

Вид этого молодого человека не пробудил в ней инстинктов хищника.

Ее влечет к нему не его красота и богатая кровь...

Ее влечет к нему могущество и красота его глаз, энергическое величие его чела, царственная гордость его улыбки.

Он посмотрел на нее — без смущения, без страсти, без желаний.

Никто еще не смотрел на нее с таким равнодушием.

Она — привыкшая к лести и поклонению, перед которой склонялись все головы, все самолюбия, все имена, — она удивлена и страдает.

В ней проснулось не самолюбие, в ней проснулась женщина.

Чем больше она припоминает черты его лица, тем большее отвращение чувствует к самой себе.

Она в отчаянии спускается со своего ложа на ковер.

Она с ужасом валяется по мягкой ткани, умоляя богов избавить ее от алчности вампира.

— Дурга, — восклицает она, — сжался надо мной! Приостанови свое мщение! Дай мне день быть женщиной и во-

зьми мою жизнь!

И снова ей чудится обольстительный образ Сама.

— Ты сделал из меня твою рабу! Я боготворю тебя! Будь моим господином! Вали принадлежит тебе! Подари меня одним взглядом и убей меня!

Наконец, измученная борьбой, страданием и любовью, она уснула на ковре.

И виделся ей сон.

Около нее стоял Сам. Он презрительно смотрел на нее...

Она валялась у его ног, ставила его ногу на свою голову и твердила ему с безумной страстью: я люблю тебя!

XI

НАЧИНАЕТСЯ!

На другой день, рано утром, Дюран отправился на улицу Урсулинок.

Рожер еще спал.

Сама не могла спать всю ночь и вышла к доктору бледная и печальная.

— Наступил кризис! — хладнокровно начал Дюран. — Встреча была неизбежна. Мы знаем теперь, что Вали в Париже.

— И вы уверены, что это она?

— Разве вы не узнали ее?

— У Вали были черные волосы, у этой белокурые.

— Разве этого нельзя изменить?! Нельзя изменить одного — взгляда. Вали выдали ее глаза. Увидев Рожера, взгляд ее стал походить на глаза хищника. Она не преминет начать действовать. Вчера она приказала следить за вами. Начинается игра! Лишь бы спасти Рожера.

— Но на него самого рассчитывать невозможно. Он будет для нас только лишней опасностью.

— Я и не думаю об этом. У него сердце мужчины, но голова ребенка. Он страстно влюбился в княгиню?

— Страстно! — глухо отвечала Сама.

— Мужайтесь! Мы должны употребить теперь все свои силы, чтобы спасти его. Я не покину вас и поселюсь здесь же. Я буду невидимо наблюдать и готовиться...

Старик лично заявил Орели о своем намерении поселиться сегодня же в этом доме.

Та пробормотала что-то, похожее на протест.

Для троих не хватит помещения. Она будет уставать, как собака. Наконец, она нанялась служить только двум господам.

Но господин Дюран устремил на нее такой взгляд, что она тотчас же утихла.

Старая служанка сочла даже нужным рассыпаться в любезностях.

Она исчезла и отправилась готовить постель доктору в указанной им комнате.

То была просто мансарда, расположенная под самой крышей.

Из окон этой комнаты открывался вид почти на всю улицу Сен-Жак.

Лучшей обсерватории нельзя было и отыскать.

Сидя у окошка, старик принялся за свой скромный завтрак, не покидая, однако, глазами улицы.

Кругом не видно было ничего подозрительного. По улице медленно ехала карета извозчика, запряженная тощей лошадью.

Все это было весьма обыкновенно, однако Дюраном овладело волнение.

Ему казалось, что в карете заключена какая-то тайна, что она везет нечто опасное.

Карета повернула на улицу Урсулинок.

Дюран окончательно убедился, что она остановится перед их домом.

Он быстро сошел с лестницы, чтобы иметь возможность предупредить возможную опасность.

Извозчик действительно остановился у ворот их дома.

Из кареты выпрыгнула порядочно одетая горничная и позвонила у калитки.

Отворить, однако, не особенно поспешали.

Посетительница позвонила еще раз. Наконец по песку дорожки раздались тяжелые шаги.

Калитка стукнула и открылась.

— Господин Рожер Болье? — спросила камеристка.

— Здесь! — отвечала наученная Дюраном Орели.

— Пустите меня поскорее. Мне нужно видеть вашего господина.

— Все это очень хорошо, — флегматично отвечала Орели, — но вряд ли случится.

— А почему?

— Барин спит! — коротко отвечала Орели.

— Но уже полдень. В такой час можно и разбудить.

— Да — но я не хочу.

И Орели шумно захлопнула калитку.

Камеристка начала яростно стучать в нее кулаком. Калитка снова растворилась.

«Я и забыла, с чего следовало бы начать!» — подумала про себя камеристка.

Она вынула из кармана кошелек, взяла из него луи и поднесла к лицу Орели.

Моргающие глаза старухи тотчас же приняли кроткое выражение. Ее жирные губы сложились в сладкую улыбку.

Золотая монета весело блестела на солнце. Орели протянула свои пальцы и быстро схватила ее.

— Что вам угодно от господина Болье? — спросила она кисло-сладким голосом.

— Мне нужно передать ему письмо.

— Давайте, я передам его.

— Нет. Я должна передать его лично. К тому же, требуется ответ.

— Да я его принесу вам сюда. Подождите в карете.

— Как? Вы хотите заставить ждать меня у дверей? Вы забыли, что я дала вам двадцать франков!

— Неужели?.. — невозмутимо пробормотала Орели.

Смелость этого ответа смутила наглую камеристку.

Время, однако, шло — нужно было решаться.

Алина передала письмо и небольшой сверток и сердито

уселась в карету.

Орели все отнесла к доктору Саму, наблюдавшему вместе с Дюраном за всем происходившим.

Оба тотчас же ушли в залу и поспешили развернуть сверток.

В небольшой картонке лежал белый бант с нарядным золотым перехватом.

Старик недоверчиво осмотрел бант, обнюхал его со всех сторон и сказал:

— Тут нет ни яда, ни чего-либо другого. Отдадим ему. Я начинаю угадывать, что заключается в письме!

— А думаете ли вы, что Рожер сообщит мне его содержание? — с горечью спросила Сама.

— Конечно. Не сердитесь только на него. Бедняжка повинуется мимолетной страсти. Он разболтает вам все!

— Что же мне говорить ему?

— Все равно. Вы напрасно будете стараться уговаривать его. Предоставим его самому себе. Скажу одно: не нужно, чтобы Рожер лично виделся с посланным княгини. Наша помощь может оказаться тогда слишком поздней.

Сама отправилась к Рожеру и передала ему присланное.

Рожер рассеянно распечатал письмо и, пробежав его, воскликнул:

— Сам! милый Сам! Представьте, что случилось! Это письмо от нее! Она угадала, она любит меня! Прочтите скорее!

Он протянул письмо. Сама отошла в сторону и стала читать:

«Если вы хотите увидеться, то приезжайте в 2 часа в следующий оперный маскарад, приколов к домино прилагаемый значок.

Дама с опалами.

Приедете ли?»

Прочитав письмо, Сама задумалась. Наконец, собрав все свое мужество, она проговорила:

— И вы поедете на свидание, Рожер?

— Конечно! Ничто в мире не воспрепятствует мне. Почему же мне не ехать?

— Женщина пишет, не зная вас... так смело и откровенно... Подумайте лучше!

— О, милый Сам, не портите мне моего счастья. Я люблю ее и хочу снова увидеться. Признаюсь, меня влечет к ней какая-то непонятная сила.

— Послушайте, по крайней мере....

— Я ничего не хочу слушать! Но кто принес это письмо? Я хочу видеть его! хочу расспросить...

Сама вспомнила слова Дюрана и поспешила ответить:

— Письмо и сверток принесены комиссионером, который ждет ответа у калитки.

Забывчивый Рожер совершенно упустил из виду, что ему нужно отвечать.

Он схватил лист бумаги и начал было послание, грозившее занять собой все четыре страницы.

Однако, он скоро разорвал его и написал три слова:

«Благодарю! Я приеду».

Орели отнесла записку камеристке, которая начинала от нетерпения рвать свои перчатки.

Карета повернулась и скоро исчезла за углом улицы Сен-Жак.

— Мы знаем теперь намерения Вали, — сказал Дюран Саме. — Теперь нечего опасаться до дня маскарада. Я удаляюсь. Терять время нечего. Прощайте!

— Вы покидаете меня? — робко запротестовала девушка.
— Куда же отправляетесь?

— Хе! конечно, в страну неприятеля!

ХП

ДЕЛО ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Однажды утром на улице Нелъи, на углу аллеи Марбеф, появился молодой малый с развалистой походкой.

Этот малый держал в руке большой узел. Достигнув крыльца нежилого особняка, он развязал его и разложил свои товары.

То были плохие потертые меха.

Исполнив это, Исидор Паради начал выкрикивать гнусавым голосом.

— Меха! меха! Дешевые, красивые меха!

Никто не думал беспокоить молодого негоцианта и он продолжал орать в продолжение целого дня, потом весело связал свой узел и стал ожидать.

Наступила ночь.

Паради взял узел под мышку и свистнул особым образом.

К нему скользнула чья-то тень и шепнула на ухо:

— Я теперь стерегу. Ступай, скажи тетке Берлокен, что меня задержали в типографии на ночь.

— Будет сделано. Ты же не зевай и не хлопай глазами. Патрону требуются сведения.

— Не бойся, Паради!

— Прощай, шалун! До завтра!

Паради удалился, оставив на страже Шапуля.

Наутро он явился сменить его, зная, что Шапуля никто не видел в улице Марбеф.

Паради снова принялся за торговлю, которая шла столь же успешно, как и вчера.

Ночью опять явился Шапуль и они вместе отправились на улицу Копо.

Они вошли к Дюрану — которого звали патроном — и сделали доклад, из которого следовало:

Что княгиня каждый день уезжает из дома в 2 часа и возвращается в четыре.

Что в особняк является много молодых людей, но их не принимают.

Что княгиня выезжает также вечером, всегда в карете и с горничной.

Что в особняке ночует не вся прислуга.

Что швейцар, кучер и лакей не похожи на французов, но, должно быть, хитрый народ.

На следующий день улица Марбеф не оглашалась уже криками Паради.

Но на другой день, в то самое время, когда карета княгини исчезла вдали, у подъезда особняка позвонил безукоризненно одетый жокей.

В руках у него было письмо.

Он отказался передать его швейцару и так же настойчиво не пожелал передать его лакею.

Он получил приказание передать его лично самой княгине. Ответ требовался наивозможно скорый.

К несчастью, княгини не было дома.

Прислуга была в затруднении; жокей изъявил готовность подождать и был введен в прихожую, после чего все разошлись по своим местам.

Особняк имел странный вид. Все было роскошно, слишком даже роскошно.

Очутившись один, жокей собрался осмотреть на цыпочках все комнаты.

Перед ним находились три двери. Одна вела на двор. Другие две — во внутренние покои.

Жокей — или, иначе, Дезире Шапуль — заметил пуговку в стене прихожей и нажал ее.

Стена поддалась.

То была также дверь, ведущая на темную лестницу.

Шапуль угадал, что лестница ведет в винный погреб и, вернувшись, вошел в дверь налево.

Он очутился в великолепном салоне, обтянутом шелковой, затканной золотом материей.

Вдоль стен салона тянулся широкий диван.

На полу лежали шкуры черного медведя.

В нише стояла золотая статуэтка, которую Шапуль на-

шел отвратительной.

То было изображение Дурги.

Богиня имела ожерелье из членов человеческого тела и держала в руках саблю и человеческую голову.

Лицо ее выражало животное зверство.

Из салона узкий коридор вел в уборную.

Дезире Шапуль нашел, что тут «хорошо пахнет».

Он был поражен изобилием и роскошью находившихся здесь предметов.

Он взял со стола шар из горного хрусталя, предназначенный для охлаждения рук, но шар выскользнул у него и с громом покатился по полу.

Тотчас же в доме поднялась суета.

Повсюду раздался шум отворявшихся и затворявшихся дверей.

Шапуль хотел бежать.

Но было уже поздно.

Прибежали черные слуги и окружили его.

Один из них выхватил из-за пояса кинжал и хотел было поразить бедного Шапуля.

Последний понял, что настала его последняя минута, и решил умереть храбрецом.

Он изо всех сил ударил слугу ногой в живот.

Этот удар, конечно, делал его смерть еще несомненное, но, по крайней мере, удалил минуту ее наступления.

Но в это время появилась компаньонка княгини.

Алина, как мы уже говорили, была молода и недурна собой, но выражение лица ее имело в себе нечто зловещее.

Увидя ее, Шапуль припомнил ее черты. Он видел уже ее однажды на скамье подсудимых, во время разбирательства знаменитого процесса.

Появление ее не сулило Шапулю ничего хорошего.

— Что тут такое? — произнесла она повелительным тоном. — Не нужно крови. Она оставляет пятна. Ты, — прибавила она, обратившись к груму, — принес письмо барыне. Подавай его сюда.

Шапуль робко протянул ей письмо.

Алина взяла его, распечатала и развернула бумагу.

К несчастью, лист был совершенно чист.

—О! о! — пробормотала Алина, — твои дела начинают портиться. Упрячьте-ка этого негодяя в погреб, а когда ба-рыня вернется, мы рассудим.

Шапуль был моментально повален на землю и связан по рукам и ногам.

Его взяли на руки и отнесли в погреб.

Перед ним растворилась тяжелая дубовая дверь.

Он был положен на землю, и дверь снова затворилась.

Шапуль недолюбливал опасные положения. Но, очутившись в нем, он хладнокровно покорился своей участи и сохранил даже некоторую дозу веселости.

Лежа на земле и не имея возможности сделать хоть малейшее движение, он стал серьезно обдумывать способ спасения.

Но его было довольно трудно найти.

Княгиня уехала в два часа. Он явился десять минут спустя после ее отъезда. В разговорах и прочем прошло не менее двадцати минут. Борьба длилась не более пятнадцати.

Значит, теперь должно быть без четверти три часа.

Княгиня возвращалась обыкновенно в четыре. Ему, значит, оставалось ждать немногим более часа.

— Час с четвертью, — говорил себе Шапуль, — времени немало, когда обретаешься в моем положении. Но его не хватит для того, чтобы удрать. Нужно оборвать веревки, найти выход. Нет — времени никак не хватит. Я в погребе... тут должно быть окно. Однако, я не вижу света. Окно, должно быть, чертовски мало. Все равно, поищем!

Но он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Он попробовал перекатиться — это ему удалось, хотя не без труда.

Он докатился до стены.

Тут, глазам его представилось небольшое окно над землею. Он вспомнил, что видел его внизу стены, выходящей на авеню Нельи.

Шапуль стал тихо посвистывать.

Через несколько минут ему отвечали таким же свистом. Завязался следующий диалог:

— Паради!

— Шапуль!

— Ты тут?

— Как и всегда!

— Есть у тебя ножик?

— Есть? Я еще недавно отточил его.

— Раскрой его и спусти в окно.

— Есть!

— Отлично! Теперь расхаживай около окна и подойди к нему через полчаса.

Шапуль подполз к ножу и с величайшими усилиями достиг того, что ножик пришелся острием вверх.

Он стал тереть тогда о него связывавшую его руки веревку, которая скоро поддалась.

Рука освободилась и действовать стало уже гораздо легче.

За первой веревкой последовала вторая, третья.

Наконец, Шапуль освободился от своих уз. Он мог встать и ходить.

Глаза его привыкли к темноте. Он начал рассматривать замок.

Он был прикреплен изнутри четырьмя винтами.

Шапуль хитро улыбнулся.

Винты не успели еще заржаветь, так как дверь была новая.

Он начал отвертывать их своим ножом. Через несколько минут замок упал на землю.

Время, однако, шло, нужно было торопиться...

Шапуль вернулся к окну и снова засвистал.

Паради не замедлил откликнуться. Он выслушал заявление своего товарища и удалился.

Шапуль тихо поднялся по лестнице и осторожно стал прислушиваться у двери, ведущей в переднюю.

У подъезда раздался звонок.

В отворенной двери появилась неказистая фигура Паради.

Он принес заказ горничной.

Консьерж протянул было руку, чтобы взять принесенное, но был в одну минуту сшиблен с ног Паради.

В эту минуту раздался условный знак — пронзительное чихание.

Шапуль ринулся из своей засады, перескочил через консержа и исчез вместе с Паради.

Прибежали слуги, но было уже поздно.

Они открыли совещание под председательством Алины.

Очевидно, сбежавший был шпион. Пустить его в особняк было большой неосторожностью.

Выпустить же его было просто глупостью.

Чтобы избежать возможных неприятностей, все решили ничего не говорить об этом княгине.

Шапуль и Паради, не теряя ни минуты, отправились к господину Дюрану, чтобы сообщить все виденное.

Старика в особенности поразили два обстоятельства:

Во 1-х, сад особняка был отделен весьма низкой оградой от другого сада, выходящего на улицу Марбеф.

Во 2-х, Алина была замешана в весьма важном преступлении.

Шапуль дал относительно последнего самые подробные сведения.

— Она называет себя Алиной — это вздор. Настоящее ее имя — Манон, по прозвищу *Гринш*. Она была любовницей судившегося вора. Мы видели, Паради и я, как его судили. Он убил старуху на улице Альбуи, в доме под № 14. Она же осталась в сильном подозрении.

Шапуль дал еще много подробностей, которые оказались нужными Дюрану.

На другой день господин Дюран нанял дом, сад которого находился рядом с садом особняка княгини Валицкой.

ХІІІ

АЛИНА ДЕЛАЕТ ХОРОШЕЕ ЗНАКОМСТВО

На церкви св. Филиппа медленно пробило девять часов.

Вдоль улицы Сен-Оноре еле тащился фиакр. Он повернул на Ангулемскую улицу и остановился напротив авеню Марбеф.

Из кареты вышел человек и начал прохаживаться вдоль тротуара.

На нем были синие очки, не позволявшие различить цвет его глаз.

В руке, обтянутой в желтую перчатку, находилась легкая тросточка с золотым набалдашником.

Несмотря на довольно сильный холод, на нем не было пальто.

Незнакомец прогуливался уже около десяти минут, нетерпеливо покашливая и постукивая тростью о камни тротуара.

Но вот отворилась дверь отеля княгини Валицкой, и из нее вышла женщина, закутанная в плащ.

Она осмотрелась по сторонам и, увидев прогуливающегося, прямо направилась к нему.

— Это вы, господин Эрнест! — обратилась она к нему ласковым тоном.

— Да, прелестная Алина! — отвечал Эрнест. — Это я, ваш обожатель, любящий вас больше...

— Не говорите глупостей! — кокетливо прервала его Алина, закрывая ему рот своей обтянутой перчаткой рукой. — Поговорим серьезно — хотите?

— Я желаю всего, чего вы желаете...

— Вот и прекрасно! Мы, я вижу, скоро сделаемся друзьями. Ах, как мне трудно было попасть сегодня на свидание! Барыня непременно хотела взять меня с собой. Я прикинулась больной. Она уехала одна. Я и убежала сюда...

Эрнест счел своей обязанностью коснуться губами руки Алины.

Впрочем, это было сделано без особенной поспешности.

— Это что такое! — вскричала та. — Я слушала вас вчера, слушаю сегодня, вы кажетесь мне серьезным человеком, и я ненавижу молокососов... Но я честная девушка... К тому же, я не решусь бросить свое место из-за пустяков. Ну,

что вы хотите сказать мне?

— Скажу, во-первых, прелестная Алина, что я думал о вас целый день.

— Та, та, та! — нетерпеливо прервала его молодая женщина.

— Да, — серьезно продолжал Эрнест. — Я целый день думал о вас, рыская по магазинам. И я пришел к заключению, что палисандровая мебель лучше пойдет к вам, чем мебель из красного дерева, которая теперь не в моде.

— Все это очень хорошо, но.... вы позволите мне быть совершенно откровенной?

— Умоляю вас.

— И вы не рассердитесь?

— О, Боже — никогда!

— В таком случае — извольте! Видите ли, господин Эрнест, все мужчины так легкомысленны, что мы — бедные девушки — должны быть осторожными. Что будет со мной, если вы бросите меня? Место теперь у меня очень выгодное. Я желала бы обеспечения. О, не для самой себя, а для моей матери.

— Это очень понятно, — отвечал господин Эрнест. — Я дам вам десять тысяч для вашей матери и десять тысяч вашему отцу, о котором вы забыли упомянуть. Есть у вас еще родные? Братья? сестры? тетки? кузены?

— Вы хотите смеяться надо мной? — с неудовольствием заметила Алина.

— Я никогда этого не посмею! — почтительно отвечал Эрнест.

— Все это хорошо. Я вижу, что вы все шутите. Но вы не настолько молоды, чтобы делать из-за нас глупости. Пустите меня!

— О нет! — внезапно переменяя тон, отвечал господин Эрнест. — Ты попалась, Манон *Гринш*, и попалась ловко.

Услышав свое настоящее имя, субретка побледнела, как смерть.

Не долго думая, она хотела броситься бежать.

Но у нее подкашивались ноги.

К тому же, сильная рука удерживала ее за плечо.

— Послушай, что я скажу тебе, Манон, — жестко продолжал незнакомец. — Ты должна повиноваться мне с нынешнего дня. Ты должна беспрекословно исполнять все мои приказания. Слышишь ли? Если я останусь доволен тобой, то ты получишь двадцать тысяч франков. Если же нет — я тебя упрячу.

— Да кто же вы, наконец? — спросила пораженная ужасом Манон.

— Что за дело! Я знаю, кто ты! Этого достаточно. Я знаю все про дело на улице Альбуи. Дело, как видишь, пахнет тюрьмой. Согласна ли ты на мои условия? Я тебя не принуждаю. Отвечай — да или нет?

Незнакомец снял свои очки и устремил на Алину свой стальной взгляд.

Та окончательно растерялась и отвечала:

— Я согласна и буду повиноваться вам.

— Значит, завтра, в девять часов, перед пробуждением княгини, ты придешь ко мне на улицу Соссе, № 3-й. Ты спросишь господина Эрнеста.

Алина, шатаясь, возвратилась в особняк Марбеф.

Незнакомец сел в карету, оставленную им на углу улицы Ангулем, и приказал вести себя на улицу Соссе, № 3-й.

Он отпустил тут кучера, быстро прошел сад и, не останавливаясь перед ложей портье, вошел в небольшое помещение в антресолях.

Он подошел к зеркалу и освободился от своей нарядной одежды.

Он снял свою бородку, усы и парик, снова надел свой белый галстук и черный, атласный жилет, и вышел на улицу.

Любой посетитель кафе Ласепед узнал бы в нем господина Дюрана.

XIV

МАСКАРАД

Наступила ночь оперного маскарада.

Карета княгини Валицкой стояла у подъезда особняка. Закутанный в меха кучер нетерпеливо похлопывал руками.

В ложе портье грелись швейцар и лакей. Мадемуазель Алина, уже одетая в черное домино, быстрыми шагами прошла через двор.

В руке у нее находился хрустальный графин, переданный ей утром господином Эрнестом.

— Вот, — сказала она, входя в ложу, — графин с араком, который я припрятала для вас. Вам веселее будет ждать нас ночью. Спрячьте его теперь и Боже вас сохрани выпить хоть каплю прежде нашего отъезда.

Она поставила графин на стол и поспешно вернулась в особняк.

Слуги с радостью глядели на стоявшую перед ними влагу.

Они протянули было к ней руки, но вспомнили приказание Алины. Нужно было ждать отъезда княгини.

Поэтому немудрено, что швейцар поспешно отворил дверь уезжавшим.

Он следил несколько минут за удалявшейся каретой и весело вернулся в ложу, где ожидал его лакей.

Из шкафа был вынут драгоценный графин.

Его подняли к лампе и долго любовались золотистым цветом напитка.

Арак был разлит по стаканам, и собеседники начали с наслаждением потягивать его.

Не успела скрыться в отдалении карета, как наверху забора сада отеля княгини показались два человека.

Они были одеты совершенно так же, как и прислуга княгини: широкие черные панталоны, высокие сапоги, шелковые рубашки и суконные кафтаны.

Из-под меловых шапок виднелись длинные белокурые волосы.

То были Бирруб и Сапвалла. На шее последнего по-прежнему красовался ящик со змеей.

Они соскользнули на землю, осторожно прошли садом и скоро очутились под окнами дома.

Сапвалла вынул из кармана кусок воска, прикрепленный к носовому платку.

Он прикрепил воск к одной из рам окна и обрезал кругом стекло бриллиантом.

Стоило только дернуть за платок, и из окна выпал кусок стекла.

Он отворил задвижку, и оба проникли в особняк, прошли комнаты и очутились на дворе.

Они подошли к ярко освещенным окнам ложи портье. Лакей и швейцар усердно попивали арак.

Слуги княгини не замедлили выпить весь арак.

Затем они погрузились в какую-то блаженную полудремоту.

Глаза их закрылись, головы склонились на стол, руки упали вдоль тела.

— Господин не ошибся, — заметил Сапвалла, — они выпили и спят. За дело, Бирруб! Свяжем этих собак и запрем их в погреб.

Они в одну минуту сделали это. Бирруб взвалил себе на плеча обоих слуг, которые были заперты в погребе.

В это время княгиня приехала в Оперу.

Улица Лепелетье была полна света и движения.

Свет играл на касках жандармов, похожих на конные статуи.

Освещенные рестораны, блестящие выставки костюмерных магазинов, ряды газовых фонарей театра — все это представляло весьма красивое зрелище.

Вдоль улицы толпились любопытные, жадно смотревшие на проезжающие маски.

В этой-то толпе и отличился юный и ловкий Паради.

Он зажигал тиры, чистил обувь, почтительно отворял дверцы экипажей.

Он называл своих клиентов «граф» и получал за это щедрое вознаграждение.

Но, несмотря на все это, Паради был рассеян. Он, очевидно, ожидал кого-то.

Когда подъехало купе княгини Валицкой, он быстро перемигнулся с Шапулем и подошел поближе.

Первой вышла из купе Алина.

За ней последовала княгиня, закутанная в соболью ротонду.

Обе скрылись в толпе, поднимавшейся по лестнице.

Наконец, княгиня добралась до своей ложи.

Она сняла свою ротонду и задумчиво уселась у барьера.

В зале было душно. В ярко освещенном круге партера весело двигалась нарядная толпа.

Раздались звуки оркестра.

По зале задвигались пары.

Играли кадрили «Graise cassée».

Танцами дирижировал известный эксцентрик-банкир. Мелару безумно аплодировали.

.

.

.

.

— Я не нужна вам, сударыня? — спросила Алина у княгини.

— Нет, — отвечала та, — ступай! Ложись спать — и спи... спи!...

— Можно мне взять карету?

— Нет, мне она скоро понадобится.

Алина вышла из ложи.

В коридоре ее остановил человек в черном плаще и шепотом заговорил с ней.

— Господин Эрнест! — с ужасом воскликнула Алина.

— Дала ли ты арак слугам? — спросил тот.
— Да.
— Ты сядешь в карету своей госпожи...
— Она не позволила мне этого ...
— Ты должна повиноваться мне беспрекословно сегодня!

— Но...
— Я ничего не хочу слушать. Не забывай, Манон, что ты...

Алина с ужасом воскликнула:

— Хорошо! хорошо! Я исполню все!

— Ты возвратишься в особняк. Карета приедет обратно. Что бы не случилось сегодня ночью, ты должна спать. Завтра ты будешь свободна и получишь деньги.

Алина быстро спустилась с лестницы и крикнула кучеру:

— Скорей, домой!

Кучер ударил по лошадам, и карета загремела по мостовой.

Через четверть часа они были уже на улице Марбеф.

Дверь особняка растворилась прежде, даже нежели раздался звонок.

Кучер въехал на двор.

Внезапно чьи-то сильные руки стащили его с козел, заткнули рот и унесли.

То было дело Бирруба, незаметно вскочившего на подножку.

Кучер был положен в конюшне.

Бирруб снял с него его кафтан и шапку и, одевшись, сел на козлы.

Карета помчалась обратно к Опере.

.

.

.

Княгиня Валицкая вынула из-за пояса крошечные часы, вделанные в сапфир.

Была пора.

Она встала, вышла из ложи, прошла коридор и отправилась в фойе.

То было место, где предавались наслаждению.

Княгиня вошла в него, с трудом протискиваясь сквозь толпу.

Она направилась в левую сторону обширной залы.

Ни минуты не колеблясь, она подошла к мужчине с золотым бантом на плече.

Часы пробили два.

Рожер приехал уже давно. Он ждал в лихорадочном сомнении.

Увидя приближающуюся женщину, он сразу узнал княгиню Валицкую и затрепетал.

Она взяла его руку, и они начали прохаживаться по зале, тихо разговаривая.

Всякий, кто пристально взглянул бы на них, сразу угадал бы, что мужчина совершенно поддался очарованию женщины.

Женщина кокетливо уступала мужчине.

За влюбленной парой, однако, следили.

За ними незаметно шел человек в черном плаще.

Он вел под руку женщину, одетую в черное домино.

Женщина эта, казалось, была погружена в глубокое отчаяние.

Вид княгини, нежно опиравшейся на руку Рожера, представлял ей, по-видимому, страшные мучения.

Но беспокоило ее не одно только это.

— Уверены ли вы, что все готово? — тихо спросила она у своего спутника.

— Послушайте сами! — отвечал человек в черном плаще.

Они приблизились к княгине. Женщина прислушалась.

Княгиня говорила томным голосом:

— Нет, не настаивайте: это невозможно, не терплю ресторанов!

Ответа Рожера не было слышно.

Княгиня продолжала:

— Но, если вы непременно хотите... Я сумасшедшая... Мы поужинаем у меня...

Говор толпы снова заглушил ответ Рожера.

Нахлынувшие маски разъединили обе пары.

— Видите, сударыня, — заметил человек в черном. — Алина сделала свое дело.

— Да, вы правы, — отвечала Сама. — То, что вы сделали, сделано хорошо. Но, как бы то ни было, мне, все-таки, далеко не хватает того спокойствия, которое дается уверенностью. Да хоть бы и вас взять — уверены ли вы и сами в успехе?

— Увы! Человеческая проницательность всегда имеет свои пределы, как бы ни были велики размеры этой проницательности. Всегда найдется что-нибудь такое, что способно ускользнуть от нашего взгляда. Вот это-то непредвиденное и разрастается иной раз, совсем неожиданно, до такой степени, что уничтожает собой все наши предварительные соображения. Такова судьба всякой борьбы.

— Судьба борьбы! — пробормотала про себя Сама задумчиво. — Будет ли она, судьба эта, за нас или против нас в эту ночь?

— Напрасно стали бы мы теперь об этом раздумывать, — с живостью произнес человек в черном плаще. — Время размышлений прошло и настала пора действовать. Посмотрите! Рожер и княгиня удаляются из фойе. Постараемся не потерять их из виду.

Действительно, княгиня спускалась с лестницы под руку с молодым человеком.

— Замечаете вы, — говорила она, обращаясь к своему спутнику, — что, несмотря на весь этот шум, на все это движение, ничего на свете не может быть скучнее бала в Опере!

— О, можно и здесь быть очень счастливым, — отвечал ей на это молодой человек.

Разговаривая таким образом, они достигли театральных сеней.

Княгиня отдала приказание окликнуть свою карету.

Экипаж въехал под арку подъезда, поддерживаемую ко-

лоннами.

Княгиня села в карету, увлекая за собой и того, кто не должен уже был увидеть наступления следующего дня.

Лошади рванулись вперед.

Но не будь Валицкая занята так своими мыслями, она заметила бы, конечно, что бег ее лошадей замедляется.

Кучер удерживал их, разумеется, затем, чтобы не столкнуться с встречными экипажами.

Но, как бы там ни было, он все-таки терял время.

Экипаж княгини обогнала небольшая, черного цвета, двухместная каретка, которая и скрылась впереди с быстротой молнии.

XV

ЗЕМЛЯ И НЕБО

После того, как Бирруб взобрался на козлы и карета уехала, Сапвалла притворил двери особняка, не дав себе труда запереть их как следует.

Природная леность подсказала индусу следующую счастливую мысль: стоит ли заботиться о двери, когда все равно надо будет ее отворять.

Сапвалла вернулся в комнаты.

Бутылка с араком осталась раскупоренной, и охмеляющий запах напитка наполнял собой натопленную комнату.

Сапвалла погрузился в продолжительное созерцание бутылки.

—Нет, — сказал он себе, — пить я не стану; господин запретил мне это. Он подмешал в арак снотворного яда, а мне он велел не спать... Однако, как прекрасно пахнет арак... Жаль, очень, жаль.. Но пить-то я все-таки не стану. Нет-нет, ни за что на свете.. Вот разве поближе понюхать... Чрезвычайно подкрепляющий запах!

Индус поднес бутылку с араком к лицу, наклонился над ее довольно широким горлышком и стал вдыхать в себя, с чрезвычайной жадностью, алкоголические пары.

Время проходило, а Сапвалла, убежденный в том, что он в точности исполняет отданное ему приказание, не переставал вбирать в себя опасный запах.

Наконец он почувствовал, как отяжелела его голова.

— Нет, — сказал тогда про себя индус, — здесь для меня чересчур жарко натоплено. Это мне нездорово. Если я останусь здесь, то засну.

Он поправил ящик, который постоянно носил у себя на шее, и вышел на двор.

Там порывисто бушевал холодный северный ветер.

Но напрасно старался Сапвалла ходить ускоренными шагами назад и вперед по двору: он чувствовал, как всем его существом овладевает какая-то тяжесть. Голова его была как бы стянута каким-то свинцовым обручем.

Очевидно, холодный воздух влиял на него столь вредным образом. Чтобы высвободиться из-под этого дурного влияния, Сапвалла, не будучи уже в состоянии отдавать себе строгого отчета в своих действиях, вернулся в особняк.

Вскоре он очутился в спальне княгини.

Вид экзотических растений, перепутывавшихся своими ветвями в этой чудной комнате, поверг его в чрезвычайный восторг.

— Ах, — прошептал он, — это моя родина! Вот они — деревья Уджеина, вот они! И какое кругом благоухание!.. Как счастлива была бы Найя, если бы она это увидела... Она так долго уже сидит в своей тюрьме... бедная, бедная Найя!

Индус раскрыл длинный ящик и тихонько посвистал.

Плоская и как бы треугольная головка выставилась наружу.

В продолжение минуты змея оставалась совсем недвижимой.

Ее маленькие, умные, но злобные глазки светились, как бриллианты, и оглядывались по сторонам.

Наконец, пресмыкающееся выползло из ящика и, изгибаясь большими кольцами, направилось в сторону деревьев.

Сидя на корточках и свесив голову на грудь, индус находился в том своеобразном состоянии засыпающего человека, который, уже вконец парализованный сном, все-таки еще старается привести в исполнение занимающие его голову мысли.

Сапвалла хотел посвистать, чтобы позвать Найю, но он не мог произнести ни одного звука.

Он намеревался открыть ящик, в который должно было вернуться пресмыкающееся, а руки его, между тем, в обесилении, спускались вдоль тела.

Как бы сквозь сон, услышал он шум подкатившихся колес... карета остановилась у подъезда особняка... раздался чей-то, зовущий кого-то голос... вот с живостью приближаются чьи-то шаги... на его плечо опускается чья-то рука и сильно трясет его.

Раскрыв глаза, сонливец выпрямился на ногах.

Человек, одетый в черный плащ, стоял перед ним.

Человек этот приподнял маску и отбросил капюшон назад.

— Господин! — произнес индус в ужасе.

— Несчастный, — гневно сказал господин Дюран, — где я тебе велел находиться? Скорее ступай на свое место... скорее. Ты еще успеешь это сделать.

Вот что произошло.

Господин Дюран приехал, в сопровождении Самы, опередив княгиню на несколько минут.

Двуместная каретка, привезшая их, тотчас же отъехала от подъезда.

Удивленный, что на его зов никто не откликается, чтобы отворить ему дверь, Дюран толкнул ее и таким образом вошел в особняк и стал повсюду отыскивать Сапваллу.

Наконец, он нашел его заснувшим.

Индус, врасплох застигнутый в своем непослушании, со всех ног и спотыкаясь бросился на двор.

Вскоре вторая карета остановилась перед подъездом особняка.

Бирруб голосом Димитрия окликнул привратника.

Сапвалла отворил дверь, карета поворотилась и остано-

вилась под верандой.

Рожер и княгиня Валицкая вышли из экипажа.

Вместе прошли они через мраморное антре, украшенное позолоченными колоннами, где роскошные и благоухающие цветы наполняли большие вазы из яшмы.

Они достигли будуара, обитого атласом гранатового цвета.

Рожер чувствовал себя на седьмом небе; Валицкая была рассеянна и как бы чем-то занята или озабочена.

Та добыча, которой она столь домогалась, находилась теперь в ее руках. Но мысли ее были далеко... далеко!

Княгиня мечтала о том незнакомце, которого она мельком увидела однажды вечером во Французском театре. Одно воспоминание о нем заставляло сладко волноваться ее жестокое сердце.

— Наконец-то мы приехали! — произнес Рожер.

Звук его голоса вывел княгиню из того приятного забытья, в котором она находилась.

— Да, мы приехали... но... но что же не подают нам ужинать... Оставайтесь в маске, пока не подадут ужин; я не хочу, чтобы люди вас видели. Подождите здесь... я вас оставлю на минуту, чтобы снять с себя домино...

Она исчезла через небольшой проход, ведущий в ее комнату.

Рожер пересел на диван и стал смотреть на мрачную обивку будуара, на маленький столик посредине комнаты, на котором сейчас должны были появиться два куверта.

Восковые свечи, поставленные в канделябры позолоченного серебра, отражали свои огни в хрустальных подвесках, которые отливали всеми семью цветами.

Бирруб без шума отворил дверь.

На этот раз на нем надето было меховое платье из белого сукна; петлицы были расшиты золотом.

Такова была парадная ливрея, в которую облакались слуги дома.

Голову покрывала шапка из зеленого бархата, так что лица было почти совсем не видно.

Излишняя предосторожность: Рожер совсем не заметил

Бирруба, когда тот сопровождал карету, и теперь не обращал на него никакого внимания.

Бирруб внес тяжелый поднос, на котором возвышались разного рода плоды.

Он поставил его на стол.

Потом, приняв предосторожность, чтобы поведение его не могло возбудить подозрения, Бирруб приблизился вдруг к Рожеру, с чрезвычайной быстротой и ловкостью бросился на молодого человека, схватил его, зажал ему рот и вытащил вон из будуара.

Едва успели скрыться они из комнаты, как туда вошло черное домино, также с золотым шнуром на плече — вошло и заняло место Рожера.

Домино село, расправило длинные складки своей одежды, скрывавшие его талию, и застыло в какой-то неподвижности.

Наконец возвратилась и княгиня Валицкая.

Она накрыта покрывалом, сделанным в мавританском вкусе. Бледно-розовый цвет ее шелковой одежды еще более смягчается прозрачной сетью кружев.

Широкие рукава с разрезами до самых плеч обнажают ее прекрасные руки.

Мягкая ткань послушно обрисовывает ее роскошные формы и издает шуршащий шорох при всяком движении княгини.

Жемчужное ожерелье обвивает ее шею и ниспадает на ее грудь и только что сорванные розы перевивают ее золотистые волосы.

Как бесконечно очаровательна Валицкая в своей небрежно-беззаботной кокетливости, среди изысканной роскоши, окруженная этой таинственной и раздражающей атмосферой, в полусвете укромного будуара!

А между тем, человек, сидящий на диване, не произносит ни единого слова.

Не делает ни одного движения.

— Что же вы не садитесь рядом со мной? — произносит Валицкая. — Ужин подан, снимайте вашу маску.

Домино сняло маску, не опустив капюшон.

Княгиня была поражена.

Перед ней стояла бледная фигура — та самая фигура, которая каждую ночь преследовала ее в сновидениях.

Почему Рожера не было более в комнате?

Каким образом незнакомец очутился на его месте?

Сон ее превратился в действительность. Единственное существо, благотворно действовавшее на ее сердце, существо, о любви которого она могла мечтать и мечтала, находилось теперь перед ней.

Валицкая упала на колени, бормоча страстные, безумные речи.

Сама протянула в ее сторону руку и произнесла одно только слово.

Вали почувствовала, как упало в ней сердце.

— Я заслуживала наказания! — сказала она, бледнея. — Да, сознаюсь, я лгала, я была изменницей. Но, благодаря божеству, мне покровительствующему, сердце мое всегда было девственным. Жрица Дурги никогда не отдавалась никому всецело. Те, которые осмеливались за мной следовать, держали в своих руках один только холодный мрамор. Они говорили мне о своей любви! Мне-то? Да разве имели они понятие о том, что такое — любовь! До того дня, как я тебя увидела, я не знала ничего, кроме чувства ненависти!

— Вампир! — проговорила Сама.

— О, — прошептала Вали. — я вижу это: боги дали тебе дар провидения! Но раз ты все уже знаешь, ты должна знать, что я невинна. По соизволению Дурги, в жилах моих течет кровь, которая сжигает меня и жаждет другой крови. Я повинуюсь закону, предначертанному свыше; но я невинна, как тот кровожадный тигр, который рвет на куски еще трепещущее мясо. Ибо Дурга, создавая его, сказал ему: «Убивай или умри!»

Я так же: я убивала, потому что надо мною тяготело проклятие... О, ты, чья красота свидетельствует о небесном твоём происхождении, сжался надо мной — я на коленях умоляю тебя об этом — освободи от тех чар, которые все-сильно влекут меня по дороге зла. Избавь меня от тех мук, которые терзают меня, освободи, спаси меня! Ты можешь

это сделать, я это знаю. О, не отталкивай меня! Оставь мне хотя какую-нибудь надежду. Позволь мне любить тебя, как...

Несчастная рыдала у ног Самы, и Сама, помимо своей воли, поддавалась чувству жалости.

Какое-то странное чувство овладело ею при виде прекрасного создания, дошедшего до крайних пределов отчаяния.

Она не хотела более слышать голоса, который бы мог поколебать ее решимость.

— Замолчи, Вали, — произнесла она. — Довольно обмана! Чего ты хочешь от меня? Я — женщина!

И, далеко отбросив от себя атласный плащ, закутывавший всю ее фигуру, Сама явилась перед Вали в королевском одеянии, с короной, украшенной драгоценными камнями, — в том самом виде, как в тот день, когда ей удалось освободить Рожера от смертоносных объятий Вали, и когда она приказала схватить ее и сделать ее рабыней.

С глазами, расширенными от испуга, Вали поднялась с колен и прислонилась к стене.

— Королева! — вскричала она. — О, я не могу бороться против тебя... — продолжала она, вся дрожа. — Ты осудила меня на смерть. Я знаю, что я погибла. Выслушай меня! Во имя того, что тебе дорого, сжался надо мной! Я удалюсь, пойду туда, куда ты прикажешь. Мне ничего не надо... Пусть я буду рабыней... Но только дай мне жить... О, дай мне жить!

Сама была тронута.

— Хорошо, — произнесла она. — Ты будешь жить — но ты должна уехать.

— Тотчас же, как ты прикажешь.

— В эту же ночь.

— Сию минуту.

Отчаяние поруганной любви, стыд, ужас — вот чувства, которые волновали душу Вали в эти минуты.

Убедившись в том, что ей позволяют жить, Вали задумала нечто адски-ужасное.

Она не смела выказать явное сопротивление Саме. Борьба с ней была ей не по силам.

Но она вспомнила, что у нее в комнате, на туалете, лежал кинжал.

— У меня к тебе есть еще просьба, — сказала Вали. — Я пойду туда, куда ты меня пошлешь. Я искуплю прежние свои преступления. Мне не надо ни моего золота, ни моих драгоценностей. Мне ничего этого не надо! Но у меня есть медный браслет, который надела мне на руку моя мать, умирая. Это единственно хорошее воспоминание во всей моей жизни. Этот браслет, конечно, ты позволишь мне взять. В этом ты мне не откажешь!

Сама находилась в нерешимости.

— Не думай, не бойся, что я хочу убежать!

— Если бы ты и захотела, ты не могла бы этого сделать, — отвечала ей Сама, — дом твой стерегут.

— Я сейчас вернусь, клянусь тебе в этом Дургой. Я вернусь, — сказала Вали с каким-то загадочным ударением на последнем слове.

И она бросилась к себе в комнату.

Кинжал находился там же, где и всегда.

Она схватила его, стиснула его рукоятку и, подняв высоко над головой руку, устремила обратно, чтобы поразить им своего врага.

Но в эту минуту она споткнулась обо что-то круглое и упругое.

Вали упала, испустив крик ужаса.

Змее, выползшая из ящика, в котором держал ее обыкновенно Сапвалла, заползла сначала в середину растений, которые наполняли комнату. После этого, Найя ушла в темный коридор, которым должна была проходить Вали, и свернулась в клубок в самом темном углу его.

Попав под ногу Вали, змея мгновенно развернула свои кольца, бросилась на Вали и ужалила ее в руку около плеча.

Яд повлиял тотчас же: рука распухла и почернела.

Сине-багровые пятна выступили на груди и лице у жрицы Дурги.

Помутившийся и исполненный ужаса взор, судорожно сжимающееся горло, тяжелое и порывистое дыхание — все

говорило о том, что смерть подступает неумолимо и быстро.

Скоро хрип, kloкoтaвший в ее горле, прекратился. Глаза раскрылись и остановились. Зрачки закатились под самый лоб. Белки очертились кружками черной крови.

Крик, вырвавшийся из груди Вали, огласил весь особняк.

Господин Дюран и индусы служители прибежали на этот крик, полагая, что Саме грозит опасность.

Явился даже Рожер. Бирруб оставил его одного, и это обстоятельство позволило ему прибежать в залу.

Но то, что он увидел там, заставило его пошатнуться и отступить назад.

Он поднес свои руки ко лбу, отуманенному сильнейшей скорбью.

Последняя завеса упала с его глаз.

Он вспомнил!

Злой гений его лежал распростертым на полу.

Труп, к которому присосалась змея, начинал уже быстро разлагаться, как это всегда бывает с трупами, отравленными ядом того вида змей, к которому принадлежала Найя.

Сама стояла перед ним, невинная и чистая, сияющая в лучах своей торжествующей красоты.

Рожер не мог оторвать от нее своего взгляда, чувствуя в своем сердце прилив какого-то божественного восторга.

Он смотрел на нее так, как смотрят ангелы, обладающие даром видеть невидимое, на возносящуюся к небу лучезарную душу, оставившую на земле свой тленный покров.

ЭПИЛОГ

Вот легенда, которую рассказывают пилигримы, посетившие священные истоки Ганга.

По ту сторону гор Дьявогирских, над холодными водами озера Манасы, находится благословенная сторона, которую дочь древних королей индейских, прекрасная, как Сама, избрала местом своего жительства.

Супруг ее, воин, пришедший с Запада, похож на бога войны.

Годы не оставляют на них следов своих. Только волосы их поседели, но это придает им новую величественность.

Придет день, их сильные потомки спустятся с гор в долины, чтобы возвестить Индии свет и свободу.

Такова легенда пилигримов, посетивших священные истоки Ганга.

Примечания

Настоящее имя автора, писавшего под псевдонимами «Анри Люсне» (Henry Lucenay) и «Анри де Люсне» (Henri de Lucenay), по сей день остается неизвестным. По мнению некоторых французских литературоведов, данные псевдонимы принадлежали Мари-Леони Девуар (1853 – ?), в 1880-87 гг. жене художника Э. Видала, опубликовавшей под своей «мужской маской» также поэму *Surge Gallia* (1890), сборник рассказов *Ce qu'on dit au fumoir* (1893) и роман *La peine imméritée* (1907). Печатавшийся в конце 1930-1940-х гг. Анри де Люсне, очевидно, не имеет к ней отношения.

Женщина-вампир, единственный фантастическо-приключенческий роман «Анри Люсне», вышел на французском языке в 1880 г. под заглавием *La femme qui mord* («Женщина, которая кусает»). В том же году роман был анонимно переведен на русский язык и опубликован в №№ 8-9 журн. *Избранные романы и повести Библиотеки «Мирского толка»* (Москва).

Книга публикуется по первоизданию. Орфография и пунктуация приближены к современным нормам; также исправлены явные опечатки, неверная нумерация главок и отдельные устаревшие обороты.

Издательство выражает глубокую благодарность А. В. Гражданкину за помощь в подготовке издания.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.